

М. М. Гунба

Абхазия в I тысячелетии н. э. (Социально-экономические и политические отношения)

Сухуми – "Алашара" – 1989

83.3 Гр

Г 57

Рецензенты: член-корр АН ГССР, профессор З. В. Анчабадзе,
канд. ист. наук Л. Г. Хрущкова

Научные редакторы: докт. ист. наук Г. К. Шамба,
канд. ист. наук Г. А. Амичба

**ГУНБА М. М. Абхазия в I тысячелетии н. э.: Социально-экономические и политические
отношения.** — Сухуми: Алашара, 1989. — 254 с.

В работе на основе нового материала (главным образом археологического) освещается социально-экономическая и политическая история Абхазии в I—Х вв. н. э. В рамках указанного периода автор — кандидат исторических наук М. М. Гунба — рассматривает проблемы хозяйственного развития (полеводство, садоводство, животноводство, ремесло, строительное дело) страны, историю развития городов ее — Севастополиса, Питиунта, Анакопии и др., дает анализ социального развития Абхазии. Особое внимание в монографии уделяется политической истории Абхазии того периода.

4309000000

Г

M623(06)89 078.89

© Издательство «Алашара», 1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

• Введение	3
• Глава 1. Экономика	36
1.1. Земледелие	36
1.2. Животноводство	49
1.3. Садоводство и виноградарство	57
1.4. Ремесло	60
1.5. Строительное дело	71
• Глава 2. Формирование христианской идеологии	81
2.1. Проникновение христианства	81
2.2. Утверждение христианства	86
• Глава 3. Социальные отношения	98
• Глава 4. Политические отношения	139
4.1. Первые политические образования на территории Абхазии	139
4.2. Абхазия и Лазика в IV—V вв	157
4.3. Римско-Византийская колониальная политика в Абхазии в I—VI вв. и Трахейское восстание 550 года	175
4.4. Абхазия во второй половине VI—VII вв.	191
4.5. Борьба абхазов против арабов, Келасурская или Великая Абхазская стена	198
4.6. Образование Абхазского царства	213
4.7. Политическое объединение Абхазии и Грузии	234
• Заключение. Список сокращений	249-253

Введение

Нынешнюю территорию Абхазии, как известно, в первом тысячелетии нашей эры населяли близкородственные племена абхазо-адыгской группы — апсылы, абазги, мисимиане, саниги. Со II в. н. э. эти племена консолидировались в этно-политические образования, зависимые от Римской империи. В научной литературе неоднократно ставился вопрос о том, были ли эти политические образования царствами, или же племенными объединениями.

В последнее время высказывается мысль о том, что на территории Абхазии в позднеантичное время и в раннем средневековье не было классового общества, что якобы племена, обитавшие здесь, вели варварский образ жизни, были оторваны от культурных центров того времени и т. д.

Для характеристики упомянутых политических образований необходимо учесть все обстоятельства, имевшие место на территории античной Абхазии. Это, в первую очередь, греческая колонизация Абхазии. Она началась с VI в. до н. э., что подтверждается материалами раскопок древних поселений — Гюэноса (Очамчира) и Диоскурии (Сухуми). Последние упомянуты в письменных источниках и частично изучены археологически*. Следующий важный пункт — это Питиунт (Пицунда), расположенный на территории Пицундского мыса — в письменных источниках упоминается с более позднего времени. По данным некоторых письменных источников он был значительным уже во II в. до н. э. Городская жизнь там не прекращалась до середины VI века н. э,

Следующий античный город, находившийся в с. Нижняя Эшера Сухумского района, в письменных источниках не упоминается. Его археологическое изучение, на-

* Интенсивное археологическое изучение Абхазии началось с 50-х годов нашего века, и с тех пор был накоплен большой археологический материал, который, к сожалению, не полностью опубликован. В настоящее время возможности анализа археологических источников значительно шире.

3

чатое в 1967 году, выявило оборонительные сооружения, жилые помещения, водопроводную систему и др. Материалы раскопок свидетельствуют о том, что греческое поселение здесь появилось с середины VI века до н. э., а городская жизнь процветала до шестидесятых годов I в. до н. э.

Таким образом, на территории Абхазии было четыре античных города. Греческие колонии возникли вблизи местных поселений. Раскопки Сухумской горы, Гуадиухи и Красного Маяка(1) свидетельствуют о том, что жители этих пунктов вели городской образ жизни. Античные города имели тесные культурно-экономические связи с местным населением.

О торговых связях абхазских племен с внешним миром говорят находки из Шубары (верхнее течение реки Гумиста в Сухумском районе), которые датируются V в. до н. э. Более ярким доказательством торговых связей местных жителей с внешним миром является наличие чернолаковой и краснолаковой посуды, стеклянных изделий, украшений и др., встречающихся не только на территории городов, но и сел — в Цебельде, Шаумяновке, Октомбери и др. Здесь представлено большое разнообразие

стеклянной посуды, которая, очевидно, являлась предметом массового употребления. Дополнительно следует отметить, что как в городах, так и в сельских местностях, найдено немало римских и византийских монет.

На территории Абхазии выявленные письменные памятники исследуемого периода созданы на латинском и греческом языках. Можно полагать, что представители абхазской знати пользовались латинским и греческим письмом.

Имеющиеся скучные источники касаются только политической жизни народа.

Основные сведения по позднеантичной истории Абхазии содержатся в произведениях римских и византийских писателей. Отдельные эпизоды политической жизни абхазов встречаются в трудах древнегрузинских историков — Л. Мровели, Джуваншера и некоторых других авторов. Ценные сведения об Абхазииходим в трудах армянских историков.

Наиболее полно социальные отношения в Абхазии освящаются в трудах византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского.

1 Трапиши М. М. *Труды, т. 2.* — Сухуми, 1969.

4

Однако указанные сочинения дают иногда противоречивые сведения, что осложняет правильное освещение того или иного вопроса. Поэтому попытаемся сделать краткий обзор письменных источников и некоторых исследований.

Самый ранний письменный источник об абхазах, относящийся к I тысячелетию н.э., принадлежит автору I в. н.э. Плинию Секунду, который упоминает «племя апсилов, крепость Себастополь в 100000 шагах от Фасида, племя саников, город Кинг...»(2). Как видно из этого сообщения, Плиний иногда дает неясные сведения.

Говоря о Севастополе, он свое сообщение продолжает так: «Остальные берега занимают дикие племена — меланхлены и кораксы с колхийским городом Диоскуриадою у реки Антемунта; теперь он находится в запустении, но некогда был до того славен, что, по словам Тимосфена, туда сходилось 300 племен, говорящих на разных языках. И после того наши вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей»(3). В этом сообщении Севастополь и Диоскуру представлены как два города. Однако в обоих случаях эти названия локализованы в пределах Апсилии. Автор также указывает на экономическую роль города Диоскурии. Плиний говорит и о другом культурном центре Абхазии: «Внутри этого пространства богатейший город Питиунт разграблен иниохами»(4).

Ценные сведения содерятся в сочинении автора II в. н.э. Ариана «Путешествие по берегам Черного моря». Автор перечисляет реки Абхазии с указанием расстояний между их устьями. Также перечисляет абхазские племена. Так, например, севернее лазов по берегу упоминаются апсилы с царем Юлианом. За апсилами упоминаются абазги с царем Ресмагой. Затем названы саниги и их царь Спадаг, в земле которых, по Ариану, находится Севастополис(5).

Ариан в своем сочинении называет только прибрежные племена. Он пишет: «Это все расстояние от Византии до Диоскурии, если плывешь направо»(6). Гру-

2 Латышев В. В. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II. Латинские писатели, вып. 1,* — СПб, 1904, с. 179.

3 Там же

4 Там же

5 Арриан Флавий. Путешествие по берегам Черного моря. — Тбилиси: изд. АН ГССР, 1961, с. 43.

6 Там же, с. 51.

5

зинский переводчик этого памятника Н. Кечагмадзе по-своему толкует содержание указанного источника. Она пишет, что Арриан описывает только прибрежные племена и в глубь страны не заглядывает. Однако составляет исключение местность Тианике — Тсанике и племя абасков. Эти племена якобы, по Арриану, отдалены от берега и живут в горах(7). На наш взгляд, это умышленное искажение фактов: на прибрежной полосе Н. Кечагмадзе во что бы то ни стало хочет увидеть какое-нибудь грузинское племя. Этим, надо полагать, объясняется и то, что она и апсилов не считает абхазами. По ее суждению, «об этническом месте апсилов пока не существует единого мнения среди исследователей»(8).

Н. Кечагмадзе санигов ошибочно отождествляет с санами, жившими недалеко от Трапезунта(9). Притом она игнорирует самого Арриана и других более поздних авторов, которые отличали санов от санигов; первых упоминает недалеко от Трапезунта, а других — к северу от Диоскурии. Н. Кечагмадзе заявляет: «Таким образом, по Арриану, прибрежная сторона Западной Грузии была заселена полностью грузинскими племенами»(10). Она подчеркивает, что, по сведениям Арриана, апсилы не доходили до Севастополиса, т. е. они занимали территорию между р. Кодор и Сухумом. Однако это не соответствует арриановскому определению южной границы Апсилии.

О санигах сообщает также Евсевий Кесарийский (260—340 гг.). Он пишет: «За Каппадокией справа находятся армяне, иберы и бораны, а слева скифы, колхи и боспораны, также (санны), которые называются саннигами и которые распространяются до Понта, где есть паремболе Апсарос и Севастополис, и река Фазис. Эти племена простираются до Трапезунта»(11). Как видно, эти два автора пользовались одним источником.

Особый интерес для нас представляет список участников Первого Вселенского собора 325 года в Никее, который составлен на латинском, греческом, коптском, сирийском, арабском и армянском языках. Во всех списках упоминается представитель Питиунтской (Пицундской) церковной кафедры Стратофил. Этот источ-

7 Там же, с. 23

8 Там же, с. 12.

9 Там же.

10 Там же,

11 Георгиа, т. 1,— Тбилиси: изд. АН ГССР, 1961, с. 251.

6

ник указывает на роль христианской идеологии в Абха-зии, на масштабы ее распространения и время утверждения.

По мнению С. Г. Каухчишвили, сирийский список более правильно отражает название города Питиунта. Эта форма в других списках не встречается, притом название города разное в разных списках. Поскольку Питиунт — греческий город, его представитель в список участников собрания попал, по-видимому, через греческие документы. Поэтому признание формы названия Питиунта сирийского списка можно считать необоснованным. Однако С. Г. Каухчишвили, ссылаясь на сирийскую форму названия города Питиунт, город, находящийся на территории Абхазии, объявляет западногрузинским(12).

Определенную ценность представляют сведения Приска Панионского, жившего при императоре Маркиане (450—457 гг.). Его сообщения касаются Лазики и, в частности, ее взаимоотношений с Византией. В них имеются и косвенные сведения о взаимоотношениях Абхазии с Лазикой, в V в. н. э. Автор сообщает, что, когда возникла вражда между лазами и сванами, последние ожесточенно начали воевать с Сематой (лазский военачальник?). Тогда лазский царь за помощью обратился к римлянам. Сведения этого источника явно не в пользу преимущества лазов над сванами.

Важная информация по истории Абхазии содержится в *Notitia dignitatum'* (конец IV — начало V в. н. э.). В нем сообщается об участии абазгов в византийской армии. Упоминается «Первое крыло абазгов в большом оазисе Хибеос»(13) (*Ala prima Abasgorum Hibeos Oasis maioris*). Этот источник интересен и тем, что здесь не упоминается лазский отряд. Он указывает на то, что именно в конце IV — начале V в. н. э. от римлян зависели не лазы, а абазги и апсилы. Это мнение подкрепляется и другими сведениями того же источника. Так, например, упоминается Пития — стоянка первого счастливого крыла им. Феодосия; Севастополис — стоянка первой конной им. Клавдия; Зигана — стоянка второй когорты им. Валентия; стоянка Мохора(14). Все четыре упомянутые стоянки римских когорт находятся на территории Абхазии. В научной литературе встречаются

12 Там же.

13 Георгиа, т. 1, с. 171.

14 Там же.

противоречивые высказывания в отношении местонахождения перечисленных пунктов. Однако следует отметить, что в трех пунктах: Питиунте, Севастополе и Зигане в IV—V вв. нахождение римских гарнизонов установлено археологическими раскопками. Что касается четвертого пункта, то он пока не изучен, но, надо полагать, что находился в Гальском районе, где дважды встречается топоним Мухури — в устье р. Ингури и в среднем течении р. Окум.

С. Г. Каухчишвили Мохору отождествляет с Мохерезисом Прокопия Кесарийского. Нам же кажется, что поскольку три пункта — Питиунт, Севастополис и Зигана — находятся в Абхазии, четвертый тоже должен локализоваться здесь, тем более, что Лазика в то время не подчинялась римлянам.

По сведениям Феодорита Кирского (393—458 гг.), Питиунт находился в пределах владений Византии(15).

Ермий Созомен, живший в первой половине V в. н.э., подтверждает сообщение о том,

что Иоанна Златоуста выслали в Питиунт(16), хотя события в данном случае касаются более раннего времени.

Историк Зосим, живший в конце IV — начале V в. н. э., свидетельствует, что Питиунт был обнесен огромной стеной и имел хорошо оборудованный причал, а питиунтский гарнизон возглавлял византийский военачальник Сукессиан(17). По сведениям этого же автора, другие крепости побережья также находились в распоряжении римлян, и в них стояли римские гарнизоны(18).

Любопытные сообщения о взаимоотношениях Лазики с Византией даются в «Хронике» Хидатиуса (450— 457 гг.). Там говорится о том, что войска Маркиана уничтожили лазов. Важность этого сообщения заключается в том, что в научной литературе встречается обратное мнение, т. е. якобы во времена Маркиана лазы и византийцы поддерживали друг друга. Сообщение Хидатиуса подкрепляется и сведениями Приска Панионского, в которых сказано, что византийцы готовы прекратить войну, если царь лазов или его сын откажутся от престола. Отношения между Лазикой и Византией были натянутыми.

Не менее интересны сообщения анонима V в. н. э.,

15 Георгика, т. 1, с. 224.

16 Там же, с. 242.

17 Там же, с. 267.

18 Там же.

который повторяет сведения Арриана о расселении абхазских племен. По его описанию, восточный изгиб Черного моря начинается с Апсара(19). Это важно для определения «луновидного» изгиба, упомянутого Прокопием Кесарийским, с описанием которого связано определение местожительства апсилов.

В этом источнике Питиунт упоминается только как пристань(20). В данном случае это описание соответствует времени Арриана, но не V в., когда Питиунт становится значительным экономическим и культурным центром, о чем говорят материалы археологических раскопок.

Следует отметить, что XXXI новелла Юстиниана упоминает Питиунт и Севастополь только как крепости(21). Согласно этого источника, названные города не входили в состав Лазики(22).

Наиболее ценные сведения об абхазских племенах имеются у Прокопия Кесарийского, автора VI в. н. э. У Прокопия, как придворного историка, прослеживается и тенденциозность. Однако он иногда дает подробнейшие сведения по тем или иным вопросам, особенно об абазгах, апсилах и лазах, об их местожительстве, социальном строе, идеологии и экономике. Так, об упомянутом выше «луновидном» изгибе Черного моря Прокопий писал: «От города Апсарунта до города Петры и границ лазов, где кончается Эвксинский point, пути один день.

Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу-полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий, а все, что лежит за этой береговой линией, является уже страной лазов и носит название Лазики... на одной его стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже

Европе, находилась область апсилеев»(23). Отсюда сравнительно легко определяются южные границы апсилов, которые проходили в районе р. Ингури (Эгри).

Прокопий отмечал, что апсилы «с давних уже времен христиане». Им подробно описано восстание апсилов против лазов в 550 году.

19 Георгиа, т. 2. — Тбилиси: Мецниереба, 1965, с. 9.

20 Там же.

21 Там же, с. 33.

22 Там же.

23 Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М., изд. АН ГССР, 1950, с. 379-380.

Наиболее подробные сведения Прокопий дает об аbazах, в частности, об их классовых отношениях. Он пишет: «Со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом, и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных»(24). Затем этот автор сообщает о том, как аbazы сперва низложили своих царей, а затем избрали новых правителей для борьбы против Византии. Прокопий также передает подробности сражения у крепости Трахея.

Прокопий достаточно ясно освещает экономическое состояние Лазики, указывает на невыносимость византийского владычества, его последствия.

Агафий (VI в.) особое внимание обращает на восстание мисимиан и их усмирение византийцами. По сообщению историка, мисимиане в этой войне потеряли свыше десяти тысяч человек, среди которых находились как воины, так и женщины, и дети(25).

Византийский историк Агафий также подчеркивает, что экономическая политика Иоанна Либийского в Лазике привела страну до такого состояния, что им приходилось покупать даже траву(26). Сведения того же автора о восстании мисимиан против византийцев позволяет нам более точно локализовать местожительство мисимиан.

В трудах Менандра (VI в.) более всего нас интересует спор между Персией и Византией из-за Свании, который противоречит сообщению Прокопия Кесарийского о том, что аbazы были подвластны лазам. В освещении этого вопроса помогает Иоанн Малала, автор конца V в. Он сообщает о том, как царь Лазики Цафий принял христианство, передает связанный с этим диалог между царем персов Коадом и императором Ви-

24 Там же, с. 383—384.

25 Георгиа, т. 3. — Тбилиси: изд. Тбилисского госуниверситета, 1936, с. 174.

26 Там же, с. 179.

зантии Юстином, из которого следует, что лазы подчинялись персам, и царь персов назначал царей лазов(27). Узнав о переходе Цафия на сторону Византии, Коад заявил Юстину о том, что последний переманил на свою сторону его подчиненного, лазского царя. Юстин даже не попытался отрицать притязания Коада на Лазику и ответил, что к нему пришел некий Цафий и просил избавить от языческой веры(28). Этот факт, как известно, послужил причиной войны между Ираном и Византией из-за Лазики. Имеются некоторые сведения в словаре Стефана Византийского (VI в.), взятые из литературных источников его предшественников: Арриана, Никанора Александрийского и др. Сведения Прокопия Кесарийского о принятии христианства абазгами приводятся и у Евагра Схоластика (VI в.).

Очень важными представляются, на наш взгляд, писания Феодосия Гангрского о ссылке Анастасия в Лазику. По этим сведениям конкретно определяются южные границы Абхазского царства во второй половине VII в. и локализация таких пунктов, как Мукориси, Пуста, Тусуме, Моква, Скотори и др.(29).

Не менее интересными являются в этом отношении сведения о соотношении сил Абазгии и Лазики. По словам этого автора, изгнанный из своей страны лазский правитель бродил по стране абазгов и только с их помощью он смог восстановить свою власть. Притом для восстановления своей власти он обещал правителью Абазгии хорошо относиться к мученику Анастасию. Однако, добившись своей цели, он отказался от обещанного(30).

Автор XI в. Георгий Кедрен повторяет некоторые сведения Иоанна Малалы о принятии христианства лазским царем и диалог между Коадом и Юстином(31). Затем он подчеркивает, что находящиеся в составе армии византийского императора Ираклия лазы и абазги испугались и вернулись домой(32). Надо полагать, что лазы и абазги в войне Византии с Ираном выступали не как подчиненные Византии, а как ее союзники. В против-

27 Там же, с. 263.

28 Там же, с. 267.

29 Георгиа, т. 4, ч. 1, — Тбилиси: изд, Тбилисского госуниверситета, 1934, с. 45.

30 Там же.

31 Там же, с. 13—14.

32 Там же, с. 24.

ном случае, как бы они не были напуганы, не имели права отказаться от войны. Правда, через некоторое время Ираклий отправился в Лазику, но о последствиях в источнике ничего не сказано. Что касается абазгов, то и о них нет никаких сведений. К этому времени Абазгия, надо полагать, выглядела сильнее Лазики(33).

Особое внимание заслуживает тот факт, что в XI в. при императоре Василии объединенное абхазо-грузинское царство называлось Абазгией(34). Царь Георгий I назывался правителем Абазгии, а страна Абазгией(35).

Ценные сведения получаем от Никифора Ксантопулоса, автора XIV в. Он, как видно, пользовался сочинениями Епифана Константинопольского о деятельности апостола

Андрея. В его работе упоминаются Севастополь, Пуста, Абазгия. Он также пишет о том, что Юстиниан для абазгов построил храм богоматери, который отличался красотой и величиной⁽³⁶⁾.

Среди письменных источников важное место занимают сочинения древнегрузинских авторов Леонтия Мровели, Джуваншера и анонимного автора. Эти сведения ценные тем, что они достаточно ясно описывают политические границы между Грузией и Абхазией, которые проходили по р. Ингури⁽³⁷⁾. По сообщению Джуваншера, северная граница Абхазии проходила по р. Кубань (Малая река Хазарии)⁽³⁸⁾. Эти же источники говорят о подчинении Абхазии Византии.

Армянские источники освещают историю Абхазии средних веков. Например, Иоаннес Драсханакертский (Х в.) пишет о том, как армянские цари в борьбе против арабов (Абу-Саджа) рассчитывали на союз с Абхазией. Ухтанес (Х в.) упоминает Абхазию, как мощное царство с многочисленным населением. Моисей Каганкатваци описывает походы арабов в Хазарию через Абхазию. В армянских источниках говорится и о противоречиях между армянскими и абхазскими царями (Асохик). В исследовании социально-экономического и куль-турного развития Абхазии важным источником являются археологические материалы из Пицунды, Сухума,

33 См. сведения Феодосия Гангрского.

34 Георгиа, т. 5, с. 46—48.

35 Там же, с. 55, 59.

36 Георгиа, т. 7. — Тбилиси: Мецинереба, 1967, с. 117.

37 Картлис џховреба, т. 1. — Тбилиси, 1955, с. 70, 138, 146.

38 Там же, с. 177.

12

Цебельды, Атары, Очамчиры, указывающие на особенности развития производительных сил I—X вв. н. э. В этом отношении особенно ценные комплексы погребального инвентаря, предметы керамического производства и других видов ремесла, стеклянная посуда. Нельзя не выделить и краснолаковую посуду со своеобразным волнистым орнаментом, которая выявлена в Пицунде, Сухуми, Цебельде и отличается от греческих аналогов.

Необходимо указать и на атарские гончарные печи начала раннего средневековья. Они не только по конструкции отличаются от всех известных нам печей, но и их продукция проявляет своеобразие.

Сопоставление письменных источников и археологического материала дают возможность многие вопросы истории Абхазии рассмотреть по-новому.

По истории Абхазии имеется большая научная литература: медиевистская и археологическая. Первые монографии по истории Абхазии были написаны еще в прошлом веке (А. Л. «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь». — М., 1885). Затем такие работы создавались в первые годы установления Советской власти в Абхазии (Д. И. Гулиа. История Абхазии, — т. 1. — Тифлис, 1925). Однако они писались тогда, когда уровень исторической науки был гораздо ниже, чем сейчас. Также отсутствовал археологический материал, что мешало исследователям более ярко осветить отдельные вопросы истории Абхазии. Монографии, посвященные истории Абхазии, чаще стали появляться в послевоенное

время. В силу многих объективных и субъективных причин в освещении разных вопросов истории Абхазии, в том числе этнического происхождения абхазов, отсутствовала необходимая аргументация.

В настоящем труде мы не ставим перед собой цели анализировать все работы, касающиеся истории Абхазии, остановимся только на некоторых из них.

Как известно, на территории нынешней Абхазии с начала II в. н. э. упоминается несколько политических образований во главе с царями. Несмотря на свои небольшие размеры, они просуществовали, по крайней мере до V в. н. э. Об этом говорят сведения Арриана, Прокопия Кесарийского, Агафия, Менандра.

В научной литературе проводится мысль о том, что объединение восточно-причерноморских племен начинается где-то с IV в.

13

Немало вопросов возникает в отношении возникновения Абхазского царства и его характеристики. Некоторые авторы утверждают, что западно-грузинское Колхидское царство ко II в. до н. э. теряет самостоятельность, и на его основе возникает несколько царств, из которых в конце IV в. выдвигается Лазское царство(39). Есть мнение и о том, что на территории Грузии с грузинскими племенами жили и негрузинские — абхазо-адыгские, чечено-дагестанские племена и др. Однако в исследованиях не показано, почему эти племена появились на территории Грузии.

Отдельные исследователи доказывают, что грузинский язык утверждается на территории Абхазии еще с IV—V вв. н. э. (41), Абхазию первых веков нашей эры объяляют грузинской землей, генохов называют сванским племенем(42). По мнению многих из них, во II в. н. э. северная этническая граница лазов проходила севернее реки Кодор(43).

Трудно согласиться с теми, кто утверждает, что «царства махелонов, генохов и лазов» представляли раннеклассовые образования, а в Апсиили и Абазии доминировали горцы и они меньше соприкасались с развитыми государствами того времени . Например, по мнению Г. А. Меликишвили, после ограбления Питиунта в I в. жизнь там возобновляется только с III в.(45).

В исследованиях часто говорится о том, что Апсиили входила в состав Лазского царства, поскольку в ней стояли лазские гарнизоны. Однако в источниках нет таких сведений. У Прокопия Кесарийского же сказано, что в 550 году, когда апсылы восстали против лазов, для их устрашения были присланы византийские отряды, но не лазские. Историки нередко обходят источники, говорящие об условиях вхождения Апсиили в Лазское царство. Также не обосновывая, доказывают зависимость мисимиан от лазов, объяляя их сванами и ссылаясь на Менандра.

Часть исследователей заявляет о том, что торгово-экономические связи восточно-причерноморские города

39 Очерки истории Грузии, т. 1. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 31.

40 Там же, с. 32.

41 Там же, с. 480—481.

42 Там же.

43 Там же, с. 545—546.

44 Там же, с. 547—548.

45 Там же, с. 549.

14

поддерживали только с византийскими гарнизонами, а колхидское местное население было изолировано(46). Есть попытки доказать, что расцвет Лазского царства в IV—V вв. отразился и в археологических материалах(47). Однако до сих пор не удается увидеть археологический материал, в котором этот «расцвет» отразился. Эти авторы ссылаются на материалы Сухума, Пицунды, Поти. На одних страницах своих работ они утверждают, что торговля касалась только византийских гарнизонов, а на других утверждают, что названные города стали крупными культурно-ремесленными центрами. В обоих случаях ссылка делается на О. Лордкипанидзе. Естественно, возникает вопрос, каким образом интенсивная торговля смогла способствовать усилению Лазского царства, если она не выходила из рамок греческих гарнизонов?

Падение Лазского царства и его присоединение к Абхазии связывают с византийским воздействием(48). Если усилению Лазики не препятствовали византийцы в IV—V вв., тогда почему же они помешали Лазике в дальнейшем? В очерках истории Грузии говорится о том, что якобы абхазские правители «одним ударом» уничтожили Лазское царство. По этому вопросу грузинские источники дают достаточно исчерпывающие сведения, по которым Лазика считалась владением царей Картли и через картлийских правителей перешла к абхазским правителям.

Пытаясь подчеркнуть могущество Лазского царства во II в. н. э., Н. Ломоури бездоказательно в него включает территорию современной Абхазии. В то же время говорит о том, что во II в. н. э. Иберия захватывает восточные районы Лазики и устремляется к Черному морю(49). В чем же тогда заключается могущество Лазики? Освещение истории Абхазии и Лазики, их взаимо-отношения в указанном и в некоторых других исследо-ваниях представляется не совсем обоснованным. Так, например, зависимость Лазики от Византии признается формальной, а зависимость Абхазии — действительной(50).

46 Там же, с. 563; Лордкипанидзе О. Античный мир и древняя Грузия, — Тбилиси: Мецниереба, 1968, с 397—398.

47 Там же, с. 564.

48 Очерки истории Грузии, т. 2.— Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1973, с. 17.

49 Там же, с. 163.

50 Там же, с. 165.

15

Говоря о зависимости сванов от лазов, исследователи указывают на обязанности сванов и обходят молчанием обязанности лазов. Как известно, сваны восстали против лазов потому, что последние не выполнили своих обязанностей по отношению к ним. Непонятно, на каком основании объявляются лазскими городами Себастополь и Питиунт(51), тогда как они локализованы на территории Абхазии. Также непонятно, почему волнистый орнамент на краснолаковой керамике, выявленный

исключительно на территории Абхазии, объявляется эгрийским (лазским)(52). Н. Ломоури утверждает, что в IV в. н. э. в Западной Грузии христианство было признано государственной религией, объявляя его признаком интенсификации процесса феодализма. Далее он пишет, что в горной части Западной Грузии (имеет в виду нынешнюю Абхазию, Сванию, Аджарию) феодальные отношения были более слабыми, а родовые — более сильными(53). Однако нельзя не отметить, что самый ранний христианский центр на восточном побережье Черного моря находился в Питиунте, т. е. в Абхазии.

Н. Ломоури, разбирая мозаику пицундского раннехристианского храма, говорит об изображении коровы с теленком и отмечает, что такое изображение больше нигде не встречается. Одновременно он подчеркивает, что этот мотив хорошо известен в Грузии. Следует отметить, что пицундская мозаика не имеет аналогии в Грузии, что было отмечено исследователями мозаики. Так, Г. А. Ломтатидзе указывает на то, что пицундская мозаика отличается от раннехристианских византийских и грузинских мозаик и обнаруживает сходство с херсонесской V—VI вв.(54). Этот автор справедливо отмечает, что археологические раскопки в Пицунде показали, помимо кипучей жизни и связей города с позднеримским и ранневизантийским миром, также местную самобытную культуру.

Нередко встречаются другие спорные утверждения. Так, например, М. Лордкипанидзе пишет, что правитель Абхазии Леон в 30-х годах VIII в. стал вассалом правителя Картли Арчила и с помощью Византии и хазар развернул борьбу против арабов. В источниках сказано

51 Там же, с. 174.

52 Там же, с. 177.

53 Там же, с. 181.

54 Там же, с. 209.

о зависимости Леона не от Арчила, а от Византии. Также источники говорят о союзе Леона с правителями Картли, но не с Византией и Хазарией в борьбе против арабов. В научную литературу вводится новое название бывшего Абхазского царства. По греко-латинским источникам это царство называлось Абазгией, а по армянским и грузинским — Абхазия или Апхазети(55). Однако в настоящее время некоторые исследователи решили переименовать его в грузинское царство(56).

Неизвестно, из каких источников исходит М. Лордкипанидзе, когда говорит о том, что в конце VI в. Абазгия отделилась от Лазики и подчинилась Византии(57). Мы знаем, что в первой половине VI в. Абазгия подчинялась не Лазике, а Византии. Восстание 550 года было направлено не против Лазики, а против Византии. Следует отметить и тот факт, что восстание мисимиан тоже было направлено против Византии, восставшие находились в подчинении византийцев, но не лазов. Положение Апсиллии представляется иначе. Здесь лазское влияние очевидно, хотя оно опиралось на византийскую военную силу. Сами лазы не могли справиться с апсилами.

М. Лордкипанидзе утверждает, что большая часть территории этого царства была грузинской и соответственно население тоже было большей частью грузинским. В

качестве аргумента она санигов и мисимиан объявляет грузинскими племенами(58). Пока никем не доказано грузинское происхождение санигов и мисимиан. Они по духовной и материальной культуре ближе к абхазским племенам — апсилам и абазгам, нежели к сванам.

Следует обратить внимание и на то, что границы Апсилии ряд историков ограничивают реками Келасури и Галидзгой, умалчивая о том, что достоверные грузинские источники (Джуаншер) южную границу Апси-

55 *Георгиа*, т. 4, ч. I, с. 43-45; Там же, т. 5, с. 24, 46, 47, 48, 55; Там же, т. 7, с. 23, 25, 90, 130; *Картлис ცხოვრება*, т. 1, с. 38, 42, 43, 146, 157, 247, 261 и др.; *Каганкатваці М. История агван*, СПб., 1861, с. 261; *Арցруни Ф. История Аргуридов*, — СПб., 1887, с. 198—199; *Драсханакертский И. История Армении*, — Тифлис, 1912, с. 267—268; *Ухтанес, История Армении.— Вагаршапат*, 1871, с. 5.

56 *Очерки истории Грузии*, т. 2, с. 377.

57 Там же, с. 416.

58 Там же, с. 412.

17

лии локализуют около реки Ингури, которая в летописях именуется Эгри. Как ни странно, М. Лордкипанидзе под термином «Абхазское царство» не подразумевает собственно Аб-хазию(59). Она считает более правильным назвать это царство Эгрис-Абхазским царством и его царей эгрис-абхазскими царями(60). По мнению автора, это царство по содержанию сначала же было грузинским, поскольку оно было создано грузинским элементом. В данном случае мы хотим подчеркнуть тот факт, что царство свое название получает от его создателя. Если царство называлось «Абазгией» или «Апхазети», это говорит о том, что создателями царства были абазги-апхазы, но не грузины. Если греко-латинское название «абазги» означает жителей только Абазгии, то грузинское «апхазы» означает вообще абхазов. И в этом случае некоторые исследователи разграничивают абхазов и апсилов, независимо от их этнической идентичности(61).

Часть исследователей старательно доказывает, что в Абхазском царстве, и в особенности в Абхазии, главным языком был грузинский и что в официальных надписях греческий язык в IX—X вв. был заменен грузинским(62). Для подкрепления этого мнения ссылаются на работу Х. С. Бгажба «Из истории письменности в Абхазии» (Тбилиси, 1967, с. 13—18). Однако в работе Х. С. Бгажба ничего подобного нет.

М. Лордкипанидзе цебельдинскую археологическую культуру объявляет общегрузинской культурой(63), тогда как она распространяется, в основном, на территории Абхазии, а в Центральной и Южной Колхиде ее вообще нет.

Большой интерес представляет работа Г. А. Меликишвили «Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии», вышедшая в свет в 1973 году. В ней рассматриваются два вопроса: политическое объединение феодальной Грузии и Абхазии и вопрос феодальных отношений.

На наш взгляд, первый вопрос в названной работе освещен почти правильно, за исключением националь-

59 Там же, с. 421.

60 Там же.

61 Там же, с. 419.

62 Там же, с. 428.

63 Там же, с. 542.

ного характера Абхазского царства. Что касается второго вопроса, то здесь многие стороны остаются спорными. Так, например, по мнению Г. А. Меликишвили, на территории Абхазии в I—VI вв. не было классового общества. Те общества, которые существовали в первых веках нашей эры, он называетprotoфеодальными раннеклассовыми образованиями. Утверждение некоторых исследователей (Джанашиа, Анчабадзе) о том, что в VI в. в Абхазии произошла феодальная революция, Г. А. Меликишвили считает нивелировкой процессов социально-экономического развития во всех регионах Грузии(64). Это утверждение Г. А. Меликишвили мы считаем спорным, хотя бы потому, что для социального переворота не обязателен одинаковый уровень социально-экономического развития. В отношении уничтожения абазгских царей Г. А. Меликишвили пишет, что это «не являлось какой-то «феодальной революцией», скорее всего можно ее охарактеризовать как «революцию общинников», «революцию», направленную против нарождающегося классового строя»(65). Естественно, возникает вопрос о том, характерны ли для человеческого общества революции, направленные против нарождающегося классового строя? Насколько нам известно, такой революции не было ни у одного народа.

В этой же работе отрицается быстрая феодализация абхазского общества в VII—VIII вв., даже тогда, когда было создано мощное царство.

Как в некоторых исследованиях, так и в этой работе сказано о том, что в VIII в. северная граница Абхазии доходила до Никопсии, тогда как источники указывают на Малую реку Хазарии, т. е. на Кубань(66).

Относительно могущества Абхазского царства этот автор пишет: «Именно в этом, не в высоком, а в низком развитии феодальных отношений, в большей монолитности, в наличии более широкой базы в виде малодифференциированного общества и незакрепощенных общинников следует видеть источник силы абхазских князей, это впоследствии, надо полагать, сыграло решающую роль в том, что они в VIII в. предстали перед нами объединителями всей Западной Грузии. Важную роль в успехах абхазских князей сыграл также союз их с крупными северокавказскими объединениями (ха-

64 Меликишвили Г. А. Указ. соч. с. 143.

65 Там же.

66 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 177, 242.

зары и др.)»(67). Такое объяснение усиления Абхазского царства нам кажется не

совсем обоснованным. Если правильно подчеркивается большая монолитность, то малодифференцированность общества вряд ли способствовала усилению Абхазского царства. Если абхазы становятся объединителями Абхазии и Эгриции, это не связано с уровнем социальных отношений. Это объединение происходило в особых условиях. Также нельзя согласиться и с тем, что это объединение происходило с помощью хазар и др. В данном случае Г. А. Меликишвили объединителем Абхазии и Эгриции считает Леона II, внука хазарского хакана. По этому вопросу имеется единственный источник «Матиане Картлиса», где действительно упоминается имя Леона II, который захватил власть в Абхазии и Эгриси (Лазике). В этом источнике сказано так: «Когда ослабли греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, сын брата эристава Леона, которому была дана Абхазия в наследство. Этот второй Леон был сыном дочери царя хазар, с их помощью отложился он от греков, завладел Абхазией и Эгриси до Лихи, назвался царем абхазов, так как Иоане уже не был в живых, а Джуваншер был стар. Затем скончался и Джуваншер»(68). Леон II действительно использовал хазарскую военную силу для захвата власти в своей стране, хотя в этом тексте ничего не сказано об объединении, однако часть исследователей считает Леона II объединителем Абхазии и Эгриции.

Г. А. Меликишвили сравнивает социальные отношения в Абхазии и Кахетии в рассматриваемый период с положением в Картли и Тао-Кларджети и подчеркивает полное господство азнауров в последнем регионе. Он приводит немало примеров, когда картлийские азнауры во главе с феодальным родом Тбели выступают против царской власти, и в то же время пишет: «Ничего подобного такому всемогуществу картлийских азнауров нам неизвестно в отношении Абхазии»(69).

Это соотношение сил можно расценивать по-разному: с одной стороны, как усиление феодальной знати и, с другой — как ослабление царской власти. В Картли выступление азнауров против царской власти не вызывает удивления потому, что сама царская власть была

67 Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 144.

68 Картлис цховреба, т. 1, с. 351.

69 Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 146.

достаточно слабой, а слабость царской власти не всегда связана с усилением дворян (азнауров).

Отрицание наличия в Абхазии мощной феодальной знати считаем неправомерным. И в Абхазии были крупные феодалы, которые не всегда соглашались с политикой царя. Об этом хорошо известно Г. А. Меликишвили. В частности, он пишет: «Поскольку можно судить на примере вышеназванного Иоанна Марушиძе, представители абхазской... знати выступают в качестве борцов за усиление власти абхазских царей, за распространение их власти на новые регионы Грузии.

Симптоматичны также указания источников о том, что воцарившийся в Абхазии Баграт (III) навел порядок в Абхазии — отстранил от власти строптивых сановников и вместо них назначил верных ему людей (КЦ, 1, 276, 278). Не зря подчеркивает летописец (картиец по происхождению) это обстоятельство, видимо, эта сторона деятельности Баграта особенно удивляет и привлекает его на фоне царящих в Картли

порядков, где давным-давно была забыта такая практика — уже с VI в. правители страны были лишены права производить такие «чистки»(70).

Как видно из этого источника, в Абхазии были противники царя. Такими могли быть только политически и экономически сильные феодалы. Легче было бороться против картлийских царей, нежели против абхазских. Выступить против мощного царя мог мощный феодал. Что же касается лишения картлийских царей права производить чистки, то это было связано со многими обстоятельствами. В VI в. Иран упразднил царскую власть в Картли, и феодалы получили относительную свободу. Царская власть в Картли была восстановлена только в конце первой половины VIII в., однако к этому времени Картли находилась под властью арабов. Позже Картли попадает под влияние абхазских царей. Так что картлийские цари не могли производить т. н. чистки страны от строптивых чиновников, таких возможностей у них не было. Стремление Баграта III выступать в непривычной для правителей Картли и Тао-Кларджети роли связано с усилением царства и царской власти. Уровень развития феодальных отношений нельзя определять соотношением сил феодалов и царя. Эти соотношения не всегда вытекают

70 Там же.

21

из внутреннего развития, часто они зависят от взаимоотношений с разными государствами.

Баграт III одинаково наводил порядок в Картли в Тао-Кларджети и в Абхазии: везде наказывал непокорных феодалов.

Весьма странно представлена история Абхазии в трудах академика Н. А. Бердзенишвили. Он ставит вопрос о том, кто были те племена, которые жили на территории нынешней Абхазии и приняли столь органическое участие в строительстве Грузии в продолжение всей истории(71). Далее он, ссылаясь на административное деление Абхазии во времена правления грузинской царской династии, пишет, что к этому времени количество племен сокращается, и территория нынешней Абхазии представляла независимые друг от друга эриставства и только одно из них называлось «Абхазское эриставство». Тут же он подчеркивает, что исходным принципом для создания эриставства был племенной момент(72).

Во-первых, такое административное деление впервые встречается в эпоху царицы Тamar, но не в раннем средневековье. Во-вторых, в этом административном делении мы не видим племенного принципа. В источнике, помимо других, упоминаются: Рата-Такуерское, Аргуэтское, Картлийское и Самцхское эриставства. По этим эриставствам видно, что отсутствует племенной принцип административного деления, поскольку жители этих областей говорили на одном языке. Что касается образования на территории Абхазии нескольких эриставств, то это сделано с целью облегчения подчинения. Если Н. А. Бердзенишвили заявляет, что только одна административная единица, расположенная западнее Нового Афона, называлась «Абхазское эриставство», то в источнике, составленном современником, упоминается только «Цхумское эриставство» во главе с Отаго Шервашидзе», т. е. абхазским князем. Упомянутое Н. А. Бердзенишвили «Абхазское эриставство» с восточными границами у Анакопии встречается только у Вахушти (XVIII в.)(73). Притом Вахушти называет

его просто Абхазией.

71 *Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии, т. 3. — Тбилиси: Мецниереба, 1966, с. 278.*

72 *Там же.*

73 *Картлис цховреба, т. 4. — Тбилиси; Сабчота Сакартвело, 1973, с. 783.*

22

Чтобы доказать грузинское происхождение абхазов, Н. А. Бердзенишвили пишет: «Все же наука не располагает документами, говорящими о том, что эти проживавшие в Абхазии племена стояли дальше от ибери-лазов, чем, скажем, сваны, месхи, эретины. Что стоит только грузинское предание, по которому страна от Лихской горы до р. Кубани и средневековое «Абхазское царство» с древнейших времен было долею Эгроса и что город Бедия (в Апсилли) создан тем же мегрельским эпонимом (родоначальником) Эгросом»(74). Сванский и лазский языки, хотя и обнаруживают структурное сходство с грузинским, они непонятны грузинам (картам, кахетинцам, месхам, рачинцам, гурийцам). Что же касается абхазов, то их язык действительно дальше стоит, но он не относится к картвельской группе языков.

Что касается грузинского предания о том, что Абхазия была долею Эгроса, оно сочинено поздними авторами, которые жили после объединения Абхазии и Грузии, когда действительно северные границы Абхазии, соответственно и Грузии доходили до р. Кубани. Но эта граница в источниках известна как граница Абхазии, но не Грузии.

Н. А. Бердзенишвили считает, что абхазы, не могли или не должны были быть самостоятельными. Разница между абхазами и грузинами как в языковом, так и в бытовом отношениях, по его заявлению, это дело языковедов, краеведов и этнографов. И затем заявляет, что Абхазия в культурно-этническом отношении органическая часть Грузии, а «абхаз» понимается не более, чем карты, кахи, месхи, джавахи и т. д., т. е. как грузинское племя. По его мнению, феодальная Абхазия могла быть только «грузинской», что абхаз культурноисторически был грузин(75).

Ссылаясь на международные отношения XV—XIX вв., Н. А. Бердзенишвили заявляет, что эти отношения помешали грузинам ассимилировать абхазов, и только потому им (грузинам) сейчас приходится доказывать, что абхазы — грузины(76).

Следует отметить, что именно разные обстоятельства ввели в состав Грузии многие негрузинские народы, н они же вывели их из состава Грузии до завершения их ассимиляции.

74 *Бердзенишвили Н. А. Указ. соч., с. 278.*

76 *Там же, с. 270—280.*

77 *Там же, с. 281.*

23

Н. А. Бердзенишвили почему-то Грузию сопоставляет с Турцией и подчеркивает, что

в Абхазии нет ни одного памятника, связанного с турецким господством, а памятники Моква, Анакопии, Бедии, Лыхны, Пицунды и др. созданы в тесном сотрудничестве с грузинскими братьями. Исходя из этого, названный автор делает вывод, что в Абхазии имеем «грузинский феодализм с «царем», «князем», «дворянином», с грузинскими привычками, этикой, христианством, языком, с мощным очагом восходящего творчества грузинской феодальной культурой»(77). Действительно, грузинская феодальная культура появляется в Абхазии, но только после объединения Абхазии и Грузии. Однако это не означало, что абхазы не имели никакой культуры и не были способны развиваться самостоятельно. Сам Н. А. Бердзенишвили подчеркивает, что в создании феодальной культуры Грузии Абхазия сыграла значительную роль(78). Об этом же писал и академик Н. Я. Марр. По его словам, «абхазы в древнюю пору сыграли значительную роль в развитии культуры Кавказа, но начатое ими дело было перехвачено грузинским народом и вплетено в грузинскую национальную христианскую цивилизацию, оно получило дальнейшее свое развитие вне абхазской народно-национальной среды»(79).

Если внимательно рассмотреть обстоятельства создания единого грузинского царства в X в. с абхазским названием, тогда ясно становится, что «история абхазов есть начало истории Грузии».

Н. А. Бердзенишвили пишет, что на всем протяжении средних веков и до этого абхазы с другими племенами Западной Грузии создавали одну страну, один мир(80). Идею единства Грузии и Абхазии некоторые исследователи давно пропагандируют. Они стремятся доказать, что абхазские и грузинские племена входили в древнее Колхидское царство, затем в римское время были разобщены, а в IV в. начинается их объединение во главе с лазами. Как будет сказано ниже, эта идея не имеет под собой реальной почвы. Анализ как письменных источников, так и археологического материала показывает, что такого единства не было.

77 Там же, с. 286.

78 Там же, с. 279.

79 Архив АН СССР. — Л., ф. 800, л. 21.

80 Бердзенишвили Н. А. Указ. соч., с. 287.

Что касается событий VIII и последующих веков, то объединение Абхазии и Лазики произошло не как консолидация родственных племен, а как политическое объединение, о чем также подробно сказано ниже. Поэтому создание «единой страны» вовсе не означает культурно-исторического исчезновения абхазов.

По мнению Н. А. Бердзенишвили, в феодальной Грузии был язык одной культуры и это был грузинский язык. Остальные языки он считал домашними(81). В создании языка феодальной культуры Грузии, как полагает Н. А. Бердзенишвили, активную роль играли все племена, входящие в политический состав феодальной Грузии, в том числе и абхазы. Отметим, что на территории феодальной Грузии жили армяне и многие негрузинские племена, которые вряд ли создавали язык грузинской культуры. Утверждение о том, что территория Абхазии, расположенная южнее р. Кодор, входила в состав Эгриси (Лазики) с периода возникновения феодальных отношений, не совсем соответствует действительности. Эту часть Абхазии византийский

император передал Вахтангу Горгасалу, когда последний женился на дочери императора (это был второй брак). Это положение поддерживалось императором до середины VIII в., а с этого времени Эгриси входит в состав Абхазского царства, т. е. упомянутая Н. А. Бердзенишвили южная часть Абхазии присоединяется к ее основной части, о чем разговор пойдет ниже.

Во многих других исследованиях важнейшие моменты истории Абхазии также освещаются необъективно, что порой противоречит как письменным источникам, так и археологическим материалам. Это обстоятельство побудило нас по-новому рассмотреть вопросы образования абхазской феодальной народности, социально-экономической и политической истории Абхазии, в частности, образование единого Абхазского царства и его дальнейшее укрепление, начиная со II в. и кончая X в., до смены абхазской царской династии грузинской.

Вопросы истории Абхазии сравнительно подробно и наиболее объективно освещены в трудах З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии (VI — XVII вв.)», «История и культура древней Абхазии».

В первой освещаются вопросы истории Абхазии интересующего нас периода (VI—X вв.). На наш взгляд,

81 *Там же*, с. 288.

25

З. В. Анчабадзе правильно освещает вопросы этнической принадлежности мисимиан, социально-экономического строя населения Абхазии в VI в. и др. Ученый, доказательно опровергая мнение М. М. Иващенко том, что Апсилля составляла с Лазикой одно «государственное целое», считает, что Апсилля пользовалась определенными автономными правами.

Очень сложен вопрос зависимости аbazов от лазов. По сообщению Прокопия Кесарийского, «абазги издревле были подданными лазов, начальниками же испокон веков они имели двух своих соплеменников; из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»(82).

Как полагает З. В. Анчабадзе, активное стремление к независимости аbazги проявляют с конца V века. Большую роль в этом сыграла Византия, заинтересованная в том, чтобы поставить Абазгию в непосредственную зависимость от себя(83). Если исходить из свиданий Прокопия Кесарийского, то Абазгия всегда находилась в зависимости от Византии. На это обстоятельство указывает и грузинский историк Джваншер. Как выше было отмечено, археологический материал отрицает зависимость Абазгии от Лазики.

Некоторые вопросы истории Абхазии в научной ли-тературе пока остаются спорными. К таким вопросам можно отнести этнический состав Апсилийского царства, например, версия о том, что южная часть (Гальский и Очамчирский районы) была заселена собственно лазами(84). Спорным является также вопрос о том, что Прокопий Кесарийский под «заливом-полумесяцем» понимал изгиб берега моря в 550 стадий к северу от города Петры. Как ниже об этом будет сказано, под «заливом-полумесяцем» Прокопий подразумевает изгиб моря не от города Петры, а от Апсарунта. Поэтому проведение южной границы Апсилли по р. Галидзге(85) нельзя считать доказанным.

Мы также считаем спорным вопрос об этнической принадлежности санигов. Утверждение о том, что «Прокопий Кесарийский определенно помещает санигов (сатинов) за этой территорией и не считает их подданными-

82 Прокопий из Кесарии. война с готами, с. 382.

83 Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.), с. 32.

84 Там же, с. 6.

85 Там же, с. 8.

26

ми ни лазского царя, ни византийского императора»(86) не соответствует действительности. По сообщению Прокопия, Питиунт находился на территории Санигии, и римляне там держали военный гарнизон.

Много спорных вопросов, требующих уточнения, — о взаимоотношении политических образований Абхазии с Лазикой. Так, например, З. В. Анчабадзе пишет, что «в силу определенных исторических обстоятельств, еще за несколько столетий до нашей эры лазы (колхи) оказались наиболее развитыми в социальном и политическом отношениях в сравнении с другими этническими образованиями Западной Грузии как картвельского, так и некартвельского происхождения. Это привело вначале, в античную эпоху, к политическому объединению всей Западной Грузии под гегемонией эгриссцев-колхов на базе раннерабовладельческих отношений, а впоследствии, с IV в. н. э. — к новому объединению края под главенством потомков тех же колхов, которых теперь иностранцы именовали «лазами»(87).

Не только лазы, но и другие племена, населявшие Колхиду, назывались колхами. Нам не известны источники, говорящие о господстве лазов. Если иметь в виду сообщение Прокопия Кесарийского, то сразу же возникает вопрос: почему колхов переименовали в лазов. Также нет материалов, говорящих о господстве лазов над абхазскими племенами с IV в. н. э. Наоборот, по сообщению Notitia dignitatum, в IV в. римляне свои военные гарнизоны держали в четырех пунктах Абхазии (Питиунте, Себастополе, Зигане и Мохоре)(88), тогда как в Лазике они не имели ни одного пункта. Стеклянная посуда к этому времени в Абхазии находилась в массовом употреблении (Пицунда, Сухуми, Цебельда, Шаумяновка, Атара и др.), а в Лазике ее почти нет. Краснолаковая керамика с особым орнаментом выявлена в Абхазии (Пицунда, Сухуми, Цебельда). Она полностью отсутствует в Лазике. Еще более важным является тот факт, что когда в Абхазии процветало керамическое производство, в Лазике оно угасало(89). Падение керамического произ-

86 Там же, с. 16.

87 Там же, с. 28.

88 Георгиа, т. 1, с. 175.

89 Путурдзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии, — В кн.: МАГК, т. 2. — Тбилиси, 1959, с. 69, 93; Бердзенишвили К. Позднеантичная керамика из Цебельды. — В кн.: МАГК, т. 2, с. 69.

27

водства некоторые исследователи объясняют появлением стеклянной, заменяющей керамическую посуду, однако в Лазике пока этого не удается обнаружить. А в Абхазии в указанную эпоху и керамическое производство процветает и, как полагают археологи, стеклянное производство тоже. Если можно усомниться в достоверности письменных источников, то этого нельзя сказать в отношении археологического материала. Последний убедительно говорит о разном положении в Лазике и Абхазии, притом о более благополучном в последней.

Таким образом, как по данным письменных источников, так и археологического материала, видно, что в IV—V вв. Лазика не могла покорить Абхазию. Только где-то с конца V, или начала VI в. византийцы передают Апсилию Вахтангу Горгасалу, а затем закрепляют за Лазикой почти до середины VIII в. Позже Апсilia присоединяется к Абхазии.

Археологический материал также отрицает зависимость мисимиан от лазов. Однако Агафий пишет, что «они были подданными царя лазов, так же как и апсилийцы»(90). Зависимость мисимиан от лазов признает и З. В. Анчабадзе.

Следует отметить, что усмирение восставших абазгов, апсилов и мисимиан производили не лазы, а византийцы. Это обстоятельство заставляет усомниться в реальной зависимости перечисленных племен от лазов. Все сведения, связанные с зависимостью абазгов, апсилов и мисимиан от лазов, составлены после первой половины VI в., когда Лазика полностью перешла в зависимость Византии. Спор между Персией и Византией из-за Лазики к этому времени завершается в пользу Византии. Однако вопрос сванов не решался. Византийцы цеплялись за Сванию, объявляя ее зависимой от Лазики страной. Поэтому византийцам выгодно было пропагандировать идею зависимости вышеназванных племен от Лазики, чтобы персы не претендовали на них.

Большой интерес вызывает, естественно, проблема взаимоотношений между правителем Картли Арчилом и правителем Абхазии Леоном I. В работе З. В. Анчабадзе сказано, что император предлагал Леону подчиняться во всем Арчилу, как своему сузерену(91). Как нам

90 Агафий. *О царствовании Юстиниана*. — М.—Л., 1953, с. 87.

91 Анчабадзе З. В. Указ. соч., с. 73.

кажется, в письме императора этого не сказано. Он предупреждал Леона, чтобы тот не ущемлял интересы Арчила и Мира. В источнике сказано: «Жалую звание эристава Абхазии тебе и сыновьям твоим и будущим потомкам навеки. Повелеваю тебе хорошо относиться к царям картлийским и их народу, ибо отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам эгрийским»(92).

Говоря о союзе между Леоном и Арчилом, З. В. Анчабадзе цитирует источник, где сказано: «И отдал тогда Арчил в жены Леону племянницу свою (дочь брата) Гурандухт, и корону, которую царь греков прислал ему для мира. И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними, и Леон будет послужен Арчилу всю жизнь свою»(93). Однако он не комментирует факт передачи царской короны Леону. Владения Леона намного превышали владения Арчила и всех его вассалов. Такое соотношение сил и вышеупомянутая форма

зависимости Леона от Арчилы не согласуется.

В работе З. В. Анчабадзе правильно рассматривается вопрос о зависимости Абхазии от Византии в VII—VIII вв.(94). Однако мы не согласны с утверждением наличия «общегрузинской формы» феодальных отношений в Абхазии. Начиная с греческой колонизации Черноморского побережья до VI в. н. э., Абхазия тесно была связана с греческой культурой, с греческим населением городов Абхазии, с греческим социальным строем. На развитие социальных отношений Абхазии должны были повлиять жители Диоскурии-Себастополиса, Гюэноса, Эшерского городища и Питиунта. В грузинской историографии подчеркивается большое расхождение в социальных отношениях между Абхазией и Грузией в античное и раннесредневековое время. Тогда можно ли говорить о грузинских формах феодализации Абхазии? Форма феодальных отношений и степень эксплуатации в Грузии были иными, чем в Абхазии(95). З. В. Анчабадзе утверждает, что в уровне социальных отношений апсилов и лазов нет существенных различий. Он пишет, что «анализ сообщений Арриана не дает оснований для того, чтобы усмотреть какие-либо сущ-

92 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 240.

93 Анчабадзе З. В. Указ. соч., с. 74.

94 Там же, с. 80—85.

95 Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 27, 35.

ственные различия между социальным строем лазов и, скажем, апсилов»(96). Автор этой работы имеет в виду утверждение С. Н. Джанашиа о могуществе Лазского царства, которое якобы покорило соседние народы. Однако это утверждение не подкрепляется документально.

В начале VIII в. отпадение абазгов от Византии вряд ли означало переход на сторону арабов. Тогда Феофан отметил бы это обстоятельство так же, как это было сделано в отношении Лазики.

В VIII в. абхазские цари не захватили Лазику, как это думают некоторые исследователи. Она была присоединена к Абхазии в связи с женитьбой Леона I на племяннице Арчила, так же, как в свое время Апсилия была присоединена к владениям Вахтанга Горгасала в связи с его женитьбой на дочери императора. Также следует отметить, что ни один исследователь, в том числе и С. Н. Джанашиа, в категорической форме не утверждал захват Лазики силой. Этот вопрос в работе З. В. Анчабадзе освещается правильно, хотя мы не можем согласиться с датировкой этого акта (775 — 780 гг.). Несомненно, присоединение Лазики к Абхазии не связано с деятельностью Леона II. Он же, захватив власть в Абхазии и Лазике, отказался от византийской зависимости, а в 80-х годах VIII в., как пишет Иоане Сабаниძе, южные границы Абхазии доходили до Халдии, т. е. Лазика уже была присоединена к Абхазии.

З. В. Анчабадзе подчеркивает, что «в Абхазском царстве картлийский элемент составлял большинство населения, а также занимал большую и ведущую часть этого царства в территориальном отношении. Кроме того, картвельский элемент оказался более развитым в социально-экономическом и культурном отношениях. Поэтому

грузинский язык получает постепенно всеобщее распространение в качестве основного языка письменности и культуры во всем Абхазском царстве. Все это обусловило то обстоятельство, что вскоре после своего возникновения Абхазское царство, вместе с ним и собственно абхазы активно включаются в общую систему политических образований феодальной Грузии»(97).

Если учесть, что северные границы Абхазского царства достигали до Малой реки Хазарии, тогда вряд ли можно утверждать преимущество картвельского элемен-

96 Анчабадзе З. В. *История и культура древней Абхазии*. — М.: Наука, 1964, с. 204.

97 Анчабадзе З. В. *Из истории...*, с. 106—107.

та как в количественном, так и в территориальном отношениях. Как нам кажется, не подтверждается и социально-экономическое превосходство картвельского элемента. По крайней мере, З. В. Анчабадзе это положение документально не подкрепляет. Мы считаем, что для создания мощного царства необходимо было иметь или культурное, или численное превосходство. Само название царства «Абхазское» не случайно, оно подчеркивает роль этноса в образовании царства.

После присоединения к Абхазии Картли, а затем и смены царской династии, происходит резкое изменение в культурном отношении, о чем писал Н. Я. Марр (см. выше).

Как полагают Г. А. Меликишвили и З. В. Анчабадзе, перенесение столицы Абхазского царства из Анакопии в Кутаиси являлось «одним из проявлений общегрузинской политики абхазских царей»(98). Это мнение в свое время было высказано и С. Н. Джанашиа(99).

Многие вопросы истории Абхазии освещены в работе Ш. Д. Инал-ипа «Вопросы этно-культурной истории абхазов» (Сухуми, 1976 г.). Автор считает правителя Абхазии первой половины VIII в. Леона вассалом картлийского царя Арчила, но не доказывает это(100). Он признает только формальную зависимость Леона от Арчила. В другом месте этой работы Ш. Д. Инал-ипа доказывает преимущество Леона перед Арчилом(101). Перенесение столицы Абхазского царства в Кутаиси он тоже считает проявлением «последующей общегрузинской политики абхазских царей»(102). Далее пишет: «Главным направлением политики абхазских царей было полное объединение Абхазии и Грузии»(103). Если перенесение столицы из Анакопии в Кутаиси означало проведение общегрузинской политики, тогда почему абхазские цари, захватив Картли, не перенесли столицу из Кутаиси в Уплисцихе, ближе к сердцевине Кавказа? Ведь Картли долгое время подчинялась абхазским царям, вплоть до воцарения Баграта III, однако вопрос о перенесении столицы в Уплисцихе никогда не стоял на повестке дня абхазских царей. Там находились толь-

98 Там же, с. 108.

99 БСЭ, изд. 2, т. 1. — М., 1949, с. 47.

100 Инал-ипа Ш. Д. *Вопросы этно-культурной истории абхазов*. — Сухуми: Алашара, 1976, с. 397.

101 Там же, с. 398.

102 Там же, с. 399.

ко наместники. Что касается перенесения столицы Абхазского царства из Анакопии в Кутаиси, то об этом сообщает автор XVIII в., который жил на 1000 лет позже этих событий — Вахушти Багратиони. Эти данные требуют осторожности.

Проанализировав некоторые обстоятельства, Ш. Д. Инал-ипа считает, что с момента образования Абхазского царства до перенесения его столицы в Кутаиси это царство было абхазским национальным образованием как по этническому составу своего населения, так и по характеру его деятельности и направлению политической линии(104).

Вполне правильно характеризует царство Ш. Д. Инал-ипа, когда пишет: «Принимая во внимание, а также то обстоятельство, что западные границы Абхазского царства в период наибольшего расширения доходили до р. Кубань, можно ли без оговорок утверждать, что в «обширном Абхазском царстве картвельский этнический элемент (эгрисцы, сваны, карты)... был преобладающим». Мне кажется, что нет достаточных оснований для такого утверждения, особенно если иметь в виду ранний период Абхазского царства. Трудно себе представить, чтобы абхазские цари в своих экспансиионистских устремлениях могли иметь такие успехи, какие были ими достигнуты, если бы они не опирались на компактное, этнически однородное население своей страны, представляющее значительную силу и в количественном отношении. Вместе с тем, мы все признаем, что «абхазы», «Абхазия» — этническо-географические термины. Но истории еще не известны случаи, чтобы тот или иной этнический термин, обозначающий какой-нибудь численно мизерный народ, мог бы стать таким широким собирательным понятием (недаром, например, весь Советский Союз часто называют за границей «Россией»). Словом, мы должны непременно учитывать не только династическо-политическую сторону, но и другой не менее важный аспект — и количество народа. Абхазы в эпоху создания ими своего государства представляли собой по тому времени значительный и по количеству народ»(105).

Неоднократно повторяющееся ошибочное мнение о роли тао-кларджетских Багратионов в объединении Абхазии и Картли нашло свое отражение и в работе

104 Там же, с. 403—404.

105 Там же, с. 405—406.

Ш. Д. Инал-ипа(106). По его мнению, в «объединенное грузинское государство в 978 году вошла и Абхазия». Однако следует отметить, что к этому времени не было объединенного грузинского царства.

Некоторые интересные моменты истории Абхазии своеобразно освещены в популярной работе Ю. Н. Воронова «Тайна Цебельдинской долины» (М., 1975 г.). По мнению Ю. Н. Воронова, апсилы укрепляли подступы страны со стороны Северного Кавказа(107), поскольку всякая опасность, как полагает он, грозила только с этой стороны. В действительности иноземные захватчики приходили сюда чаще с

юго-востока.

В названной работе проникновение христианства в Апсилию признается только со второй половины VI или с VII века(108). Ю. Н. Воронов не считается с теми письменными источниками, которые сообщают о распространении христианства в Апсилии. Археологическими раскопками в Цебельде выявлены два храма, относящиеся к VI веку(109). Далее, касаясь форм землевладения, Ю. Н. Воронов пишет, что «каждая семья имела земельный участок при общем владении, орудия для обработки почвы и тягловую силу»(110). Если каждая семья имела земельный участок, тягловую силу и орудия труда, тогда налицо частная собственность. Следует также отметить, что Ю. И. Воронов цебельдинскую стеклянную посуду датирует IV—VII вв. Надо отметить, что некоторые уже датированные археологические предметы передатируются без всякой надобности произвольно, необоснованно.

Необходимо указать на то, что вышеназванный автор происхождение железных и бронзовых фибул связывает с северопричерноморскими центрами. По его мнению, «отсюда заимствована форма наиболее ранних лучковых подвязных одночленных фибул, характеризовавших Цебельду во II—IV вв.»(111). Ю. Н. Воронов зависимость от Северного Причерноморья видит и в от-

106 Там же, с. 411.

107 Воронов Ю. Н. *Тайна Цебельдинской долины*. — М.: Наука, 1975, с. 11.

108 Там же, с. 17.

109 Хрушкова Л. Г. *Новые данные в распространении христианства у апсилов*. — В кн.: *Известия АбИЯЛИ*, т. IX. — Тбилиси: Мецинереба, 1980, с. 166.

110 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 54.

111 Там же, с. 85.

ношении серег. Он пишет: «Та же зависимость прослеживается и в отношении серег. Они были заимствованы из Северного Причерноморья в конце II — начале III вв. и, постепенно трансформируясь, сохранились до второй половины VI в., когда получили распространение иные, кольцевидные формы»(112). Однако, согласно исследованиям М. М. Трапша, цебельдинские серьги являются оригинальными, а не заимствованными(113).

Вряд ли можно согласиться и с тем положением автора, где говорится о родственных отношениях, отдельных семей и с выводом о том, что «каждый из населенных пунктов древней Цебельды представлял собой родовое население с зарождавшимися чертами городской формации, по своей структуре восходящее к аналогичным поселкам, характеризовавшим эту территорию в более древние времена»(114). Это утверждение мы считаем спорным.

Ю. Н. Воронов считает, что кремационные погребения принадлежат пленникам — бедным. Однако цебельдинский археологический материал не свидетельствует об этом. Многие кремационные погребения содержат гораздо больше предметов, чем отдельные ингумационные погребения.

Как полагает Ю. Н. Воронов, в Цебельде отсутствует имущественная дифференциация внутри отдельных родов, но зато между родами прослеживается разница как в приобретении предметов роскоши, так и в хозяйственной специализации(115).

Следует отметить, что имущественная дифференциация хорошо прослеживается и внутри отдельных родов.

Таким образом, навязываемое в настоящее время грузинской историографией мнение о том, что абхазские племена были варварами, оторванными от мировых культурных центров того времени, не подтверждается и требует дополнительного освещения на основе археологического материала. Сведения письменных источников скудны и часто противоречивы, что дает некоторым исследователям возможность одностороннего подхода к их освещению. Этим объясняется появление разных те-

112 Там же.

113 Трапиши М. М. *Труды, т. 3.* — Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 194—195.

114 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 100.

115 Там же, с. 102.

34

орий происхождения санигов (сванская и лазская) и мисимиан (сванская и лазская). Иногда в научной литературе встречаются выводы, противоречащие источникам, как это делала Н. Кечагмадзе. Она пишет, что по описанию Ф. Ариана, абазги жили не на побережье Черного моря, а в горах.

Сопоставление письменных источников с некоторыми исследованиями требует освещения многих вопросов но новому, с учетом всех обстоятельств. Такое освещение требуют, на наш взгляд, следующие вопросы: расселение абхазских племен, их социально-экономический строй, хозяйство и, особенно, вопросы политической истории. Что касается экономики Абхазии интересующего нас времени, то о ней в таком аспекте еще никто не писал.

Научный спор продолжается и в отношении распространения христианства в Абхазии. Не менее спорным является характер Абхазского царства.

Именно эти обстоятельства и побудили нас рассмотреть многие вопросы истории Абхазии первого тысячелетия н. э. по-новому: как в свете новых археологических открытий, так и в свете всестороннего освещения письменных источников.

35

Глава 1. Экономика

• 1.1. Земледелие	36
• 1.2. Животноводство	49
• 1.3. Садоводство и виноградарство	57
• 1.4. Ремесло	60
• 1.5. Строительное дело	71

1.1. Земледелие

Как известно, в родовом общинном строе земля являлась собственностью всего

народа или общины. С совершенствованием орудий труда, интенсивностью обработки земли, разделением труда формируется частная собственность, а значит, идет процесс социальной дифференциации общества. Усиление эксплуатации рабов происходило только в могущественных государствах (Египте, Риме, Греции и т. д.). Однако рабство, т. е использование в хозяйстве рабского труда в таких мелких политических образованиях как Апсилия, Абазгия, Санигия и т. д., носит только зачаточный характер.

Население Абхазии с древнейших времен было связано со странами Востока и Средиземноморья. Ярким свидетельством этих связей является образование на территории Абхазии таких крупных торговых центров, впоследствии преобразовавшихся в торговые города оборонительными стенами, как, например, Диоскурия— Севастополь и Эшерское городище, где прослеживается привозной материал с VI в. до н. э., Пицунда (Питиунт).

Многовековая торговая связь с Грецией не могла не отразиться на экономике и социальном строе края. С I в. н. э. Абхазия попала под политическое влияние Римской империи, после чего торговые связи с развитыми провинциями Рима еще более усиливаются, что убедительно подтверждается археологическим материалом как прибрежной, так и предгорной полосы Абхазии (Севастополь, Питиунт, Гуадиуху, Цебельда, Атара, Шаумяновка, Шубара и др.).

Таким образом, экономика Абхазии во многом была связана с экономикой средиземноморских областей.

36

Важен вопрос о том, какими земельными угодиями владело население Абхазии и за счет чего велось хозяйство, особенно земледелие и животноводство.

Общеизвестно, что частная собственность на землю начинается с приобретения общинных земель, но не у всех народов этот процесс проходил одинаково. Форма присвоения земли на Кавказе, особенно в западных районах Закавказья, определялась соотношением между площадью земли и количеством населения. В условиях России «при обилии свободной земли в первобытнообщинном хозяйстве рода и племени не было надобности в регламентации форм земельных отношений и владений землей. Территория, занятая племенем, родом, считалась им принадлежащей. В основе этого права на землю лежал простой факт занятия, захвата. Каждый член рода занимал землю, где хотел, и в таких размерах, сколько мог. Право на землю определялось общепризнанными началами «куда топор и соха ходили», «расчисти и твое», «что к тому селу из стар потягло» и т. д.»(1). Эта земля была собственностью рода, племени и ее обрабатывали коллективно. На территории России распадение родового быта и возникновение новых форм хозяйства — явление позднее. Первобытная форма хозяйства у славян завершается только в VIII—IX вв., «после чего новые общественные отношения классового общества становятся все более ясно выраженным и постепенно господствующими. Но проходит еще один-два века, прежде чем они выливаются в законную общественно-экономическую систему уже на новом уровне развития материальных производственных сил и с новой «надстройкой» их»(2).

Если первобытные формы хозяйства у славян завершаются в VIII—IX вв. и только спустя два века у них устанавливается новая форма хозяйства — феодальная, то на

территории Абхазии положение было иным.

В Абхазии не было обширных свободных земель, поскольку территория Абхазии с древнейших времен была густо заселена. Отдельные племена, населявшие территорию Абхазии, с первых веков н. э. образовывали отдельные политические единицы, ведущие ожесточенные бои за независимость против крупных государств того времени. Только одна цифра об убитых

1 Лященко П. История народного хозяйства СССР, т. 1. — М., 1939, с. 5.

2 Там же, с. 73.

37

византийцами в 554 году у крепости Тсахар (пятнадцать тысяч человек) говорит о густоте населения Абхазии в VI веке. О многочисленности населения Абхазии свидетельствует и Великая Абхазская стена, назначение которой заключалось в защите густонаселенной территории. Иначе ее строительство не имело бы смысла. О значительной плотности населения Абхазии говорят керамические изделия, черепки разных предметов, обнаруженные археологическими раскопками и разведками на территории Абхазии. Уже «к концу VIII в. Эгриси и Абхазия были плотно заселенным, экономически сильным краем»(3).

Таким образом, в позднеантичной Абхазии земля становится частной собственностью, присвоение ее частными собственниками происходило не посредством топора и сохи, а с помощью власти и боевого оружия.

О характере земледельческого хозяйства в Абхазии мы можем судить в основном по археологическим материалам — письменных источников очень мало. Во многих пунктах Абхазии найдены различные земледельческие орудия (сошки, мотыги, серпы, серповидные ножи и др.), относящиеся к первому тысячелетию нашей эры. Многие исследователи предполагают, что появление сохи с железным лемехом обеспечило развитие интенсивного земледелия. «Тогда решающее значение приобрело применение в хозяйстве полусвободного (уже не рабского) труда, рабочей силы таких работников, которые имели свой дом (семью) и которые, получая определенную часть урожая, тем самым побуждались усердно обрабатывать землю»(4). Пахотные орудия такого рода имелись и в Абхазии, о чем Г. С. Читая писал: «Грузинское и кавказское пахотное орудие типологически восходит к древнейшему сумерскому (урскому) типу, к которому также относится и третья разновидность абхазского пахотного орудия»(5).

Итак, наличие совершенного пахотного орудия в рассматриваемом нами регионе указывает на высокий уровень земледелия. В этом плане для нас важное значение имеют сообщения древних авторов о Колхиде, а именно о древности земледелия в этой области. В

5 История Грузии. т. 1. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1962, с. 127.

4 Там же, с. 82.

5 Читая Г. С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий — В кн.: Сообщения АН ГССР, т. 2, № 4. — Тбилиси, 1941, с. 377.

38

частности, в сказании об аргонавтах упоминается железный плуг. При этом не следует забывать, что Абхазия занимала северную часть Колхиды. Здесь же уместно напомнить, что баранья шкура по-абхазски и поныне называется «ахъатра», где «ахъы» означает золото, а «атра» — вместилище, т. е. золотое руно.

В экономике населения Колхиды главную роль играло земледелие. Здесь основным орудием обработки земли был железный плуг, тягловой силой являлись быки.

Нередко в источниках приводятся условия, предъявленные Эйтому Ясону: последний должен был запречь в стальное ярмо медногих быков, которые извергали из ноздрей пламя, вспахать землю и посеять зубы дракона(6). В сообщении Овидия Насона (I в. до н. э.) также читаем: «Подведя (быков) под ярмо, принуждает тащить огромную тяжесть плуга и взрывать железом ... поле»(7).

В Абхазии применялась и деревянная соха с железным лемехом. Относительно древности ее происхождения Г. С. Читая писал: «Большое сходство между пахотными орудиями этрускими и мегрело-абхазскими лучше всего объясняется их происхождением из общего источника — Передней Азии»(8).

По Г. С. Читая, «особенность, присущая абхазскому «калабрийскому» плугу, заключается в его перекладине. Эта перекладина прикреплена к верхней части стойки плуга и к дуге дышла. Она помогает устойчивости рабочей части плуга, создает удобство управления орудием и тем самым способствует эффективной распашке земли»(9). Однако рельеф Абхазии не позволял всюду использовать пахотное орудие и поэтому в горных и предгорных местах занимались мотыжным земледелием.

В земледельческих районах Абхазии производили несколько культур. Письменных источников о земледелии интересующего нас периода почти нет. Некоторые сведения античных авторов касаются соседних племен. Так, например, Геродот, который относится к более далекому времени, об алазонах (жили на северо-западном побережье Черного моря, на берегах Ольвии и Ти-

6 Латышев В. В. Указ. соч. — *Латинские писатели*, вып. 1, с. 64.

7 Там же, с. 73.

8 Читая Г. С. Указ. соч., с. 375.

9 Там же, с. 375—376.

ритака) писал: «Эти последние, как и каллипиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо»(10). Сообщение Геродота нельзя полностью перенести на Абхазию, поскольку здесь были другие климатические условия, нежели на побережье Крыма. Однако потребление хлеба абхазами с древних времен нашло отражение в языке: выражение ачейджика, (хлеб-соль), ачара (есть), ачара (свадьба в смысле большой еды), ачыс (продукт), ачигъ (еда) и некоторые другие происходят от ача — хлеб. О возделывании зерновых в Абхазии свидетельствует и археологический материал, выявленный в разных районах Абхазии. Летом 1960 года во время археологических работ в Пицунде была выявлена обугленная пшеница (IV—V вв. н. э.), которая зафиксирована на всей площади сооружения, надо полагать, зернохранилища

мощностью 70 см.(11).

В. А. Менабде, в исследовании о земледелии в Колхиде, пишет: «Разнообразие культурных растений древней Колхиды указывает на то, что в то время земледелие находилось в данной стране на высоком уровне развития»(12). Ученый опирается на свои выводы. Изученные им хлебные зерна найдены в Зугдидском районе. Нет сомнения в том, что зерновые культуры, выращиваемые в Зугдидском районе, возделывались и на территории Абхазии.

Найденные в Зугдидском районе зерна разнообразны. В. А. Менабде пишет: «Во вторую группу включены возделываемые хлебные растения, которые по своему ботаническому составу делим в свою очередь на две группы: а) просовидные хлеба и б) колосовидные хлеба»(13). В просовидных образцах обнаружены просо и могар. Пять образцов, принадлежащих к просовидным растениям, не поддались дифференциации по морфологическим признакам. Среди просовидных имелись мел-

10 Латышев В. В. Указ. соч. Греческие писатели, вып. 1. — СПб., 1893, с. 16.

11 Анакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960 г. — Тбилиси, 1962, с. 35.

12 Менабде В. А. Ботанико-систематические данные о хлебных данных древней Колхиды. — В кн.: Сообщения Грузинского филиала АН СССР, т. 1, № 9. — Тбилиси, 1940, с. 688.

13 Там же, с. 684.

40

косемянные образцы, сильно уступающие по величине зерна современным сортам могар. Здесь выявлены: голозерная пшеница, пшеница-маха и многогранный ячмень. Преобладают просовидные хлеба, затем пшеница и, наконец, ячмень.

Анализ зугдидских находок в Восточном Причерноморье подтверждает, что здесь произрастали особые сорта хлебных злаков, которые были характерны только для Западного Закавказья, в том числе и для Абхазии того времени. О местном происхождении вышеназванных злаков говорит тот факт, что один из этих сортов — пшеница-маха — сохранился только в предгорьях Западного Закавказья.

О распространении в Абхазии зерновых культур свидетельствуют жернова от ручных мельниц, найденные в разных районах Абхазии. Так, например, во время археологических раскопок на Сухумской горе в 1951 г. были найдены фрагменты жернова, сильно изношенные от долгого использования(14). Жернова были найдены и на территории Древнего Севастополиса(15). Два жернова обнаружены в г. Сухуми на участке Одинец. Они изготовлены из твердого камня и принадлежат к типу вращающихся жерновов. Нижний камень — неподвижный, имеет форму невысокого конуса, в верхнем — снизу и сверху — конусообразные выемки, соединяющиеся круглым сквозным отверстием(15). Эти жернова сравнительно маленькие: толщина обоих вместе составляет 20 см.; а диаметр 32 см.

Несколько жерновов были найдены на территории Сухумской крепости. Они тоже принадлежат к вращающимся жерновам. Диаметр некоторых из них достигает 40—45 см.

Античный жернов, высеченный из гранита, из Эшерского городища был опубликован Г. К. Шамба(17). По своей конструкции он отличается от других тем, что имеет

вытянутую четырехугольную форму. В верхней части его имеется конусообразное углубление для засыпки зерна. На дне — продольный разрез, через кото-

- 14 Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. — Сухуми, 1953, с. 44.
15 Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. — В кн.: СА, 3, 1960, с. 179
16 Трапиш М. М. Труды, т. 2. — Сухуми, 1969, с. 382.
17 Шамба Г. К. Античный мукомольный жернов из Эшерского городища. — В кн.: Известия Абхазского института ЯЛИ, т. 2. — Тбилиси: Мецниереба, 1973, с. 184.

41

рый зерно попадало между жерновами. Горизонтальная ручка закреплялась в пазах(18).

Деталь четырехугольной ручной мельницы была найдена в районе Скурчи к востоку от устья реки Кодор(19). Этот фрагмент близок к жернову из Эшерского городища. Жернова от ручной мельницы были найдены в Пицунде в слое III—IV вв. н. э.(20). На территории Абхазии в большом количестве обнаружены зернотерки. Они были найдены на Сухумской горе во время ее благоустройства(21), несколько экземпляров выявлено на Эшерском городище и т. д. Жернова от ручных мельниц и зернотерки» встречающиеся здесь повсеместно, еще одно убедительное свидетельство о наличии в Абхазии развитого зернового хозяйства.

На территории Абхазии с древнейших времен возделывали и технические культуры. Об этом свидетельствуют и письменные источники и археологический материал. Так, например, Геродот (V в. до н. э.) писал о колхах: «Они и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического, а привозное из Египта называется египетским»(22). Следует отметить, что само название колхидского полотна Еаровиков Б. А. Куфтин считает происходящим от абхазского названия ткацкого станка асарты — Саротов — сарты»(23). Страбон пишет: «Льняные ткани местного производства пользуются широкой известностью. Действительно они (колхи. — М. Г.) вывозили льняные ткани в чужие страны»(24).

Анализируя археологический материал из Красного Маяка (Сухуми), М. М. Трапиш писал: «Нужно отметить, что почти на всех рассмотренных железных пред-

18 Там же.

19 Хотелашивили М. К. Античная ручная мельница из Скурчи. — В кн.: Дзеглис мегобари, № 15. — Тбилиси, 1968, с. 51—54.

20 Гамбашидзе О. С. Бичвинта, предварительный отчет об археологических работах, проведенных в VII раскопке в 1956 — 1957 гг. — В кн.: МАГК, т. 3. — Тбилиси, 1963, с. 93.

21 Каландадзе А. Н. Указ. соч., с. 44.

22 Латышев В. В. Указ. соч., Греческие писатели, вып. 1, с. 9.

23 Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, т. 2. — Тбилиси, 1950, с. 292—293.

24 Страбон. География. — М., 1964, с. 472.

42

метах, покрытых сцементировавшимся толстым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной, сохранились кусочки тканевой материи типа отпечатков текстильной керамики, раскопанной в селище первого объекта, в местечке Безымянном. Эти фактические данные четко и определенно указывают на то, что еще в глубокой древности в хозяйственной деятельности местного населения видное место занимало ткацкое ремесло, продукция которого уже в конце бронзовой эпохи начинала, по-видимому, выходить из рамок домашнего производства и выносилась на рынок для сбыта»(25).

О производстве льняной продукции сообщает и автор XII в. Евстафий. В комментариях к земледелию Дионисия, который жил в эпоху Адриана, он пишет, что колхи и египтяне одинаково носят льняную одежду(26). Мы разделяем вполне справедливое утверждение М. М. Трапша о том, что «на территории современной Абхазии и всей Западной Грузии в течение большого исторического периода лен оставался основной технической сельскохозяйственной культурой. Еще в XVII веке население здесь одевалось главным образом в льняные ткани местного производства»(27).

Необходимо подчеркнуть, что фрагменты тканевой материи были найдены не только в прибрежной, но и в нагорной части Абхазии(28).

О масштабах ткацкого производства говорят и другие археологические материалы. Так, например, во многих местах найдены пряслицы от веретен античного и раннесредневекового времени. Их находили даже в крепостях. М. М. Трапш правильно полагал, что наличие пряслиц от веретен в крепости свидетельствует о том, что женщины, проживавшие здесь, по-видимому, в военное время занимались и ткачеством(29).

Наряду со льном в качестве сырья в ткацком производстве, видимо, использовалась и шерсть. И. А. Джавахишвили указывал на то, что грузины из хлопка и

25 Трапш М. М. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 29. — Сухуми, 1958, с. 202.

26 Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, вып. 1, с. 203.

27 Трапш М. М. Археологические раскопки в окрестностях..., с. 204.

28 Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 30. — Сухуми, 1960, с. 153.

шерсти делали ткани для верхней одежды, а из льна — ткани для нижней одежды(30). Можно полагать, что и в Абхазии было аналогичное положение.

Лен по-абхазски называется акуны, и нынешнее старшее поколение женщин хорошо помнит, как из него шили одежду.

Историк XVIII века Вахушти Багратиони подчеркивал, что абхазы лучше других обрабатывали хлопок и лен, что льняное полотно у абхазов лучше, чем у других народов(31).

Поскольку у древних авторов не встречается сведений о сельском хозяйстве и сельскохозяйственных орудиях, судить о них приходится только по материалам раскопок. Если верить Прокопию Кесарийскому, в Лазике, соседней с Абхазией

стране, вообще ничего не сеяли. Очевидно, автор касается определенной эпохи, когда в связи с разрухой, во время ирано-византийской войны, Лазика не могла производить достаточное количество хлеба для византийских гарнизонов. Античные сельскохозяйственные орудия можно разделить на несколько видов в зависимости от назначения: земледельческие (лемеха, мотыги, серпы), лесообрабатывающие (топоры, цалды), животноводческие (ножницы для стрижки овец), бытовые (ножи) и др.

В 1973 году в с. Багмарани Сухумского района во время земляных работ был найден большой сосуд с железными лемехами, мотыгами, топорами. Видимо, предметы принадлежали ремесленнику-кузнецу. По форме и размерам они аналогичны лемехам начала XX века. Эта замечательная находка в настоящее время находится в Абхазском государственном музее. Для определения возраста этих орудий обратимся к датированным археологическим комплексам, куда входят аналогичные сошки. Мы имеем сошник, датированный археологическим комплексом. «Такой сошник был найден в 1954 г. на горе Гуадиуху. Он сделан из толстого железа и состоит из нижней плоской рабочей части конической формы с заостренным краем и верхней, имеющей открытую разрезную втулку, которая надевалась на деревянный

30 Джавахишвили И. А. *История грузинского народа, кн. 1. — Тбилиси, 1951, с. 12.*

31 Вахушти. *Описание Грузинского царства. — Тбилиси, 1941, с. 145.*

44

стержень примитивного плуга или сохи»(32). Эти и другие сошники дают представление о технике обработки земли в окрестностях Диоскурии-Себастополиса. Сошники из Гуадиуху и из села Багмарани имеют свои особенности. По устройству они способны разрыхлять землю, но не могут переворачивать ее так, чтобы травяная поверхность оказалась внизу. Поэтому их одинаково можно было использовать как на равнинных местах, так и на склонах. Такие сошники больше сохраняют почву от эрозии, чем плоские сошники от плугов, оставляющие при вспашке гладкую поверхность, вследствие чего почва легко смывается.

Наличие железных лемехов указывает на наличие плужного земледелия. В античное время на равнинах и на предгорьях Абхазии широко использовалась тягловая сила. Наряду с плужным земледелием в Абхазии в античную эпоху занимались и мотыжным земледелием, что было обусловлено рельефом страны. О широком распространении мотыжного земледелия свидетельствует большое количество мотыг, найденных, главным образом, в составе инвентаря захоронений.

Самые ранние мотыги были найдены в с. Багмарани вместе с вышеназванными сошниками и топорами, которые датируются VII—VI вв. до н. э. Они массивные и большие. Приблизительная высота около 30 см, а наибольшая ширина рабочей части около 24 см.

Три большие железные мотыги были выявлены во время археологических работ на территории Эшерского городища(33). Они относятся к позднеэллинистическому периоду. В позднеантичную эпоху мотыги встречаются в предгорных районах Абхазии: в Апуште(34), Атара Армянской(35), Шаумяновке, Цебельде(36), Лате(37), Азанте и др.

- 32 Трапиши М. М. *Труды*, т. 2, с. 232; Хотелашивили М. К. *Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени*. — В кн.: *Материалы по археологии и искусству Абхазии*, табл. 1,2.
- 33 Шамба Г. К. *Эшерское городище*. — Тбилиси: *Мецниереба*, 1980, с. 45.
- 34 Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. *Алуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии*. — В кн.: *СА*, 1, 1970, с. 189.
- 35 Гунба М. М. *Новые памятники цебельдинской культуры*. — Тбилиси: *Мецниереба*, 1978, с. 49,
- 36 Воронов Ю. Н. *Археологическая карта Абхазии*. — Сухуми. 1969, с. 161.
- 37 Хотелашивили М. К. Указ. соч., с. 30.

45

Несколько мотыг было найдено в Гагре(38), один экземпляр выявлен в г. Сухуми вместе с топорами цебельдинского типа(39).

Мотыги различны по форме и размерам: одни имеют широкую рабочую часть, другие — узкую. Видимо, эти два типа имеют разные назначения. Первый тип, как предполагает Г. К. Шамба, предназначался для сбора мусора или для очищения каналов. Второй тип употреблялся при обработке полей и огородов. Отметим, что и в настоящее время в огородничестве Абхазии широко используются узкие мотыги. С помощью узких мотыг производили прополку проса.

Формы мотыг зависели от характера почвы. Там, где грунт был мягкий, использовались обыкновенные однолезвийные мотыги. В каменистых местах употреблялись специальные орудия с двумя лезвиями, которые иногда называют киркообразными мотыгами. Ранние образцы этого типа — мотыги из поселения Гуадиху, III—II вв. до н. э.(40). Аналогичные мотыги были выявлены в Цебельде(41), Апуште(42), Атаре(43), Джгерде. Почва перечисленных пунктов довольно твердая (содержит железисто-марганцевое стяжение), и иногда для ее обработки следует применять не широкое лезвие, а другой, острый конец мотыги.

М. К. Хотелашивили выделяет особую группу железных орудий, которые называет тестообразными мотыгами(44). Она допускает возможность их употребления как деревообрабатывающих инструментов. Некоторые исследователи считают их сошниками(45), другие мотыгами(46).

Следует отметить, что аналогичные инструменты и по сей день употребляют как деревообрабатывающий инструмент, особенно для выдалбливания больших бревен. Этот инструмент напоминал бы сошник, если бы

38 Там же.

39 Там же, с. 31.

40 Там же, с. 33.

41 Там же, с. 34.

42 Там же.

43 Там же, с. 35.

44 Там же, с. 35—36.

45 Лавров Л. И. *Земледелие на северо-западном Кавказе*. В кн.: *МИЗС*, 1961, с. 201.

46 Анфимов Н. В. *Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья*. — В кн.: *МИЗС*, 1951, с. 148; Блаватский В. Д. *Античное земледелие в Северном Причерноморье*. — В кн.:

его рабочая часть (лезвие) была узкой, как у других сошников, однако его широкое лезвие не приспособлено для пахоты.

Интенсивным земледелием занимались в тех местах, где не проходили торговые и военные пути. Об этом ярко свидетельствует материал из раскопок в с. Цебельда. Ни в одном из большого количества раскопанных археологами погребений вдоль дороги на Марухский и Клухорский перевалы не были найдены мотыги. Через поселок Мрамба (западная часть Цебельдинского сельсовета) пролегал торговый и военный перевальный путь на Северный Кавказ. Население этих мест, как показывает материал раскопок, охраняло путь. Во всех мужских погребениях — по нескольку наконечников копий и топоров, но нет ни одного сельскохозяйственного орудия. Что касается отдаленных от этого пути мест: Апушта, Атара, Шаумяновка и др. — там сельскохозяйственные орудия встречаются часто.

К сельскохозяйственным орудиям, связанным с зерновыми культурами, относятся также серповидные ножи и серпы. Они были широко распространены в начале эпохи раннего железа по всей Европе(47). Подобные ножи засвидетельствованы в Куланурхском некрополе

VII—VI вв. до н. э.(48). Серповидные ножи были найдены и в Сухуми во время археологических раскопок на территории Красного Маяка(49), древнего Себастополиса(50), на Сухумской горе(51). Они продолжают бытовать и в позднеантичную эпоху(52). Это обстоятельство указывает на то, что те виды работ, для которых предназначались серповидные ножи, не теряли своего значения в сельском хозяйстве.

Касаясь эшерского серповидного ножа эллинистической эпохи, Б. А. Куфтин писал: «Этот слегка искривленный нож, несомненно, принадлежал женщине, служащей, вероятно, для снимания винограда. Не исключена, конечно, возможность, что подобного рода нож мог употребляться и для срезания созревших колосьев, но в таком случае форма его нарушит наиболее явный ход развития местного серпа и не найдет также места

47 Трапиш М. М. Труды, т. 2, с. 55.

48 Там же, с. 55—56.

49 Там же, с. 39, 101, 346.

50 Там же, с. 346.

51 Каландадзе А. Н. Указ, соч., с. 78.

62 Трапиш М. М. Труды, т. 3, с. 29.

среди античных форм жатвенного орудия»(53). В то же время Б. А. Куфтин называет серповидные ножи из Гурджаанского района серпами(54). Надо полагать, что и серповидные ножи из Абхазии играли роль серпов.

Эта форма ножей характерна для многих областей Кавказа, в частности, пять серповидных ножей были найдены в Чхороцку. По мнению Н. Хоштария, такие ножи

использовались в виноградарстве(55).

Таким образом, серповидные ножи были характерны и для всей Колхиды, где, начиная с эпохи бронзы, непрерывно находились в употреблении, продолжая бытовать и в раннем средневековье.

Все вышеизложенное свидетельствует о выращивании в Абхазии зерновых культур. Необходимо также отметить, что частые войны крупного масштаба, долгие осады крепостей требовали здесь постоянного запаса зерна, молотьба которого происходила внутри крепостей.

На территории Абхазии подолгу держали свои военные гарнизоны византийцы и персы. Их войска обеспечивались местным провиантом, в том числе и зерновыми продуктами. На это указывает случай с византийским гарнизоном у крепости Сканда. Вначале византийский гарнизон продуктами обеспечивали лазы. Затем они отказались делать это, и византийцы вынуждены были покинуть эту пограничную крепость. Если бы византийских воинов обеспечивали привозными продуктами, им не пришлось бы переживать то, о чем писал Прокопий Кесарийский. Он прямо указывает, что «питаться, подобно колхам, долгое время местным пшеном, к которому они не привыкли, они совершенно не могли, того же продовольствия, которое приносили им лазы, совершая длинный путь, им совершенно не хватало»(56). На территории Западной Грузии, где находились византийские, гарнизоны, имелись склады хлеба и другого провианта(57). Такие склады имелись в Археополе, в крепости Петре и т. д. Хотя Прокопий Кесарийский ничего не пишет о снабжении византийских гарнизонов, находящихся на территории Абхазии, но, надо полагать, что здесь их снабжали местными продуктами.

53 Куфтин Б. А. Указ. соч., с 40.

54 Там же, с. 41.

55 Путуридзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии, с. 77.

56 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 418.

57 Там же, с. 421.

Об этом свидетельствует выявленное в Пицунде складское помещение с обугленной пшеницей(58).

Историк позднего средневековья царевич Вахушти Багратиони отмечал, что на территории Абхазского царства выращивают в достатке пшеницу и в большом количестве просо. Вахушти подчеркивал, что и другие зерновые культуры прекрасно произрастали, что труженик с помощью одной цалды и мотыги мог выращивать столько зерна, что мог платить натурой ренту и прокормить семью(59).

Таким образом, Абхазия с древнейших времен являлась страной земледелия. «Земледелие процветало, главным образом, на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. Для обработки земли пользовались деревянной сохой, в которую впрягали рабочий скот... Сеяли, по-видимому, пшеницу, ячмень, особые разновидности проса (по-абхазски аши и абыста, по-грузински гоми) и другие хлебные злаки»(60).

1.2. Животноводство

В хозяйственной жизни Абхазии большое значение имело животноводство. Здесь сочетались все условия, необходимые для развития этой отрасли: луга, леса, альпийские пастбища для летнего отгона скота, реки, ручьи. На лесистых склонах гор больше внимания уделялось развитию коз, на открытых холмистых предгорьях было распространено овцеводство, на равнинах предпочитали разводить крупный рогатый скот. Жизненная важность животноводства для населения Абхазии подчеркивается наличием соответствующих культов. Так, например, в одном из погребений некрополя Абгыдзраху (№ 39) с. Цебельды была найдена полая красноглиняная фигурка быка (первая половина IV в. н. э.). «Эта фигурка, несомненно, культового назначения. Владелец ее при совершении религиозного обряда, посвящавшегося, следует полагать, «владыке-быку», благополучию домашнего скота»(61).

58 *Анакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Указ. соч., с. 35.*

59 *Картлис џховребა, т. 4, с. 744.*

60 *Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, — Сухуми, Абгиз, 1960, с. 28.*

61 *Трапиш М. М. Труды, т. 3, с. 205.*

49

В селе Абгархук Гудаутского района была найдена литая бронзовая фигурка быка, как полагал Б. А. Куфтин, культового назначения. Она датируется позднебронзовой эпохой(62). Эта обнаруживает сходство с цебельдинской фигуркой быка. Обе они относятся к местной культуре. Надо полагать, культ быка существовал еще с эпохи поздней бронзы, если не раньше.

Предплечья одноручных кувшинчиков часто украшены изображениями козлиных и бараньих головок. Такие кувшинчики в большом количестве найдены в Цебельде(63). Эти украшения свидетельствуют о роли овцеводства и козеводства в данном районе Абхазии. Об этом же, видимо, говорят и железные пружинные ножницы с петельчатым основанием, которые были найдены в некрополе Абгыдзраху в с. Цебельда(64). Железные ножницы для стрижки овец были найдены также в Пицунде, в слоях поэзнеантальной эпохи(65), и в Анакопии, в слоях раннего средневековья(66). Подобные ножницы бытуют и в наше время.

Цебельда находится в предгорном районе и занимает всхолмленные места, поросшие растительностью, пригодной для питания мелкого рогатого скота, особенно коз.

Абхазская порода козы славилась издавна. Вахушти Багратиони (XVIII в.) особенно подчеркивал

превосходные качества этой породы козы(67).

Надо полагать, что равнинные, заболоченные места не благоприятствовали развитию мелкого рогатого скота, поскольку он плохо переносил «сырой климат равнины и побережья и легче, чем другие животные на равнине, заболевал бруцеллезом, поэтому скотоводства равнин обычно держали свои отары на возвышенных местах»(68).

62 Куфтин Б. А. Указ. соч., т. 1, с. 229.

63 Трапиши М. М. *Труды*, т. 3, с. 33; Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. — Сухуми: Алашара, 1970, с. 21; Гунба М. М. *Новые памятники цебельдинской культуры*, с. 13, 30, 33, 37, 38; Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Указ. соч., с. 182, 184.

64 Трапиши М. М. *Труды*, т. 3, с. 36.

65 Гамбашидзе О. С. *Бичвинта (итоги раскопок 1938 г. на VII участке археологической экспедиции)*. — В кн.: МАГК, т. 4. — Тбилиси, 1965, с. 124.

66 Трапиши М. М. *Археологические раскопки в Анакопии*, с. 277.

67 Картлис ҃ховреба, т. 4, с. 785.

68 Бжания Ц. Н. *Из истории хозяйства абхазов*. Сухуми, 1962, с. 55.

50

В предгорьях Абхазии, как уже отмечалось, разводили мелкий рогатый скот. Но это обстоятельство не исключало возможности разведения и крупного рогатого скота. Наличие керамической фигурки быка указывает на определенную роль крупного рогатого скота в

хозяйстве населения нагорной части Абхазии.

В равнинных местах Абхазии разводили в основном крупный рогатый скот, в меньшей степени — мелкий рогатый скот. Об этом свидетельствует остеологический материал из Пицунды(69), который состоит из *Bos taurus*. Встречаются также кости мелкого рогатого скота (козы и овцы)(70). «Костная коллекция раннефеодальной эпохи Бичвинта включает, в основном, кости крупного рогатого скота. В костных остатках мелкого рогатого скота, при малой экземплярности костей *Ovis aries* выявлено значительное количество костей *Capra hircus*.

В довольно большом количестве найдены костные образцы свиньи.

Такую же картину видового состава дала костная коллекция Колхидской низменности эпохи энеолита. Заученное при этом внешнее сходство между костями *Bos taurus* обеих культур выдвинуло необходимость сравнения костных образцов этих культур. На основании их сравнения с соответствующими костями местной хевсурской коровы можно заключить, что остеологические коллекции раннефеодальной эпохи Бичвинта и Колхидской низменности времени энеолита включают кости одной и той же группы *Bos taurus, brachyceros*, не отличающиеся по размерам от мелкорослого местного хевсурского крупного рогатого скота. Основываясь на цифровых данных костного материала

раннефеодальной эпохи Бичвинта и энеолита Колхидской низменности, можно предположить, что наряду со скотоводством в Западной Грузии (имеется в виду Абхазия. — М. Г.) в означенную эпоху, видимо, немало внимания уделялось козоводству и свиноводству»(71).

Отсутствие обширных пастбищ и естественных сенокосов осложняло разведение скота. Территория Абхазии в основном была покрыта лесами и кустарниками. Кормовые ресурсы быстро исчерпывались. Поэтому возник-

69 Цицишвили А. Л. *Костные остатки животных, добытые археологическими раскопками в Бичвинта*. — В кн.: МАГК, т. 4, с. 130.

70 Там же.

71 Там же, с. 137.

ла система отгонного скотоводческого хозяйства, чему способствовали альпийские пастбища с обильной травой и ручьями. Зимой они покрывались толстым слоем снега, поэтому использовали их только в летнее время Отгон скота начинался в мае или в начале июня, скот в горах держали до конца августа или сентября. На горные пастбища отгоняли как крупный, так и мелкий рогатый скот. Коз пасли в основном у опушки лесов, а овец и коров — на открытых пастбищах. Таким образом пастухиrationально использовали имеющиеся кормовые ресурсы.

Об использовании горных альпийских пастбищ свидетельствуют памятники материальной культуры ацангуара, которые расположены в зоне альпийских пастбищ на высоте около 2 000 метров над уровнем моря. Они представляют нередко полуразвалившиеся каменные ограды. Ц. Н. Бжания установил две группы каменных оград — ранней и поздней кладки. Поздние комплексы, которые иногда называются «ахахэгуара» (каменная ограда), в отличие от более древних ацангуара, меньше разрушены, сохранили свою планировку(72).

Ц. Н. Бжания считал, что ацангуары были предназначены для загона мелкого рогатого скота(73). Он писал, что в конце пастбищного сезона в горах производился раздел сборного стада всего коллектива. Для этого все сборное стадо загонялось в центральную большую ограду; площадь ее доходила до 250—350 кв. м и могла вместить 300—400 голов мелкого рогатого скота. Каждый скотохозяин, член пастушеского коллектива «агуп», выводил из сборного стада свой скот, который узнавал по специальным ушным разрезам (ахцара) и загонял его в отделения ограды. Глава коллектива осматривав выводимую скотину, для чего он становился у входа в постройку. В центральном большом загоне оставалось стадо главы, старшего «агуп». После разбора стада, каждый скотохозяин со своим стадом направлялся на свои зимовки, «ааптра»(74).

Преобладание мелкого рогатого скота в хозяйстве абхазов подтверждается большим количеством ацангуар, расположенных на склонах и вершинах почти всех альпийских пастбищ Абхазии (на хребте Ахача в Гагрском районе; Ачамхахуцра, Мамзышха, Арихуа, Бгаунты, Ахибаху, Амчпсарау, Адзапш Гудаутского рай-

72 Бжания Ц. Н. Указ. соч., с. 109.

73 Там же, с. 117.

74 Там же.

она; Башкапсара, Большая Хутия, Малая Хутия, Ахарве, Марух, Клыч, Сакен Гульрипшского района; Шоудыд, Члоу, Тхина Очамчирского района). В названных местах имеются как отдельные ацангуары, так и комплексы.

Профессор Ш. Д. Инал-ипа после подробного этнографического изучения ацангуар писал: «Массовое строительство ацангуар на абхазских высокогорных пастбищах было вызвано новыми хозяйственными нуждами, конкретно новыми формами скотоводства, повлекшими за собой большие социально-экономические изменения. Это была эпоха широкого освоения металла и перехода к пастушескому отгонному

скотоводству. Рост поголовья мелкого рогатого скота и забота о его кормах привели к завершению, освоения превосходных безлесных горных лугов и пастбищ на рубеже II—I тыс. до н. э. Вероятно, отражением этого является страбоновское сообщение о том, что некоторые гениохские племена занимали вершины гор, другие жили под открытым небом в ущельях. Причем главной экономической основой горных скотоводов было в то время, по-видимому, овцеводство, что подтверждается и археологическими материалами, а также природно-климатическими условиями той эпохи»(75).

Мы не знаем, какими археологическими материалами располагал автор, но сам факт наличия каменных оград описанных размеров и форм указывает на преимущественное использование их для овец. В таких низких оградах трудно удержать коз, для овец же они вполне пригодны.

Следует также отметить и другое обстоятельство. Большинство ацангуар находится в глубине альпийских пастбищ, где растет только трава, пригодная для выпаса овец. Как известно, козы неохотно едят траву.

Большое количество ацангуар подкрепляет мнение Ш. Д. Инал-ипа о том, что основой горных скотоводов в то время было овцеводство.

Что касается легенды об ацангуарах, то там упоминается «аракху» или «агуарта» и козел. Первые два термина означают стадо, но в них не упоминаются и не подразумеваются овцы. В данном случае следует вспомнить, что среди отары овец, как правило, держали не-

75 Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми: Алашара, 1971, с. 120—121.

значительное количество коз, и во время перегона скота роль вожака выполнял козел.

Важно отметить, что распространение ацангуар совпадает с ареалом дольменов, с той разницей, что первые занимают альпийские луга, а вторые — предгорье. И те и другие расположены в северо-западной части Кавказа. Если такое совпадение не является случайным, возможно, ацангуары действительно были построены в эпоху бронзы.

Если происхождение ацангуар связано с далеким прошлым, они могли иметь практическое значение и в античную эпоху и в раннем средневековье. По данным Ц. Н. Бжания, ацангуары использовались и в XIX веке.

Очень интересное мнение высказывает профессор Ш. Д. Инал-ипа об использовании ацангуар. Он пишет: «Современное население Абхазии единодушно в отношении широчайшей распространенности ацангуар во всех горах страны, как и в отношении того, что одни из этих построек использовались древними пастухами в качестве жилищ, а другие — как помещения для гона скота»(76). На наш взгляд, эти ограды использовались для загона скота, как это было сказано выше. Для пастухов же строились особые жилища из древесины, следы которых не сохранились. На западном склоне горы Арихуа имеется комплекс сооружений, но он находится в узкой лощине, не подходящей для жилья. Комплекс занимает место, где во время дождя скапливаются потоки воды. В окрестности нет отдельных оград, которые

предназначались бы для пастухов. А это огромное помещение никак нельзя считать сооружением для пастухов. Имеются также ограды, разделенные большим расстоянием. Однако могли ли пастухи оставлять стада в таких плохо защищенных от хищных зверей оградах? Видимо, пастухи должны были где-то строить для себя специальные помещения. Кроме того, в ночное время пастухи овец могли оставаться у стада под открытым небом. Еду им приносили товарищи из общего лагеря-стоянки и возвращались. Это делалось с той целью, чтобы овцы не худели от лишней ходьбы. Такая форма выпаса овец сохранилась до начала XX века. Следует отметить также, что во многих местах расположения ацангуар отсутствует питьевая вода.

76 *Там же*, с. 64.

54

Иные соображения высказывает Ю. Н. Воронов, который исследовал группы ацангуар северо-западной Абхазии. По его мнению, ацангуары представляли прямоугольные помещения с высотой стен 1,2–1,4 метра(77). Он их датирует VI–X вв. н. э., исходя из археологического материала(78). Появление ацангуар Ю. Н. Воронов связывает с процессом развития отгонного скотоводческого хозяйства, который совпал с возникновением и развитием местного государственного образования — Абхазского царства IX–X вв., созданного на базе княжества абазгов VI–VIII вв. н. э.(79).

Наиболее ранние ацангуары он относит именно к VI–VIII вв. н. э.(80). По его мнению, в XI–XII вв. альпийская зона Абхазии опустела в связи с некоторыми объективными причинами(81).

Несмотря на различия в интерпретации этих сооружений разными исследователями, ясно, что большое количество ацангуар указывает на значительные масштабы овцеводства.

В жизни абхазов важное место занимало коневодство. Его народнохозяйственное значение заключалось в использовании коней в качестве выючных животных и средства передвижения. Возможно, что у абхазов был и культ лошади, о чем свидетельствуют конские захоронения. В Цебельде было выявлено шесть конских погребений, из которых в одном погребении (некрополь Апианча) вместе были захоронены конь и его владелец. В остальных случаях были захоронены одни лошади. В пяти погребениях встречены уздечные наборы. Этот обычай захоронения верхового коня имеет в Абхазии давнюю традицию. Лошадь в жизни абхазов занимала важное место с древнейших времен. Об этом свидетельствуют бронзовые эгretки, найденные А. Л. Лукиным(82) и Г. К. Шамба(83).

77 Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуар. — В кн.: СЭ, № 6. — М., Наука, 1973, с. 31.

78 *Там же*, с. 37.

79 *Там же*.

80 *Там же*, с. 39–40.

81 *Там же*, с. 39.

82 Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. — В кн.: ТОПКГЭ. — Л., 1941, с. 70.

83 Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя

древнеабхазской знати из Эшера. — В кн.: Известия Абхазского института ЯЛИ, т. 1. — Сухуми: Алашара, 1972, с. 105— 106.

55

Следует отметить, что ёще одна эгретка, опубликованная А. Л. Лукиным, хранится в Киевском музее. И эта находка должна происходить из Абхазии. По мнению Г. К. Шамба, абхазское происхождение этой эгретки доказывается ее поразительным сходством с эшерской и бамборской находками.

Четыре эгретки из разных пунктов Абхазии имеют четко выраженный культовый характер. На этих фигурках имеются не только изображения жеребцов, но и круглогорых баранов с колокольчиками на шее. В целом они связаны «с циклом обрядового праздника Айнарныхвара, засвидетельствованного в пережиточной форме пока что у абхазов»(84). Как полагает Г. К. Шамба, в эгретках следует «видеть культовый предмет, как бы двойник божества Айттар — атрибут жреца, которым, видимо, пользовались при исполнении жреческих обязанностей»(85).

В раскопках часто встречаются длинные копья. Так, например, в Бамборах было найдено несколько бронзовых фигурок коней(86). Одно конское погребение с бронзовыми удилами и железными псалиями, относящееся к рубежу VII—VI вв. до н. э., известно из Куланурхского могильника(87). Другое конское захоронение вместе с воином, датируемое тем же временем, выявлено в Красномаякском могильнике в Сухуми(88).

Таким образом, роль лошади в хозяйстве абхазов была значительной, по крайней мере, со второй половины первого тысячелетия до н. э. и позже, включая средневековье. Все цебельдинские конские погребения, которые были выявлены в двух некрополях Абгыдзраху и Апианча), датируются позднеантической эпохой, а что касается конского погребения, раскопанного в 1959 г. в Сухуми, то оно датируется VI веком нашей эры(89).

84 Там же, с. 108.

85 Там же.

86 Лукин А. Л. Указ. соч., с. 62—63.

87 Трапиш М. М. Памятники колхидской и скифской культуры в селе Куланурхва Абхазской АССР. — Сухуми, 1962, с. 21—22.

88 Трапиш М. М. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 29. — Сухуми, 1958, с. 199.

89 Трапиш М. М. Труды, т. 3, с. 123.

56

1.3. Садоводство и виноградарство

О садоводстве Абхазии первого тысячелетия нашей эры мы не имеем никаких письменных свидетельств. Античные и раннесредневековые писатели ограничиваются описанием только лишь политического состояния края и иногда указывают на этнический состав. Поэтому мы пользуемся косвенными и скучными сообщениями поздних авторов, а также незначительным археологическим

материалом.

В своих сочинениях Прокопий Кесарийский, как указывалось выше, говорит о том, что в северо-западной части Колхида, которую он называет Мохерезис, растет много плодов. Подчеркиваем, что именно в северной части Колхида лучше росли виноград и фрукты. Из слов Прокопия Кесарийского видно, что Лазика — скучный край, там не растут ни зерновые культуры, ни фрукты, ни виноград. Прокопий Кесарийский хвалит только ту область Лазики, которая называлась Мохерезис или Мохериси. В связи с этим следует подчеркнуть одно обстоятельство.

Об Абхазии более позднего времени сообщает Вахушти Багратиони, который пишет, что в ней растет виноград и множество фруктов, а хурмы, каштанов, яблонь, персиков здесь больше, чем в Картли(90).

Иначе говоря, Вахушти Багратиони почти повторяет слова автора VI века Прокопия Кесарийского, только с той разницей, что он вместо Мохериси называет Абхазию. Если сопоставить эти два источника, мы увидим, что выращивание винограда и фруктовых садов имело место в Абхазии в течение всего средневековья.

Свидетельство Прокопия не означает, что эти отрасли хозяйства появились именно в тот момент, когда писал этот автор. Виноградарство и садоводство в Абхазии развивались гораздо раньше, о чем свидетельствуют археологические находки из различных районов Абхазии в виде серповидных ножей, цалд и цалдеобразных орудий, о чем было сказано выше. Они предназначались для срезания виноградной лозы и веток. Все фруктовые деревья в Абхазии были высокоствольными, и для срезания их веток нужны были специальные орудия с длинными рукоятями. Именно такими являются цалды с раскрытыми втулками, найденные на Сухум-

90 *Картлис ცხოველა*, т. 4, с. 744.

ской горе(91) и в Новом Афоне(92). Если афонский материал относится к более позднему времени, т. е. к раннему средневековью, то сухумский материал датируется античной эпохой. Таким образом, названные садоводческие орудия бытовали непрерывно более полутора тысяч лет.

К сельскохозяйственным орудиям относятся цалды (своеобразные клювовидные топоры). На Сухумской горе были найдены цалды двух типов: а) цалды с круглым обухом, оканчивающиеся четырехугольным молотком, и б) цалды с широко раскрытой втулкой для насадки на топорище, крупного размера. По мнению А. Н. Каландадзе, «эти орудия могли широко применяться в Колхиде как в подсечном земледелии, так и для подрезки виноградной лозы, растущей на деревьях»(93). Эти же цалды имеют бронзовые праобразы конца II и начала I тысячелетия до н. э.(94). Цалды с коротким клювом и в настоящее время находятся в употреблении в качестве инструмента для срезания виноградной лозы и веток деревьев, на которых она растет. Цалды используются также для корчевки леса. «Видно, что цалды, наряду с топором и мотыгой, выступают как специфическое орудие, происхождение и развитие которого диктовалось локальными условиями сельского хозяйства колхозов»(95), в том числе и абхазов.

Названные цалды относятся к раннеантичной эпохе. В раннем средневековье они не прекращают свое существование. Об этом свидетельствуют цалды анакопийских

раскопок. Там было найдено три железных предмета цалдовидной формы(96), из них два имеют разрезные втулки, точно такие же, как цалды из Сухумской горы. Таким образом, эти орудия непрерывно бытовали с раннеантичной эпохи до наших дней. Такая бытовая продолжительность названных сельскохозяйственных орудий указывает на непрерывное выращивание винограда. Исследуя мотыги, цалды и серповидные орудия, М. М. Трапши писал: «Таковы известные нам материалы по сельскохозяйственным орудиям, применявшимся в

91 Каландадзе А. Н. Указ. соч., с. 83.

92 Трапши М. М. Археологические раскопки в Анакопии, с. 278.

93 Каландадзе А. Н. Указ. соч., с. 83.

94 Там же.

95 Там же.

96 Трапши М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. — В кн.: Византийский временник, т. 19. — М., 1961, с. 277.

58

Диоскурии. Они в сущности не обличались от почти аналогичных инструментов, употреблявшихся местным населением еще до греческой колонизации Колхида. Такие орудия традиционно сохранились у абхазов почти до современности»(97). О значении виноградарства и виноделия в Абхазии свидетельствуют памятники материальной культуры, в частности, амфоры. Исследователи единогласно признают, что амфоры были предназначены для перевозки жидкостей, в том числе и вина. В большом количестве были найдены амфоры в Пицунде, они датируются III—IV вв. н. э.(98). Амфоры были выявлены на территории Сухумской крепости(99) и санатория «Сухуми»(100), в селах Цебельде(101) и Октомбери(102). Большая группа амфор VI в. была выявлена во время реставрационных работ в Драндском соборе(1030 и Цандрипшской базилике(104). Амфоры VIII—IX вв. были выявлены в Анакопии(1050). Таким образом, в Абхазии хорошо представлены материалы, говорящие об уровне виноградарства и виноделия. О том же говорит и археологический материал Сухумской бухты. Там во время археологических раскопок в слое III—II вв. до н. э. были найдены виноградные косточки, которые, по определению профессора М. Рамишвили, «принадлежат древнейшему местному сорту винограда — качич»(106). Этот сорт винограда в Абхазии сохранился до наших дней. О широком употреблении вина в Колхиде имеются и письменные свидетельства. Так, например, греческий автор Евнапий (IV—V вв.) писал: «Сувермахий: это был начальник телохранителей, более всех других вер-

97 Трапши М. М. Труды, т. 2, с. 233.

98 Гамбашидзе О. С. Указ. соч., с. 94—95.

99 Анакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии—Себаотополиса. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 33—34. — Сухуми, 1953, с. 219.

100 Гунба М. М. Отчет о раскопках на территории санатория «Сухуми» МВО. — В кн.: Материалы по археологии Абхазии. — Тбилиси, 1979, с. 76.

101 Трапши М. М. Труды, т. 3, с. 135.

102 Бердзенишвили К. Позднеантичная керамика из Цебельды. — В кн.: МАГК, т. 2, с. 103.

103 Хранятся в Абхазском госмузее.

104 Хрушкова Л. Г. Отчет о раскопках Цандрипшского храма (рукопись).

105 Трапиши М. М. Археологические раскопки в Анакопии. — В кн.: Византийский временник, 19, с. 276.

106 Анакидзе А. М. Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 222.

59

ный евнуху Евтропию. Он пил вина больше, нежели мог вместить. Выпив или не выпив, он всегда был пьян, но умел скрывать свое опьянение: хотя и ходил шатаясь, но усиливаясь на ногах. Он был царского рода, настоящий колх из живущих выше Фасида»(107).

О производстве вина у колхов есть сообщения у более позднего автора — Прокопия Кесарийского, который о Мохирисе писал: «Из всех земель Колхида эта самая лучшая. Тут выделяется вино и растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазике»(108). Из других сообщений Прокопия Кесарийского видно, что северная часть Колхида была более плодородной и густо населенной. Видимо, в Абхазии для винограда были более благоприятные условия.

1.4. Ремесло

Население Абхазии с древнейших времен занималось ремесленным производством, которое свое начало берет с эпохи палеолита; продукция ремесленного производства эпохи бронзы представлена в большом ассортименте. Ремесло развивалось и в античное время. В эту эпоху на территории Абхазии появляется новая культура, которая была связана с греческой колонизацией Восточного Причерноморья. Наиболее ранние греческие поселения на территории Абхазии обнаружены в с. Н. Эшера Сухумского района Г. К. Шамба(109). Подобные поселения были выявлены в г. Сухуми, в Очамчире, на юго-западной окраине села Кочара Очамчирского района. Особенно заметной становится эпоха эллинизма. С первого века н. э. Абхазия была захвачена римлянами, которых затем сменили византийцы. Таким образом, весь античный период характеризуется влиянием греко-римской культуры. Оно проявляется не только в прибрежной, но и в нагорной части Абхазии. Импортная керамика и украшения были выявлены в горном месте Шубара Сухумского района , в Цебельде,

107 Латышев В. В. Указ. соч., Греческие писатели, вып. 3, с. 731.

108 Прокопий из Кесарии, Указ. соч., с. 423.

109 Шамба Г. К. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми. — В кн.: Краткие сообщения, 174. — М., 1983, с. 33—37.

110 Шамба Г. К. Греческий элемент в культуре населения нагорной Абхазии в эллинистическое время. — В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм Причерноморья». — Цхалтубо, 1982. Тезисы докладов и сообщения, Мецинереба, с. 102.

в Пицунде. Местная керамика Цебельды по форме часто находит аналогии среди импортной краснолаковой керамики.

Ремесленное производство Абхазии в период поздней античности и раннего средневековья было разнообразным. Ремесленники производили керамическую продукцию, обрабатывали металл, изготавливали украшения.

Одним из самых массовых видов ремесла является керамическое производство.

Ассортимент керамических изделий был разнообразным: пифосы, кувшины разной формы и объема, амфоры, корчаги, кружки, миски, тарелки, вазы и др.

Среди тарной посуды важное место занимали пифосы. В них хранили зерно, воду, вино, мясо и др. Только из позднеантичной Цебельды имеется около ста пифосов, составляющих, в основном, два типа: 1) с воронко-образно расширяющимися кверху туловом и 2) с туловом, близким к яйцевидной форме с узким массивным дном(111).

Аналогичные пифосы были выявлены и на территории Сухумской крепости(112).

Необходимо отметить, что сухумские и цебельдинские пифосы по внешнему оформлению и по фактуре обнаруживают много общего, что позволяет считать их продукцией одной мастерской. К сожалению, в Цебельде пока не обнаружен центр керамического производства, но в Сухуми М. М. Трапиш выявил гончарную печь, которая датируется концом IV века нашей эры(113).

Вполне возможно, что здесь изготавливали вышеописанные пифосы, которые также датируются IV—V вв. О сухумских пифосах М. М. Трапиш писал: «Подобная керамика характерна для культуры цебельдинских некрополей III—V вв. нашей эры»(114).

В период раннего средневековья, видимо, существовали специальные поселения гончаров, которые производили в основном пифосы. Такое поселение было в селе Атара Очамчирского района, где выявлено большое количество гончарных печей, в которых обжигались в

111 Трапиш М. М. Труды, т. 3, с. 131.

112 Там же, т. 2, с. 334.

113 Трапиш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 33—34, с. 250—251.

114 Трапиш М. М. Труды, т. 2, с. 328.

основном пифосы. Вся продукция этих печей относится к винодельческому хозяйству. Пифосы были украшены разнообразным орнаментом. Продукция этого гончарного центра распространялась по всей Абхазии. Так, например, в с. Ачандара Гудаутского района найден пифос, имеющий полную аналогию с атарскими пифосами по фактуре, по форме и цвету обжига.

Большое количество гончарных печей, обжигающих пифосы, указывает, в частности, на развитие виноградарства и виноделия. Об этом же говорят и амфоры, встречающиеся во всех уголках Абхазии и датируемые античным и ранним средневековьем. Амфоры остrodонные, двуручные, часть из них имеет узкий перехват турова, узкое короткое горло. Они использовались для перевозки

жидкостей: вина, меда, масла и т. д.

В селе Цебельда и его окрестностях, притом только в погребениях, было найдено около 80 экземпляров(115). Амфоры позднеантичной эпохи представлены также в Сухуми(116) и Пицунде(117). К более позднему времени относятся разнотипные амфоры, найденные в большом количестве в Драндском храме во время реставрационных работ. Амфоры встречаются как в погребениях, так и в поселениях, что указывает на их хозяйственное и ритуальное значение.

На территории Себастополиса и Питиунта было выявлено множество фрагментов привозных амфор, «что является еще одним (наряду с монетами) свидетельством оживленных связей населения северо-восточного Причерноморья с южно-понтийскими центрами»(118). Не исключено, что и местные амфоры служили тарой для экспортируемого товара.

Кувшины представлены двумя группами: двуручными и одноручными. Первые употреблялись, по-видимому, для хранения сыпучих предметов, а вторые — для жидкого вещества.

Двуручные кувшины сравнительно больших размеров встречаются как среди погребальных комплексов, так и в культурных слоях. Небольшие одноручные кувшины встречаются в погребальных комплексах по два-

115 Трапиш М. М. Труды, т. 3, с. 135; Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии, с. 25—26.

116 Трапиш М. М. Труды, т. 2, с. 325.

117 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 219.

118 Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Бичвинта. — В кн.: МАГК, т. 3, с. 72, 78, 79.

три экземпляра, что указывает на массовый характер их производства. Одноручные кувшины встречаются повсеместно. В основном форма этих кувшинов, сохранилась до наших дней. Почти для всех кувшинов вышеописанных типов характерными являются украшения в виде налепных бараньих и козлиных головок, налепных очкообразных изображений, штампованных ромбовидных знаков, крестообразно расположенных кружочеков, прямых и волнообразных полосок, крестообразных штампованных знаков, зигзагообразных полосок с кружочками.

В большом количестве изготавлялась самая разнообразная кухонная посуда: горшки, кружки, миски, тарелки. Местное население пользовалось краснолаковой посудой.

Привозная керамика в виде амфор и краснолаковых тарелок встречалась на территории крепости Зигана Очамчирского района, в Цебельде, Атаре, Лате, Сухуми, Пицунде. В селах Цебельда и Атара краснолаковая керамика была найдена в составе погребального инвентаря, а в Сухуми(119) и Пицунде — в культурных слоях.

Краснолаковая керамика III—IV вв., зафиксированная в Пицунде и ее окрестностях, изготовлена в основном на месте. К. И. Бердзенишвили считает, что часть краснолаковой керамики из Пицунды, по составу глины и характеру украшения могла быть изготовлена в Сухуми или его окрестностях(120). «Вопрос о производственном центре краснолаковой керамики, найденной в Пицунде, является чрезвычайно сложным и большей частью не поддается определению. Объясняется это, по-

видимому, тем обстоятельством, что основные и известные малоазийские центры производства краснолаковой керамики к концу II и III вв. приходят в упадок. Вместе с тем, краснолаковая керамика III в. и особенно IV—V вв., которая в большом количестве найдена в Пицунде, а также в Северном Причерноморье, резко отличается как по своим формам, так и по качеству «лака» и характеру глины от известных нам изделий малоазийских центров первых веков н. э. Следует отметить, что несмотря на несомненное сходство основных типов IV-V вв. из Пицунды с керамикой из районов

119 Трапиш М. М. *Труды*, т. 2, с. 324; Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 220.

120 Бердзенишвили К. И. К изучению "краснолаковой" керамики Бичвинты. — В кн.: МАГК, т. 3, с. 123.

63

Северного Причерноморья, наблюдается и существенная разница в характере глины. Что также несомненно указывает на возникновение в позднеантичную эпоху ряда новых производственных центров краснолаковой керамики»(121).

В разных пунктах Абхазии в большом количестве встречается глазурованная керамика. Особенно важный материал был выявлен на территории города Сухуми в 1974 году и в селе Царче Гальского района в 1976 году(122). Глазурованная керамика была обнаружена на территории замка Баграта (в Сухуми) и на гумистинском поселении. Однако центр этого керамического производства не установлен.

Предположение о том, что город Сухуми имел свое керамическое производство, пока не обосновано, к тому же выявленный материал не датирован достоверно.

Как видим, керамическое производство в Абхазии позднеантичной эпохи и раннего средневековья было очень разнообразным и богатым.

Важнейшей отраслью народного хозяйства Абхазии была обработка металла. Составной частью ее было изготовление топоров как орудий труда. В Абхазии позднеантичной и раннесредневековой эпох встречаются топоры двух типов: топоры-молотки удлиненной пропорции, с четырехгранной молоточной частью обуха, с незначительным расширением лопасти и с овальной проушиной и топоры со слегка вытянутой лобной частью и дуговидной, свисающей лопастью лезвия.

Отметим, что топоры второго типа продолжают бытовать до XX века, тогда как топоры первого типа прекращают свое существование в позднеантичное время.

Топоры первого типа разнообразны по величине: одни очень маленькие, а другие довольно массивны и большие. Маленькие топоры могли быть боевыми, в то же время не теряя своего хозяйственного значения. Топоры второго типа, которые мы условно называем щебельдинскими, также встречаются очень большие и ма-

121 Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды. — В кн.: Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР, т. 1. — Тбилиси, 1962, с. 254.

122 Гунба М. М. Новые материалы по археологии средневекового Сухуми. — В кн.: Материалы по археологии Абхазии. — Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 78—81.

123 Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV вв.). — Сухуми, 1977, с. 23-35.

ленькие, легкие. Большие топоры в качестве военного оружия непригодны. В первую очередь их использовали для обработки леса.

Железные топоры обоих типов встречаются как в нагорной части Абхазии(124), так и в прибрежных районах(125). Производство их было массовым. Только в с. Цебельда и его окрестностях было выявлено около 80 экземпляров.

Важное место в ремесленном производстве позднеантичной и раннесредневековой Абхазии отводилось изготовлению боевого оружия. Вся эта эпоха для края была эпохой борьбы против иноземных захватчиков. В этот период мужское население Абхазии было вооружено копьями, мечами, топорами, стрелами, щитами. Об этом ярко свидетельствует археологический материал, добытый как в прибрежных(126), так и предгорных районах Абхазии(127).

Особенно в большом количестве встречаются железные наконечники копий. Они были в массовом употреблении и до нашей эры. Об этом свидетельствуют материалы из раскопок на горе Гуадиуху и в районе Красного Маяка в Сухуми(129). Иногда в одном погребении встречается по пять-шесть железных наконечников копий.

Железные наконечники копий первого тысячелетия нашей эры разнообразны по форме. Нами установлено пять типов наконечников копий(130). I тип — с пером овальной формы, с резко выступающими боковыми ребрами, доходящими до конца пера. II тип — с пером выкинутой либообразной формы, с резко выступающими короткими боковыми ребрами. III тип — с пером ромбовидного сечения. IV тип — с пером квадратного сечения. Эти наконечники имеют разные втулки: более ранние наконечники имеют разрезные втулки, а более поздние — целые. Некоторые наконечники имеют круглые втулки, а другие — граненые. Это обстоятельство указывает на преемственность в традиции выработки форм

124 Шамба Г. К. Ахачарху... с. 43; Трапш М. М. Труды, т. 3, с. 147.

125 Там же, с. 43.

126 Трапш М. М. Труды, т. 2, с. 243—255.

127 Там же, т. 3, с. 345.

128 Там же, т. 2, с. 20, 21, 26 и др.

129 Там же, с. 242, 247, 249 и др.

130 Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры, с. 80-82.

втулки. Об этом свидетельствуют Красномаякские наконечники копий, относящиеся к VIII—VI вв. до н. э.

Самым крупным оружием являлись мечи с длинными черенками, которые представлены четырьмя типами. К ним относятся мечи двулезвийные, длинные, с острым концом. Аналогичные мечи датируются II—IV вв. н. э. М. М. Трапш допускал возможность местного развития цебельдинских мечей, поскольку они по форме клинка и другим деталям обнаруживают сходство с мечами, найденными при раскопках некрополей в Сухуми в 1951 — 1953 гг. Этот тип имеет разновидность. Как видно, все ранние мечи были двулезвийными, позже появляются однолезвийные.

Были и промежуточны формы. К ним, например, относится анухвский меч, которого приблизительно на 25 см от рукояти клинок однолезвийный со спинкой толщиной 0,4—0,5 см; остальная же часть двулезвийная. Ко второму типу относятся однолезвийные короткие мечи. К следующему типу относятся двулезвийные мечи с кольцеобразным навершием и брусковидным перекрестьем.

Развитие металлургии в Абхазии указанной эпохи происходило на основе усовершенствования местных традиций, свидетельством чего являются:

1. Разнотипные железные втульчатые наконечники, близкие ранним железным и бронзовым орудиям, хорошо представленным в погребениях сухумских некрополей и других могильников Абхазии VIII—II вв. до н. э;
2. Круглопроволочные бронзовые фибулы, по форме дужек и некоторым другим деталям имеющие аналогию с ранними колхидско-кобанскими бронзовыми фибулами.
3. Тонкопроволочные спиральные очкообразные подвески, имеющие широкое распространение в Западном Закавказье в эпоху поздней бронзы и раннего железа.
4. Витые круглопроволочные бронзовые шейные гривны — замечательные вещественные источники, указывающие на генетическую связь памятников Цебельды с предшествовавшими им памятниками колхидской и кобанской культуры.
5. Некоторые круглопроволочные бронзовые браслеты с разомкнутыми концами близки к бронзовым браслетам, которые на территории Абхазии появляются в VIII—VII вв. до н. э.

131 Трапиш М. М. Труды, т. 2, с. 184—185.

132 Там же, с. 146.

66

6. Определенная часть цебельдинской керамической посуды, в частности, горшки и некоторые другие сосуды, по своему происхождению связана с ранней подобной керамикой, представленной в могильниках Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

7. Многие фрагментарные мотивы погребального инвентаря цебельдинских некрополей, как, например, рельефные очкообразные и витые шнуровидные изображения, спиральные завитки, налепные бараньи и козлиные головки, врезанные волнообразные линии, елочные дорожки, ромбики и другие поражают своим совпадением с подобными видами орнаментации на многочисленных колхидско-кобанских вещевых находках(133).

Вышеперечисленные виды боевого оружия изготавливались местными кузнецами-ремесленниками. Это подтверждается своеобразием типов оружия. Кузнецы изготавливали наконечники копий с перьями лавролистной формы, ромбовидного, квадратного и круглого сечения и с цельными, разрезными и гранеными втулками. Обнаружены умбоны от щитов конусообразной формы. В числе их найден бронзовый умбон с позолотой. Следует отметить, что все железные предметы — боевое оружие и хозяйствственные орудия были изготовлены путем ковки.

Одной из отраслей металлообработки является изготовление предметов конского убора (удила с псалиями, пряжки, кольца, бляхи и т. д.). Отливали также бронзовые колокольчики для подвешивания на шее животных. Возможно, что они имели и

апотропейное значение. Один из них найден в погребении всадника с конем. Встречается также множество бубенчиков, сделанных из бронзового листа. Важное место в хозяйственной деятельности абхазов занимало изготовление предметов украшения. Местными мастерами-ювелирами изготавливались украшения бронзы, железа, янтаря, хрусталя и т. д. Все они в большом количестве представлены в Абхазии первого тысячелетия нашей эры. Распространенным видом украшения были фибулы. Об их местном расхождении свидетельствует сама форма фибул. Встречаются фибулы типа черняховской культуры. Местные мастера изготавливали и из железа, серебра и брон-

133 Трапиш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг.
— В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 33-34, с. 275.

67

зы. Последние преобладают. В большинстве своем фибулы из Абхазии являются развитием местных фибул эпохи бронзы.

В ювелирном производстве значительное место занимало изготовление серег. Наряду с привозными, выявлен особый тип серег в виде овальных или дугообразных колец с петлей и крюковидной застежкой, относящийся к местному производству. «Одна из сторон каждого кольца пластинчатая. Серьги эти украшены вставками из односторонне выпуклых, хорошо отполированных сердоликовых камней, или разноцветных стекол в серебряных орнаментированных оправах, припаянных к пластинчатой части кольца, а также снабжены подвесками из псевдошнуровых двойных проволочных жгутиков с вильчатыми концами, держащими из листовой серебра предмет биконической формы»(134). «Серьги рассматриваемого типа отличаются от синхронных серег, известных из других районов Кавказа и на Северном Причерноморье»(135). Эти оригинальные и, пожалуй, наиболее характерные женские украшения цебельдинских некрополей являются одним из основных отличительных элементов цебельдинской культуры(136).

Абхазские ремесленники изготавливали браслеты из золота, серебра, бронзы и железа. Найден только один золотой браслет в погребении № 35 некрополя Абгыдзраху в с. Цебельда. Сравнительно реже встречают железные браслеты. Основная масса их изготовлена из бронзы и серебра. Они разнообразны по форме: круглопроволочные с разомкнутыми уплощенными концами, браслеты с концами, снабженными застежкой в виде петли и крючка, и с прямым срезом.

Среди предметов личного убора самыми массовым являются фибулы. На территории Абхазии их изготавливали из серебра, бронзы и железа. Больше всех были распространены бронзовые фибулы. Следует отметить, что серебряные фибулы, не так уж редко встречались. В одном погребении (№62 некрополя Абгадзраху) обнаружено три серебряных фибулы и 13 бронзовых.

Фибулы представлены шестью типами. Они встречаются почти во всех женских погребениях. Ими пользовались и мужчины. Иногда в мужских погребениях

134 Трапиш М. М. Труды, т. 3, с. 193—194.

135 Там же.

136 Там же, с. 195.

встречаются бронзовые и серебряные фибулы больших размеров (длиной до 10—12 см).

Массовой продукцией ремесленного производства являются пряжки. Их основная масса сделана из серебра и бронзы. По форме и размерам разнообразны: круглые, овальные, четырехугольные. Часто они бывают с красиво орнаментированной металлической обоймой. Язычки пряжек имели вид звериных головок. Они употреблялись в качестве поясных пряжек. Самые большие пряжки имеют диаметр до 3—4 см, а самые маленькие — 1 см.

Ремесленники также изготавливали предметы конского убора.

В большом разнообразии представлены бытовые предметы: ножи, ножницы, вилы и др.

В погребениях часто встречаются перстни, височные спиральные кольца, спирально витые пронизи, оригинальные серьги из серебра и золота, кулоны из золота, копоушки, зубочистки из бронзы и др.

К местному производству относятся и хрустальные бусы(137).

* * *

Приведенный материал свидетельствует о том, что в Абхазии позднеантичной эпохи и раннего средневековья, помимо ремесленного производства, интенсивно развивались земледелие и животноводство, что впоследствии послужило основой дальнейшего укрепления Абхазии в экономическом и политическом отношениях. Об этом свидетельствуют консолидация абхазских племен, которая завершилась в начале VIII в. н. э., а затем и расширение Абхазского царства. Усиление экономики Абхазии отразилось и на дальнейшем ходе истории, а именно — объединение Абхазии и Грузии произошло на почве Абхазского царства(138).

В первом тысячелетии нашей эры развивается городская жизнь, о чем свидетельствует археологический материал. Так, например, значительная часть монет и импортных сосудов, найденных на территории Себасто-

137 Гунба М. М. *Новые памятники...*, с. 96.

138 Меликишвили Г. А. *Политическое объединение феодальной Грузии...*, с. 133—135; Гунба М. М. *Кумурдская надпись и некоторые вопросы истории Абхазии*. — В кн.: Алашара, № 10, Сухуми. Алашара, 1968, с. 95.

полиса, относится к рубежу II—III вв. н. э. «К этому времени Себастополис уже стал крупным, богатым в экономическом отношении торгово-ремесленным городом. Экономический уровень развития Себастополиса был высоким и в IV в. н. э., на что указывают значительные культурные отложения и находки монет этого времени. От Себастополиса шли торговые пути в глубь современной Абхазии. Об этом говорят, прежде всего, богатейшие материалы (стеклянные изделия, римские монеты и др.), раскопанные за последние годы в Цебельде, являющейся в I—V вв. н. э. одним из

район исторической Абхазии»(139).

О возрождении городской жизни свидетельствует материал, раскопанный А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе в окрестностях Сухумской крепости. III слой, представленный жилым комплексом, относится к периоду оживления городской жизни на территории древней Диоскурии. II слой, датированный II—III вв. н. э. совпадает с периодом нового расцвета городской жизни. Город вновь становится крупным центром ремесленного (особенно керамического) производства, устанавливаются новые торгово-экономические связи с античными центрами, особенно с городами Южного и Северного Причерноморья. Первый, самый верхний, культурный слой, датированный IV—V вв. н. э., дал материал, свидетельствующий об интенсивной экономической жизни в городах северо-восточного Причерноморья»(140).

Вся римская эпоха для Пицунды являлась расцветом городской жизни. Об этом свидетельствует археологический материал, раскопанный членами Черноморской экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР(141).

Подытоживая вышеприведенный материал, можно заключить, что в позднеантичную эпоху и раннем средневековье экономика Абхазии находилась на подъеме.

139 Трапш М. М. Труды, т. 3, с. 362.

140 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 217.

141 Великий Питиунт, т. 1. — Тбилиси: Мецниереба, 1975; Великий Питиунт, т. 2. — Тбилиси: Мецниереба, 1977; Великий Питиунт, т. 3. — Тбилиси: Мецниереба, 1978.

1.5. Строительное дело

О состоянии строительного дела в Абхазии в рассматриваемую эпоху не существует письменных источников. Единственное сообщение по интересующему нас вопросу принадлежит Прокопию Кесарийскому и касается исключительно благоустройства города Севастополиса, однако в нем, к сожалению, нет конкретных сведений ни о строительной технике, ни о строительном материале. Отсюда рассмотрение вопроса возможно только на основе археологического материала.

На современной территории Абхазии очень много древних капитальных сооружений, среди которых крепости, жилые и хозяйствственные помещения, культовые здания, однако изучена лишь незначительная часть их.

Совместной экспедицией сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили и Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР изучался город Севастополис. Объектом изучения были и Сухумская крепость, построенная римлянами в начале II в. н. э. и ее окрестности. Выявленный археологический материал очень скучен, относится к западной части города. Почва в этой части влажная и мягкая, в связи с чем строителям пришлось уплотнить грунт с помощью деревянных свай. М. М. Трапш писал: «Расчистка древней приморской стены (рис. 1, 7) показала также, что основание ее залегает на сваях 1,5—2-метровой длины, над которыми местами положен бетон из крепкого известнякового раствора с гравием, песком и толченым кирпичем. Благодаря таким

приемам стена и по сей день стоит почти без перекоса»(142). Строители крепости полагали, что слабый грунт может быть только в приморской части, и поэтому ее укрепили. В восточных частях стены деревянные сваи отсутствовали, что отрицательно сказалось на их прочности. Так, например, «фрагменты строительных сооружений восточного укрепления, в отличие от приморской стены западного укрепления, не имеют под собой свай. В результате этого они осели и сильно перекосились в северную сторону. Предотвратить перекос не могли и пристроенные позднее вплотную к главной стене (рис.

142 Трапиши М. М. Раскопки древнего Себасгополиса..., с. 236.

71

1.4) восточного укрепления контрфорсы (рис. 1, 11–15, см. рис. 3)»(143). Приморская стена «сложена из гранитного валуна на известковом растворе с морским гравием и песком. Гранитный валун представляет из себя чрезвычайно крепкий материал, но весьма неудобный для кладки, т. к. не имеет постели. Для того, чтобы валун имел постель, в особенности в облицовочной части кладки, его подвергают гранению, отбивая у него округлые части и создавая таким образом верхнюю постель»(144). Гранитные валуны встречаются как на берегу моря, так и в устье реки Гумиста. Еще легче добывались морской гравий и песок. Строители крепостей особое внимание обращали на равномерную осадку стен, о чем свидетельствует та приморская стена Сухумской крепости. «Кладка приморской стены произведена на своеобразной основе из деревянных бревен (брусьев), так называемых «лежнях», проложенных горизонтально как вдоль, так и поперек стены. Создавались таким образом своеобразные, залитые в кладке с забутовкой, несшитые между собой огромные рамы, назначение которых заключалось в том, чтобы кладка стен дала равномерную осадку без перетяжек и без выпучин поперек их»(145). Для достижения цели эти лежни находились на расстоянии друг от друга на 2,4–2,5 м. Этот способ кладки известен с давних времен, римляне практиковали его часто. Неясно, штукатурились ли поверхности стен оборонительных сооружений. Правда, на фотографии одного фрагмента древней стены имеется штукатурка, но одного факта недостаточно.

В описанной стене прослеживаются некоторые характерные черты римско-византийской кладки. Это применение толстого слоя известкового раствора с морским гравием и толченой керамикой, а также кирпичных поясков вместе с черепицей в три ряда(146).

Среди строительных материалов Сухумской крепости определенное место занимают керамические плиты. Археологам не удалось вскрыть большую площадь, поэтому трудно судить о масштабах использования керамических плит. На фотографии, опубликованной

143 Там же, с. 239–240.

144 Трапиши М. М. Труды, т. 2, с. 299.

145 Там же, с. 300.

146 Трапиши М. М. Раскопки древнего Себастополиса..., с. 237.

М. Трапш, хорошо виден фрагмент пола, покрытый четырехугольными керамическими плитами(147).

Пол башни № 1, пристроенной к приморской стене с юго-восточной стороны, имел вымостку из гранитных валунов на известковом с морским песком растворе(148).

В растворе кладки башни № 2 прослеживался, кроме морского песка, значительный процент толченого кирпича. С целью урегулирования равномерной осадки в стенах башни № 2 использованы кирпичные прослойки в три ряда на толстом известковом растворе(149).

В качестве строительного материала использовался и песчаник. Для примера можно назвать остаток стены, прилегающий к наружной стороне северо-западного угла башни № 2. Этот фрагмент выполнен из массивных блоков песчаника с кирпичной прослойкой в три ряда. «Кирпичи сформированы из хорошо промытой и промешанной глины, с большой примесью слюды, хорошо обожженной. Все это дает им поразительную крепость»(150).

Иногда в кладке вместо кирпича встречается крупная черепица, которая по качеству не уступает кирпичу. Она имеет форму прямоугольника ($0,43 \times 0,50 \times 0,025$ м) с загнутыми по длинным сторонам под прямым углом бортиками высотой в 0,05 м. Как видно, в кладке приморской стены и башни № 1 были использованы римские строительные приемы, а в кладке башни № 2 и прилегающей к ней стены — приемы, характерные для ранневизантийского зодчества(151).

При расчистке башни № 2 на ее полу были найдены черепица и кирпич.

Выше было отмечено, что в кладке приморской стены были использованы деревянные лежни. Восточная же часть этой стены «выполнена без применения лежней, на тонком известковом растворе и является менее мощной по толщине, чем западный участок той же стены»((152)).

При раскопках Сухумской крепости были выявлены остатки жилого корпуса, стены которого были возве-

147 Там же, с. 239, рис. 3.

148 Трапш М. М. Труды, т. 2, с. 300.

149 Там же, с. 301.

150 Там же.

151 Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. — В кн.: Известия АбНО, вып. IV. — Сухуми, 1926, с. 9.

152 Трапш М. М. Труды, т. 2, с. 303.

дены из булыжника на обильном известковом растворе. Булыжник не обработан, поэтому нужно полагать, что поверхности стен были покрыты известковым раствором(153).

На территории Сухумской крепости была выявлена гончарная печь, которая была выложена из обожженного огнестойкого кирпича на глиняном растворе и одета с трех сторон в массивный булыжный кожух толщиной более одного метра. Этот факт свидетельствует о том, что в качестве строительного материала использовался,

наряду с обычным кирпичом, огнестойкий кирпич и глиняный раствор. Продольные и поперечные каналы печи были обмазаны глиняным раствором.

Таким образом, на территории древнего Себастополиса в качестве строительного материала использовались гранитные валуны, песчаники, кирпичи разного качества и формы, в том числе арочные и клиновидные, черепица, известковый раствор с морским гравием и толченым кирпичом, сырая глина, а также дерево.

Строительный материал более богато представлен на Пицундском городище. Он исследуется с 1952 года, за это время изучены сооружения разного характера: оборонительные, жилые, хозяйственные и культовые. Древние авторы называли город Великим Питиунтом. В римскую эпоху здесь были построены оборонительные сооружения. Все, что находится внутри оборонительной стены, называют городом-крепостью. Укрепленная часть Великого Питиунта состоит из двух главных частей: а) западной, представляющей собой прямоугольник площадью примерно 20 000 кв. метров, б) восточной — полукруглой крепостной стены. По мнению Апакидзе, «укрепления этих частей города-крепости сооружались не одновременно и не по единому плану(154). Более древней он считает западную часть города-крепости, принципиально сходную с римскими крепостями(155).

Важнейшие государственные, оборонительные и общественные сооружения возводились из квадров морского конгломерата, сложенных на известковом растворе-

153 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 219.

154 Апакидзе А. М. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3. — Тбилиси: Мецниереба, 1973, с. 62.

155 Там же.

ре особой прочности. «Морской конгломерат применялся так широко потому, что его месторождения находились совсем недалеко от крепости, у подножья гор, спускающихся к морю и, надо думать, были образованы в результате продолжительного процесса размыва и разрушения горных пород; выходы морского конгломерата находятся гораздо ближе, чем известное месторождение известняка в ущелье реки Бзыбь. К тому же глыбы морского конгломерата легко обрабатываются, его объемистые квадры более удобны в строительстве, сравнительно легки и легче укладываются в кладку»(156).

В Пицунде нередко встречаются тесаные известковые квадры и булыжник, но тем не менее основным строительным материалом является грубо обработанный морской конгломерат. Как известно, он очень быстро выветривается, поэтому он использовался с обильным применением прочного известкового раствора, который не только прочно связывает камни и придает стене монолитность, но также проникает в глубь конгломерата и делает его прочным(157). Из морского конгломерата были построены стены и на III участке.

Конгломерат использовался в разных местах, в связи с чем он обрабатывался по-разному. Там, где предполагалась штукатурка, камни хуже обрабатывались, а где она исключалась — лучше.

В восточной части города-крепости почти везде использован морской конгломерат, в том числе в башне № 1, а также при строительстве бани(158).

В качестве строительного материала в Пицунде использовался и рваный известняк, главным образом, при сооружении внутренних зданий западной половины города-крепости(159).

Как облицовочный материал применялся тесаный известняк(160). В постройках Пицунды использовались и обкатанные известняковые булыжники. Пример тому — базилика Ахашных в селе Алахадзы(161). Как полагает А. М. Апакидзе, одной из характерных черт исторических памятников окрестностей Гагры является стро-

156 Там же, с. 73.

157 Там же, с. 74.

158 Толордава В. IV участок Бичвинтского городища. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2. — Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 145.

159 Апакидзе А. М. Указ. соч., с. 63.

160 Там же.

161 Там же, с. 75.

75

тельный камень, который по прочности приближается к мрамору(162). Оба ахашныхских храма сложены из тесаного известняка. В облицовке большого храма на холме Ахашных был использован и песчаник(163).

Как строительный материал употреблялся и речной булыжник, особенно в фундаменте, под полом и часто в забутовке(164). В частности, это наблюдается в культовых сооружениях холма Ахашных.

Таким образом, в Пицунде основным строительным материалом являлся камень: известняк, песчаник, речной булыжник и морской конгломерат. Обильно использовался известковый раствор. Часто поверхность сооружений покрывалась штукатуркой из известкового раствора с примесью морского песка и мелкого гравия. Каменные квадры «сравнительно большого размера использованы при строительстве стен некоторых сооружений (0,8x0,64x0,20 м; 0,48x0,38x0,20 м и др.)»(165). Так, например, большие квадры использованы на III участке, в основаниях колонн храма. В Пицунде известковый раствор готовился по-разному, в зависимости от его назначения. Так, например, раствор кладки крепостных стен, храмов и крупных сооружений имеет бело-серый цвет. Серый оттенок раствор получал от примеси морского песка и мелких камешков(166). Иногда известковый раствор имеет розоватый оттенок вследствие примеси толченого кирпича или черепицы (цемянки). Растровый раствор бывает двух видов: в составе смеси в одном случае мелкоразмолотая керамика, в другом — сравнительно крупный керамический порошок, который использовался, обычно, для обмазки пола или для подсыпки под мозаику, для штукатурки бань, обмазки камер и цистерн в винодельнях(167), а также крещальных купелей в баптистериях (Цебельда, Дранда, Цандрипш), т. е. всюду, где необходимы были гидравлические свойства этого раствора(168).

162 Апакидзе А. М., Агрба З. В. Отчет о полевых исследованиях пицундской археологической экспедиции за 1970—1971 гг. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 31.

163 Там же, с. 32.

164 Там же.

165 Апакидзе А. М. Указ. соч., с. 73-74.

166 Его же. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, т. 1, с. 98.

167 Там же, с. 76.

168 Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Археологические раскопки в Цебельде в 1983 г. Доклад на итоговой сессии Абхазского института.

76

Строительная керамика (кирпич, черепица, глиняные плиты, ящики, трубы) широко использовалась при сооружении фортификационных, жилых, культовых, хозяйственных и санитарных зданий(169).

В кладке кирпич в основном квадратной и прямоугольной формы. Последний иногда называют полукирпичем, поскольку он составлял половину квадратного кирпича. Размеры — квадратный кирпич 30 x 30 x 4 см, а продолговатый — 30 x 20 x 4 см. В раскопах IV, XIII, XVIII и XIX обнаружен кирпич разной формы: клинообразный, круглый, фасонный. Встречались куски звездообразных кирпичей(170).

Кирпич, как правило, использовался в кладке стен разных сооружений. Основное его назначение было связано с выведением углов и выравниванием поверхности. В последнем случае вдоль стены укладывали один или два ряда кирпича. «Примером этого служит кладка апсиды второго храма и в южной полотне внутренней стены нартекса и в пилоне»(171). По мнению А. М. Апакидзе, кирпич в Пицунде нельзя признать характерным элементом византийской кладки, поскольку он не представляет собой характерный кирпичный пояс византийской кладки(172).

Кирпичная кладка имеется в базилике Ахашных (зап. стена), в помещении № 2 цебельдинской крепости (зап. и сев. стены). Кирпич хорошо известен из раннефеодальных памятников Пицунды. По типу кирпича устанавливается датировка некоторых памятников(173).

Кирпич (кое-где и черепица) применялся в кладке опор, арок и сводов (Пицундская двухабсидная церковь, Цебельдинская крепость, Драндский храм).

Круглые кирпичи использовались при сооружении отопительных отделений древних банных зданий — для возведения калориферных столбов и в подпольной отопительной системе общественных и государственных сооружений(174).

Изготовление круглых, овальных и т. н. фасонных кирпичей имело определенную цель.

Среди керамических изделий, предназначенных для

169 Апакидзе А. М. Образцы строительной керамики Великого Питиунта. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 246.

170 Апакидзе А. М. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде. — Великий Питиунт, т. 3, с. 100.

171 Там же.

172 Там же.

173 Апакидзе А. М., Агрба З. В. Указ. соч., с. 38.

174 Апакидзе А. М. Указ. соч., с. 236.

77

капитального строительства, были глиняные плитки. Для покрытия полов сооружений различного назначения, обнаруженных внутри города-крепости, широко использованы глиняные квадратные плиты разной величины. Полы, выложенные плитками, имеются в культовых сооружениях, жилых домах, а также в зданиях хозяйственного назначения. Так, например, полы нефов храма II строительного уровня, выявленного в третьем раскопе, оказались частично покрытыми глиняными плитками; пол северного нефа был устлан глиняными плитками на площади 24 кв. м, среднего нефа — на площади 4 кв. м, а южного нефа — 4,5 кв. м(175). Выложенные плитками полы были выявлены в IV, XVI, XIX раскопах Пицундского городища. Часть пола I храма была также выложена плитками. В одном случае мозаичный пол был покрыт керамическими плитками. А. М. Апакидзе пишет: «Трудно объяснить покрытие хорошо сохранившихся фрагментов мозаичного пола глиняными плитками в условиях, когда, как стало известно, строители II храма широко пользовались архитектурными фрагментами и строительными материалами I храма»(176).

Встречаются две разновидности плит: большие квадратные ($44,5 \times 43,4 \times 3,0$ см; $45 \times 45 \times 3$ см; $44 \times 44 \times 3,3$ см) и малые квадратные ($37 \times 35 \times 3$ см; $36,5 \times 35,5 \times 3$ см). Часть плит имела прямоугольную форму. Их укладывали вдоль стен в один ряд. Среди них также имеются две разновидности: большие и малые ($36 \times 28 \times 3$ см и $30 \times 15 \times 3$ см)(177). Эти плиты характерны для V в. н. э.

Как правило, плиты клали на известковом растворе. Помимо храмовых использовали на полу бани, в аподитерии.

В декорации сооружений применялась мозаика, прекрасные образцы которой выявлены в Пицунде как в жилых помещениях, так и в культовых сооружениях. Мозаичному полу жилых помещений, т. е. светской мозаике посвящена статья А. Чкония(178). Материал мозаики — это в основном породы естественного местного камня. «Пицундская светская мозаика в целом выполнена из разноцветных, грубо обделанных, неправиль-

175 Там же, с. 82.

176 Там же.

177 Там же, с. 84.

178 Чкония А. Фрагменты светской мозаики, обнаруженные в Пицунде в 1962 г. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 194—217.

ной формы кубиков, но встречаются также желтые и синие кубики из смальты, в частности, на фрагменте с изображением тритона»(179). Здесь же имеются изображения рыб, дельфина и геометрических фигур и узоров. Пицундская светская мозаика датируется III в. н. э.

Более богатой и сложной была мозаика культовых сооружений. В базилике, раскопанной в восточной части города-крепости, выявлен мозаичный пол, имеющий важное значение для изучения истории искусства абхазов. В числе ее изображений фонтан живой воды с птицами, ваза, рыбы и птицы, геометрический узор, гранатовые деревья, корова с теленком, олень с олененком и т. д. На мозаике имеется

также греческая надпись.

Храмовые сооружения Пицунды того времени не уступали по художественным достоинствам их убранства подобным сооружениям других крупных центров(180). Мозаичисты пользовались местным материалом. «На вероятность широкого использования местного опыта указывает, в частности, цветной камень, из которого набрана вымостка. Аналогичные по расцветке и внешнему виду кусочки его, окатанные морем в виде гальки, массами собираются на берегу... Гальки, давая полный набор, соответствующий цветам мозаики, могут служить характеристикой цветного состава месторождения»(181).

Во всех случаях мозаичные кубики закреплялись известковым раствором особой прочности, обладавшим гидравлическими свойствами. Таким же раствором были скреплены калориферные кирпичи в пицундской бане.

В качестве строительного материала в пицундской мозаике был использован мрамор. Однако до сих пор не найден ни один фрагмент в первоначальном положении *in situ*. Все фрагменты, выявленные в Пицунде, связаны с вторичным использованием, притом с кладкой(182).

Мрамор того же типа — из проконесских мастерских — использован в Цандрипшской базилике(188), в Зи-

179 Там же, с. 217.

180 Мацуевич Л. Мозаики Бичвинты — Великого Питиунта. — В кн.: Великий Питиунт, т., 3, с. 168.

181 Там же, с. 169.

182 Апакидзе А. М. Указ. соч. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 84.

183 Хрущкова Л. Г. Отчет о раскопках Цандрипшского храма.

79

гане(184), Цебельде, Герзеуле. «Привозные мраморные изделия проникали и в горную зону Апсилли»(185).

Среди строительных материалов важное место занимала черепица. Она служила кровельным перекрытием позднеантичных фортификационных, хозяйственных и культовых сооружений Питиунта(186) и Севастополиса(187).

Имеются случаи вторичного использования плоской черепицы для сооружения погребений и каналов-водопроводов. Черепица в большом количестве была использована в керамической печи, выявленной на XVI участке. Печь целиком была выложена из солен(188). Как полагают исследователи, черепица изготавлялась из более чистой и отмученной глины, чем обыкновенный кирпич. Она изготавлялась в специальных формах плоскими приподнятыми бортиками.

На территории Абхазии выявлены два вида черепицы: солены и калиптеры. Длина плоских черепиц 40-45 см, ширина 20—30 см, высота бортика 5 см.

Реже встречается желобчатая черепица. Вся черепица относится к местному керамическому производству.

Специфической разновидностью строительного материала являются керамические ящики, выявленные в кладке стен храмов в Алахадзы. Ящики заполнялись известковым раствором. Их размеры различны: 70 x 50 x 32 см и 40 x 30 x 35 см.

В кладке стены встречаются как керамические ящики, так и пифосы, хотя последние

не заполнялись каким-либо раствором.

В Пицунде были выявлены, хотя и в незначительном количестве, водопроводные и канализационные керамические трубы.

184 Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V-X вв. — Тбилиси: Мецниереба, 1980, с. 18; Замтарадзе М. Гудавская археологическая находка. — В кн.: Вестник государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа, XXIV. — Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 66.

185 Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии, с. 18.

186 Анакидзе А. М. Указ. соч. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 79.

187 Гунба М. М. Отчет о раскопках на территории Сухумской крепости в 1980-1981 гг.(рукопись). 188 Анакидзе А. М. Указ. соч., с. 80.

80

Глава 2. Формирование христианской идеологии

• 2.1. Проникновение христианства	81
• 2.2. Утверждение христианства	86

2.1. Проникновение христианства

Христианство, которое появилось как идеология угнетенных масс, содержало в своем учении много положений, отражавших чаяния людей. Со II в., с переходом управления христианской общиной в руки представителей состоятельных кругов, христианская идеология претерпевает глубокие изменения, превращаясь в религию господствующих классов(1). Однако эта идеология продолжает иметь огромное влияние: «Широкие круги приверженцев христианства ожидали от божества помощи в земной жизни и утешались верой, что в загробном мире будет осуществлена высшая справедливость»(2). Именно эта вера в потусторонний мир и его блага способствовала популярности христианства среди широких масс.

Первыми распространителями христианства в Абхазии были проповедники-апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит. Епифан Кипрский, у которого сохранились сведения Епифана Константинопольского, сообщает, что Андрей Первозванный просветил иберов, пустинцев и других(3). Далее говорится о том, что Симон и Андрей поехали в Аланию и в город Пуста (Апышета). Просветив многих, они затем направились в Абазгию и проповедовали в Севастополисе(4). Андрей оставил там Симона и со своими учениками отправился в Зихию.

Эти же сведения полностью повторяются у автора XIII—XIV вв. Никифора Ксантоуполоса(5).

1 История Византии, т. 1. — М., Наука, 1967, с. 144.

2 Там же.

3 Георгика, т. IV, ч. 1. — Тбилиси, 1941, с. 58.

4 Там же, с. 58—59.

5 Георгиа, т. 7. — Тбилиси, 1967, с. 115.

Все упомянутые в этих сведениях места: Пуста, Себастополис, Абазгия и Зихия находятся на территории исторической Абхазии. Пуста в исторических источниках известна как город, расположенный восточнее Цебельды в нынешнем Гульрипшском районе. Там выявлен могильник, указывающий на существование поселения городского типа во II—VI вв. н. э. Что касается Себастополя, то это современный Сухуми. Абазгия же занимала современную территорию Гудаутского района и Гагрской зоны; зихи локализовались на территории Адлерского и Сочинского районов.

Таким образом, христианская религия распространялась на всей территории Абхазии. Об этом пишут и более ранние авторы. Например, Евсевий Кесарийский (III—IV вв.) сообщает о деятельности Андрея в Абхазии(6).

Бытует легенда о том, что Симон Кананит скончался в Абазгии, точнее, в городе Никопсии. По другим устным данным, он скончался в Новом Афоне, где сооружена церковь, которую называют его именем.

Анализируя письменные источники, К. Кудрявцев писал: «По преданиям византийской церкви, абхазы были одним из первых, если не первым, народом на Кавказе, услышавшим и начавшим принимать христианское вероучение»(7).

Одна из рукописей приписывает крещение армян грузин, абхазов и аланс святому Григорию, просветителю Армении начала IV века (303 г.). В ее арабском варианте говорится: «...иного (священника) он (Григорий Просветитель) отправил в Грузию, иного в страну абхазов и иного к аланам. И когда исполнилось тридцать дней, и клир был в сборе у него, то он взял весь народ и повел к реке Евфрату около царского города, называемого Багаваном: число их было триста семьдесят тысяч. Царь Тирдат (армянский царь), царь абхазов, царь грузин, царь аланс и все князья и главы народов и племен и все их подвластные, множество слуг, мужчины, женщины и дети»(8).

Надо полагать, что христианская идеология среди простолюдин распространялась сравнительно легко. Что касается ее распространения среди господствующих

6 Георгиа, т. 1, с. 30.

7 Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. — 1922, с. 68.

8 Записки Восточного отделения Исторического Русского Археологического Общества, т. XVI, 1905, с. 63—211.

слоев населения, то там проявлялись определенные сложности.

Крещение царя абхазов в начале IV в. указывает на признание христианства как официальной религии, как религии господствующего класса.

По инициативе правительства Рима, в 325 г. был созван в г. Никуе Вселенский собор. В списке участников собора упоминается имя епископа Пицундской кафедры Стратофила. Этот список сохранился на шести языках: греческом, латинском,

сирийском, арабском, армянском и коптском(9). Созыв всемирного собора церковников означал признание христианства в качестве государственной религии. На этом соборе присутствовали представители всего христианского мира того времени, в том числе и Абхазии.

В научной литературе идет спор о том, кого представлял Стратофил в 325 году в Никее. Существует два мнения: одни утверждают, что Стратофил был представителем только греческого населения Питиунта, а другие — всего населения края.

Питиунт еще с первых веков нашей эры, не переставая быть греческим укрепленным городом, становится экономическим и культурным центром Абхазии. То, что представитель Питиунта носил греческое имя (Стратофил), вовсе не означает, что он представлял только греческое население города. Или, например, акад. К. Кекелидзе в статье «У истоков христианства Иберии» (на груз.) пытается доказать, что появление церковной кафедры в Пицунде было вызвано религиозными нуждами только греческого населения города(10).

С. Г. Каухчишили совершенно справедливо отмечает несостоенность взглядов К. Кекелидзе. Сам факт, что представитель значительного и знаменитого центра Абхазии Питиунта присутствовал в Никее, по его мнению, говорит о наличии в Абазгии сильной христианской организации.

На Никейском соборе был и представитель Трапезунта Домне, после которого в списках участников упоминается Стратофил Питиунтский, что указывает на их равноправие и равнозначность.

Нельзя обойти и тот факт, что христианская идеология со временем возникновения получила широкое распространение особенно на востоке, в частности и в Аб-

9 Георгиа, т. 1, с. 2—4.

10 Кекелидзе К. Этюды из истории древнегрузинской литературы, т. 3. — Тбилиси, 1955, с. 16—22.

хазии. В IV веке, становясь идеологией господствующего класса, религия не могла замкнуться в стенах Питиунта — римского города-крепости, поскольку само правительство Римской империи было заинтересовано в ее распространении среди местного населения. Кроме того, христианская церковь нуждалась в увеличении численности верующих, т. к. церковная казна в значительной степени пополнялась приношениями прихожан. Уж хотя бы потому утверждение об ограниченности христиан Абазгии только греческим населением города Питиунта не соответствует действительности.

Наличие церковной кафедры в Питиунте именно в IV веке подкрепляется археологическим материалом.

В 1958 году на III участке археологических раскопок в Пицунде были выявлены остатки храма с мозаичным полом, которые считаются резиденцией Стратофила(11). Памятник, на основе археологического материала, датируется IV в. н. э. В середине IV в. в городе Питиунте были большие разрушения, которым был подвергнут и вышеупомянутый храм. Однако вскоре на месте старого был построен новый храм с использованием мозаики старого храма. Новый храм, как утверждает Р. Рамишвили,

по величине не уступал старому, но по внешнему виду он был намного хуже. О древних храмах Питиунта особое соображение имеется у А. М. Апакидзе. По его мнению, древнейший храм не был огражден стеной и потому он с южной стороны имел дверной проем. Однако позже была построена стена, которая вплотную подходила к храму, и его южная дверь потеряла смысл, вследствие чего она была заложена. А. М. Апакидзе этот строительный период связывает с событиями второй половины III в.(12).

Таким образом, устанавливается наличие храма в Питиунте еще с первой половины III в. н. э. Этот факт говорит о том, что к концу III—началу IV в. христианство вполне созрело для того, чтобы стать господствующей религией, и в социальном, и в моральном плане соответствующей интересам имущих классов, и более того, представляло идеологию, выходящую даже за пределы Римской империи(13).

11 Рамишвили Р. Археологические раскопки в Бичвинта. – В кн.: МАГК, т. IV, с. 120.

12 Апакидзе А. М. Полевые исследования Пицундской археологической экспедиции 1973 г. – В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 78.

13 История Византии, т. 1, с. 146.

84

Если первоначально были отдельные христианские общины, то позже они стали подчиняться епископам. Юридическое положение церкви способствовало обогащению епископов. Поскольку в условиях господства римского права христианская община не обладала правами юридического лица, все имущественные сделки церкви велись епископом от его собственного имени. Епископы избирались из весьма состоятельных влиятельных лиц, т. е. церковь находилась в руках эксплуататорской прослойки. Таким образом, руководимая епископом (богатым) церковь выступает против религиозного мировоззрения рабовладельческого общества(14). Уже на рубеже III—IV вв. епископы становятся собственниками крупных богатств и фактически представляют городскую знать.

Монахи путем уничтожения языческих храмов, захвата храмовых земель, подчинения населения этих земель, расширяли монастырские владения(15). Церковная организация Абхазии развивалась такими же путями, которыми она развивалась в самой Римской империи. Об этом говорят результаты Никейского собора 325 года и последующих соборов.

В пользу христианизации абхазов говорит и интенсивное церковное строительство. На территории Абхазии разрушенные нашествием варваров церкви быстро восстанавливались(16).

Надо полагать, что еще с IV века нашей эры христианство проникает и во внутренние районы Абхазии. Об этом свидетельствуют, например, изображенные на определенной части инвентаря цебельдинских некрополей прямоугольные раннехристианские крестики(17), орнамент в виде крестообразно расположенных кружочков и крестиков(18), встречающихся на многих керамических сосудах, надпись на цебельдинском медальоне следующего содержания: «Единый бог, помогающий приносящим», золотой нашейный крестик из Цебельды(19).

14 Там же, с. 145.

- 15 Там же, с. 163.
- 16 Цицишвили И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 118.
- 17 Трапиш М. М. Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951—1953 гг. — В кн.: СА, т. 23, 1955, с. 272.
- 18 Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры, с. 11, 13.
- 18 Трапиш М. М. Указ. соч., с. 272.

85

2.2. Утверждение христианства

Прокопий Кесарийский, стараясь оправдать византийскую политику в Абхазии, подчеркивает роль Юстиниана I в утверждении здесь христианства. «При ныне царствующем императоре Юстиниане, — пишет Прокопий, — все отношения у абазгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абазга, Евфрута именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насиلاя природу... Тогда же император Юлиан воздвиг у абазгов храм Богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни(20). Эти события указывают на время объявления христианства в Абазгии официальной религией, которое относится к первой половине VI в. Об этом свидетельствует и другое сообщение Прокопия, в котором говорится: «Незадолго перед этим... они (готы-тетракситы. — М. Г.) прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем, незадолго перед тем умер; они узнали по их словам, что и абазгам император прислал священника»(21).

Цель приезда в Абазгию евнуха Евфрута заключалась не столько в богослужении, сколько в проведении в Абазгии римской политики. Император Юстиниан умело использовал обстановку в Абазгии. Он не хотел открыто выступать против абазгов и потому решил добиться их полного подчинения с помощью духовенства. Прокопий пишет: «В скором времени абазги, низложив своих царей, решили жить на свободе»(22).

Строительство храма богородицы в Абазгии, — на наш взгляд, — имело чисто политический характер.

В научной литературе идет спор о том, где был построен Юстинианом храм для абазгов. Сам Прокопий ничего не говорит об этом.

Первым, кто указал на место строительства Юстинианом храма для абазгов, был древнегрузинский историк Джваншер. Он почти полностью повторяя слова

20 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 383.

21 Там же, с. 385.

22 Там же, с. 383.

86

Прокопия, пишет: «Храм святой богородицы построил внутри Абхазети, в Бичвинте»(23). Джуаншер эти сведения взял из «Ведомости» Ефрема Мцире, т. е. из церковных документов, что дает право признать их достоверность.

Сведения о церковной политике Юстиниана в Абазгии имеются у антиохийского патриарха Макария. Он, ссылаясь на историка Евагра, пишет, «что соборная церковь в Абхазии выстроена (императором) Юстинианом и что при дворе этого императора жил какой-то абхазец, по имени Евфрат, которого Юстиниан послал в Абхазию собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где названный император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам. До принятия абхазами христианства римские императоры убивали всех преступников из них, но после этого события Юстиниан дал им слово, что отныне он никого из них не будет подвергать смертному наказанию... И в последнее еще время католикос Иоанн послал в Константинополь несколько священников и диаконов (из абхазов. — М. Г.) для получения там религиозного воспитания и ознакомления с науками»(24).

Император Юстиниан придавал важное значение Абазгии и всячески старался укрепить свои позиции в ней, поскольку в это время за Абазгией непосредственно начинались владения лазских царей, находящихся под влиянием Персии. Правда, к этому времени и позиции Ирана были шаткими в этом регионе, но еще трудно было определить конечный исход в соперничестве между Византией и Ираном.

Византийцы казнили тех абазгов, кто выступал против них. Но после того, как они приняли христианство, Юстиниан прекратил их преследование. Так называемая забота Юстиниана, заключающаяся в обучении абазгских детей, означала подготовку проводников византийской политики в Абазгии.

В другом источнике говорится: «Внутри Абхазии, в Бичвинта (Пицунда. — М. Г.), Юстиниан построил храм святой Божьей матери и назначил туда священников»(25). Вахушти Багратиони также считает, что Пицундскую

23 *Картлис ცხოვребა*, т. 1, с. 216.

24 *Жузе П. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария*. — Казань, 1905, с. 10—11,

25 *Жорданя Ф. Хроники*, т. 1, с. 53 (на груз. яз.).

церковь построил Юстиниан(26). В этом случае Вахушти имеет в виду нынешний храм Пицунды.

Утверждение о том, что храм богородицы был построен в Пицунде, повторяют П. Уварова(27) и проф. Кондаков(28).

В 1897 году Ю. Кулаковский выступил со специальной статьей «Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов?», в которой он отрицал строительство храма в Пицунде(29). Он доказывал, что храм для абазгов Юстиниан построил в Себастополисе. Основным аргументом для Ю. Кулаковского является то, что по сообщению Прокопия Кесарийского, Юстиниан «этот Себастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»(30). По его мнению, Юстиниан должен был соорудить храм здесь, а не где-либо в другом месте.

Затем он ссылается на список епархий Константинопольского патриархата XI в., где говорится о том, что «кафедра епископа Абхазии есть город Севастополь»(31). Следует отметить, что строительство храма в Абазгии имело место еще до Трахейского восстания 550 года, о чем свидетельствуют и другие сообщения Прокопия, где говорится о том, что на 21 году царствования Юстиниана готы-тетракситы уже знали о том, что абазгам он прислал священнослужителя. В VI веке Абазгия была отдельной политической единицей. Такими же отдельными политическими образованиями были саниги и апсылы, все они зависели от Византии. В VIII веке произошло политическое объединение Абхазии с Эгриси, независящее от Византии. Не учитывая эти обстоятельства, Ю. Кулаковский пишет: «Когда был построен Питиунт и что было поводом предпочтеть его, в смысле кафедры, Севастополю, остается неизвестным; но несомненно, однако, что первоначально, в течение более трех веков абазги имели свой духовный центр не в Питиунте или Пицунде, как звучало это имя в сред-

- 25 *Картлис ىховреба*, т. 4, с. 784.
26 *Материалы по археологии Кавказа*, т. 4. — М., 1894, с. 67.
27 «Русские ведомости», вып. 4. — СПб., 1891, с. 36.
28 *Археологические изыскания и заметки*, № 2, — М., 1897, с. 3.
29 *Археологические изыскания и заметки*, № 2, с. 36.

88

ние века, а в Севастополе, т. е. нынешнем Сухуми... и ныне существующий близ Пицунды храм не мог иметь никакого отношения к правительству абазгов, им. Юстиниану Великому»(32).

Переустройство Севастополя могло иметь место после 542 года, когда византийцы сами разрушили его. Почему они должны были разрушить город, если его сделали неприступным. Если следовать логике, то получается, что Севастополь был укреплен после его разрушения. Поэтому принятие христианства абазгами и восстановление города Севастополя расходятся во времени, поскольку первое имело место до восстания абазгов в 550 году. Следовательно, утверждение Ю. Кулаковского нельзя считать обоснованным.

З. В. Анчабадзе, возражая Ю. Кулаковскому, высказывает другое мнение, по которому Юстиниан должен был построить храм там, где была наибольшая необходимость. Он пишет так: «Не отрицая установленного археологами факта построения храма в Пицунде в период правления Юстиниана, мы тем не менее не можем утверждать, что это именно тот храм, о котором писал Прокопий. Более того, небезосновательно будет выдвинуть предположение — стал бы Юстиниан строить «для абазгов» там, где такие храмы уже издавна существовали? Думается, что нет. Юстиниан, надо полагать, повелел воздвигнуть храм там, где его еще не было и где для осуществления поставленной им цели он был наиболее необходим. Таким местом, нам кажется, могла быть в VI в. только Анакопия — «наиболее значительное укрепление абазгов»(33).

Доводы З. В. Анчабадзе достаточно убедительны. Однако хотим отметить, что во времена Юстиниана абазги имели двух царей: одного — в западной части страны и другого — в восточной. Надо полагать, что столицей западной части Абазгии был

Питиунт, где можно было построить храм.

Следует также отметить, что в 1970—1971 гг. Пицундская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР проводила раскопки на территории Пицундского мыса, в частности, на холме Ахашных, в селе Алахадзы, где были выявлены развалины большого храма. «Этот весь-

32 Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 36.

33 Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, с. 27.

ма своеобразный памятник выделяется среди культовых сооружений Абхазии и всей Грузии своей оригинальной, большой, охватывающей все три нефа и снаружи граненой абсидой»(34). Этот памятник исследователями датируется условно VI—VII—VIII вв. из-за отсутствия датирующего материала.

Храм был внушительных размеров: длина — 34,6 м, ширина — 11,2 м. Поскольку этот храм по величине отличается от всех храмов Абхазии и Грузии, можно допустить, что именно он и является тем храмом, который был построен для базилевса императором Юстинианом. Этот храм должен был быть не только местом богослужения, но и своей величественностью должен был подчеркивать мощь его империи.

Своебразие этого памятника заключается не только в его конструкции и размерах. Рядом с ним находилась маленькая трехабсидная церковь. Исследователи полагают, что большой храм был предназначен для праздничной службы, а маленький — для повседневной(35).

В 1956—1957 гг. в Пицунде, в сосновой роще была выявлена двухабсидная церковь, построенная не раньше начала VI в.(36).

Христианская идеология распространилась и в Южной Абхазии — Апсиили.

Прокопий Кесарийский писал, что апостолы «с давних уже времен христиане»(37).

Андрей Первозванный и Симон Кананит из г. Пусты в Абазгию шли через Апсиилию. О распространении христианства в Апсиили говорят археологические материалы. Например, золотой нательный крест и медальон с изображением Горгоны и другие изображения крестов М. М. Трапезинского связывал с проникновением христианства в Апсиилию(38). Ю. Н. Воронов отрицает роль христианского мировоззрения в духовной жизни цебельдинцев и утверждает, что крест и медальон с изображением Горгоны «играли роль только экзотических украшений»(39). По его словам, ана-

34 Апакидзе А. М., Агрба З. В. Отчет о полевых исследованиях Пицундской археологической экспедиции за 1970—1971 гг., с. 38.

35 Там же, с. 35.

36 Микеладзе Т. К. Бичвинтская двухабсидная церковь. — В кн.: МАГК, т. 3, с. 131.

37 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 380.

38 Трапезинский М. М. Труды, т. 3, с. 118—122, 206—207.

39 Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины, с. 114.

лиз погребального обряда показывает, что «древние цебельдинцы на всем протяжении существования цебельдинской культуры были язычниками»(40). Перечисляя инвентарь одного погребения, Ю. Н. Воронов пишет: «...перед нами классический пример языческого погребального обряда. Он был характерен во второй половине VII в. для представителей родо-племенной верхушки»(41). Л. Г. Хрущкова, возражая Ю. Н. Воронову, считает, что наличие инвентаря в цебельдинских погребениях не может служить указанием на то, что население, оставившее их, было языческим. Она ссылается на то, что погребальный обряд является консервативным элементом культуры(42).

Наиболее убедительным доказательством распространения христианства у апсилов являются монументальные культовые сооружения или их остатки в виде архитектурных фрагментов.

Археологическими раскопками последних лет в Цебельде выявлены две раннехристианские церкви, расположенные в крепости Цибил. Большая церковь — это одненефное сооружение с полукруглой апсидой, западным вестибюлем и пристройками с южной стороны. Основная постройка является баптистерием из трех помещений. В среднем из них помещается крестовидная крещальная купель. По типологическим признакам церковь датируется доюстинианской эпохой. Вторая церковь одненефная и датируется VI в. Здесь же были найдены фрагмент горшка с изображением креста и стеклянная чаша, украшенная мотивом стилизованного венка с двумя крестами. Как утверждает исследователь, форма крестов типична для V в.(43).

Баптистерии были выявлены и в других местах Апсилии. В с. Гудава (бывшая Зигана) археологами П. П. Закарая и В. А. Леквинадзе раскопано небольшое прямоугольное сооружение, являющееся специальной постройкой для отправления крещального культа. Оно датировано V — первой половиной VI в. Следует отметить, что Зигана в списках епископских кафедр

40 Там же, с. 112.

41 Там же.

42 Хрущкова Л. Г. О религиозных верованиях апсилов (IV—VIII вв.). — В кн.: *Известия Абхазского института ЯЛИ*, 12. — Тбилиси, 1983, с. 81.

43 Хрущкова Л. Г. *Новые данные о распространении христианства у апсилов*, с. 167.

упоминается с VII в. Это говорит о том, что кафедра в Зигане была учреждена на бывшем значительном культовом центре(44).

Из Апсилии известна еще одна купольная церковь с крещальней в с. Дранда. По аналогиям она датируется V—VI вв.(45).

Раннесредневековая одненефная церковь с двумя пристройками была выявлена в Очамчире (Гюэнос). Она датируется рубежом V—VI вв.(46). Здесь же найден золотой четырехконечный крестик(47).

На территории Абхазии были выявлены раннехристианские саркофаги (Пицунда, Сухуми, Цебельда)(48).

Христианская идеология к VI веку была распространена и среди мисимиан, живших по среднему течению р. Кодор. По словам Агафия Миринейского, мисимиане и

римляне с давних времен одной веры(49). Материальная и духовная культура миспмиан и апсилов не отличаются друг от друга; обряды захоронения тоже идентичны.

К VI веку относится и Цандрипшская базилика(50). Мраморные изделия V—VI вв. часто встречаются на территории исторической Абхазии; две плиты в окрестностях Адлера и из Анакопии(51). Мраморные плиты VI в. из Адлерского района в XIV в. были перевезены в Хоби при победоносном походе правителя Мегрелии Вамека Дадиани, декорация которых состоит из сложной рамки, образованной несколькими выступами различной ширины и впадинами между ними. В центре расположены кресты.

Отдельные фрагменты алтарных преград были найдены в Новом Афоне, в Герзеуле, в Цебельде(52).

Таким образом, утверждение Прокопия Кесарийского о том, что аbazги приняли христианство только при Юстиниане, не соответствует действительности.

Один из богослужителей VII в. по имени Максим со своими сподвижниками был сослан в Лазику, где и

44 Ее же. О религиозных верованиях апсилов..., с. 82.

45 Там же, с. 83-84.

46 Там же, с. 85.

47 Там же.

48 Ее же. Раннехристианские саркофаги из Абхазии. — в кн.: Византийский временник, 45, с. 207, 209.

49 Агафий. О царствовании Юстиниана, с. 123.

50 Хрущкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии, с. 18.

51 Там же, с. 11, 13.

52 Ее же. Новые данные о распространении..., с. 18.

скончался. О его жизни написал один из его учеников Анастасий, который томился в крепостях Лазики 60-х годов VII века. Его письмо было направлено на имя Феодосия Гангрского, который и опубликовал его. Сохранился и грузинский перевод этого письма. В нем говорится о том, как лишились власти лазские правители. Один из них, изгнанный из своей страны, бродил по Абхазии. Анастасий об этом пишет: «В этот же день, когда меня изгнал, он сам тоже был изгнан оттуда, и бродил по стране христолюбящих аbazгов»(53). Далее добавляет: «Их христолюбящие правители советовали, чтобы он ко мне относился с сочувствием и не преследовал меня»(54). Как видим, Анастасий несколько раз повторяет слова «христолюбящие аbazги» и «христолюбящие правители», что указывает на христианизацию страны аbazгов. В другом месте своего письма он пишет, что Стефан, сын блаженного Иоанна, в Апсилии и Абазгии смело пропагандировал как истину, так и новое направление(55). О наличии христианства в Абхазии VII в. говорят и алтарные плиты из Цебельды. Л. Г. Хрущкова считает, что плиты алтарной преграды свидетельствуют о том, что во второй половине первого тысячелетия н. э. этот район характеризовался значительным культурным уровнем. Это обстоятельство связывается и с идеологическим фактором — полным утверждением христианства и с политическим

— созданием к концу VIII в. Абхазского царства(56).

К середине VII века Абхазская автокефальная церковь подчинялась

Константинопольскому патриарху(57). К этому времени абхазская и лазская церкви были независимыми друг от друга и подчинялись Константинопольскому патриарху. Христианская идеология в Абхазии развивалась активно и в VIII веке, о чем свидетельствуют некоторые первоисточники.

Важные сведения по этому вопросу у патриарха Ма-

53 Георгиа, т. 4, ч. 1, с. 44.

54 Там же.

55 Там же, с. 46.

56 Хрушкова Л. Г. Стиль рельефов алтарных плит из Цебельды. — В кн.: Известия Абхазского института ЯЛИ, т. 6. — Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 189.

57 Джавахишвили И. А. История грузинского народа, т. 1. — Тбилиси, 1951, с. 303.

кария, деятеля XVII века. В его сочинении говорится о том, как абхазский царь Давид, живший во времена антиохийского патриарха Феофилакта (744—750 гг.) послал людей в Антиохию для рукоположения в епископы. В источнике сказано так: «В дни этого патриарха (Феофилакта. — М. Г.) Давид, царь абхазский, послал в Антиохию для рукоположения в епископы много лиц; но дорогой напали на них разбойники, отняли у них все подарки и убили всех, за исключением только двух, которые, убежав от разбойников, прибыли в Антиохию и сообщили упомянутому патриарху Феофилакту о постигших их товарищах на пути несчастиях. Они же сообщили также, что их страна (Абхазия) сильно страдает от неимения такого лица, который бы рукополагал для нее епископов. По этому поводу патриархом Феофилактом был созван собор из большинства архиереев антиохийского патриархата, на котором было постановлено рукоположить для них (абхазцев) самостоятельного католикоса, который бы рукополагал у себя архиереев для (абхазского) народа, но с тем, чтобы он продолжал поминать при богослужении антиохийского патриарха. (На этом соборе было также установлено), чтобы антиохийский патриарх ежегодно посыпал в Грузию экзарха для исследования проступков архиереев и архонтов и взимания доходов с (пожертвенных) селений. Обо всем этом патриарх вручил им (двум приехавшим в Антиохию абхазцам); затем бросил жребий между ними, он одного из них, по имени Иоанн, рукоположил в католикосы с постоянным жительством в Абхазии. Это был первый католикос, назначенный для (абхазцев). Рукоположив второго из абхазцев в епископы, патриарх отправил их обоих домой в Абхазию»(58). Такое подробное описание событий в Абхазии VIII в. заставляет думать о том, что антиохийский патриарх Макарий располагал каким-то достоверным источником. Сведения эти нигде больше не встречаются.

Отправление в Антиохию людей из рукоположения в епископы указывает на то, что Абхазия VIII в. была христианской страной. Более того, абхазские христиане подчинялись антиохийскому патриарху. Эти же сведения говорят и о том, что к VIII в. абхазская церковь не подчинялась грузинской церкви.

Иоанн Сабаниძэ в своем сочинении, посвященном мученичеству Або Тбилели, пишет о том, как эрисмта-

58 Жузе П. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. — Казань, 1905, с. 9—10.

94

вар Картли, вынужденный покинуть свою страну в 80-х юдах VIII в., и, совершив путешествие через Северный Кавказ, вернулся в Абхазию, куда еще раньше были отправлены его мать, жена и дети. Узнав о том, что блаженный Або новокрещеный, князь Абхазии возрадовался со всем народом своим. Князь, епископ и священники призвали Або и благословили его, посвящали ему слова спасения и благовествовали о Христе и вечной жизни. Он же от себя отвечал им словами щетинной веры... Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он ту страну, полной верующих в Христа, и никого неверующих не было среди коренных в ее пределах. Ибо границей ее (Абхазии) является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии»(59).

Как видно из этого источника, Абхазское царство к этому времени было защищено от арабов, и христианская религия процветала.

В Абхазии наличествуют памятники христианской религии VIII века. К ним относятся плиты алтарной преграды из Цебельды рубежа VIII—IX вв.(60), характеризующиеся согласным сочетанием данных иконографии, стиля, орнаментики и реалий.

Нотиции, дошедшие до нас, упоминают митрополитов, епископов и архиепископов, подчиненных константинопольскому патриарху, среди которых названы:

митрополит Фазиса и ему подчиненные 4 епископа (Родополиса, Саиса, Петры, Зиганеса). Севастопольская автокефальная епархия в Абхазии и Никопсийская автокефальная епархия в Зихии(61). В нотиции, составленной Леоном VI (886—912 гг.) и Николаем Мистиком (901—907 и 912—925 гг.), упомянут архиепископ Себастополиса(62). Как видно, эта нотиция была составлена до 907 года, поскольку в 912 году завершается правление Леона VI, после чего начинается перерыв в деятельности Николая Мистика. Эти обстоятельства убеждают

59 Историческая хрестоматия грузинского языка. — Тбилиси: Изд. научно-метод, кабинета, 1949, с. 188.

60 Хрущкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии, с. 45, 76, 84; Ее же, О памятниках скульптуры Абхазии как историческом источнике. — В кн.: ИАИЯЛИ, т. 7. — Тбилиси, 1978, с. 209; Шервашидзе Л. А. Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды. — В кн.: ИАИЯЛИ, т. 4. Тбилиси: Мецниереба, 1975, с. 96.

61 Георгиана, т. 4, ч. 2. — Тбилиси, 1952, с. 180.

62 Там же, таблица.

95

нас в том, что Абхазия не только в IX в., но и в начале X в. в церковном отношении еще подчинялась Византии. С. Г. Каухчишвили указывает на то, что в редакции времени Константина Порфирогенета отсутствует Севастопольский (т. е. абхазский) архиепископат. Это обстоятельство он считает вполне закономерным(63). Издатель этого источника Г. Гельцер отсутствие в этом списке архиепископа Абхазии

приписывает ошибке переписчика. С. Г. Каухчишвили в оправдание своего положения называет эктесис, составленный во время правления Иоанна Цимисхия (969—976 гг.), где отсутствует архиепископ Севастополя. Он также подчеркивает, что в тех нотициях, где не упомянут архиепископ Абхазии, отсутствует и архиепископ Никопсии, который, обычно, входил в Зихского метрополию. Затем, касаясь северных границ Абхазии, С. Г. Каухчишвили доказывает, что Никопсийская кафедра в эктесисах VII—IX вв. принадлежала епархии Зихии, куда входили три архиепископские кафедры: Херсонеса, Боспора и Никопсии. По заключению этого автора, западно-грузинская церковь вместе с кафедрой Никопсии присоединяется к Мцхете и потому де она больше не упоминается в списках епархии Зихии(64).

Упоминание Себастополисского архиепископа в поздних нотициях С. Г. Каухчишвили считает сомнительным, поскольку, по его мнению, христианская организация всей Лазики уже не подчиняется Константинопольскому патриарху. Мы же считаем, что епархия Лазики со своими кафедрами (Родополиса, Саиси, Петра, Зиганеви) в начале X в. подчинялись Константинопольскому патриарху. Севастопольский архиепископ внесен в список архиепископов, подчиненных Константинопольскому патриарху не формально, как это полагает С. Г. Каухчишвили, а фактически.

О зависимости абхазской церкви X в. от Константинополя говорит и тот факт, что Николай Мистик (константинопольский патриарх) написал несколько писем (46, 51, 162) царю Абхазии Григорию (Георгию II), где шла речь о помощи абхазского царя архиепископу аланов(65). Анализируя эти письма, исследователи пришли к совершенноциальному выводу о том, что крещение алан произошло в первой четверти X в. и «непосред-

63 Там же, с. 196.

64 Там же, с. 233.

65 Там же, с. 213, 215, 217.

ственное участие в этом деле принимал правитель Абхазии»(66).

Первое письмо (46) Николая Мистика было написано после 922 года, поскольку автор письма выражает соболезнование по поводу смерти отца царя абхазов Георгия II — Константина III (893—922 гг.). Последнее письмо было написано не позднее 925 года. Таким образом, Абхазия является страной, где христианство распространялось с первых же веков нашей яры. Христианскую пропаганду там вели Симон Кананит и Андрей Первозванный. О раннем утверждении христианства в Абхазии говорит участие представителя пицундской церковной кафедры в Никейском церковном соборе в 325 году. Этот же факт подкрепляется археологическими раскопками в Пицунде, где были выявлены руины храма IV века.

О христианстве в Абхазии имеются сведения у Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского. Об этом же говорят археологические материалы, выявленные во всех уголках Абхазии.

Признание христианства как государственной религии в Абхазии относится к VI веку, когда император Юстиниан построил для абазгов собор Богородицы и прислал Евфратса для богослужения. На территории Абхазии немало прекрасных архитектурных сооружений церковного характера, относящихся к раннему

средневековью.

Абхазия в церковном отношении постоянно подчинялась константинопольскому патриарху, о чем свидетельствуют приведенные выше письменные источники.

66 Кулаковский Ю. Христианство у алан. — В кн.: *Византийский временник*, 5, 1899, с. 3.

97

Глава 3. Социальные отношения

Вопрос о характере социальных отношений в Абхазии в первом тысячелетии н. э. давно привлекает интерес многих исследователей, однако единого мнения пока нет. Одни утверждают, что упомянутые латинскими и греческими авторами (Плиний, Ариан, Прокопий и др.) политические образования апсилов, абазгов и санигов были раннефеодальными(1). Другие доказывают, что они были «военно-демократическими» объединениями с заслугами государственности(2). З. В. Анчабадзе считает, что в Абхазии I—V вв. было раннерабовладельческое общество. По его словам, раннефеодальные отношения «утверждаются здесь лишь в VI веке»(3). Он, ссылаясь на С. Н. Джанашиа, пишет: «...Абазгия в VI веке, тогда же, когда и Картли и Лазика, пережила «феодальную революцию», с тем отличием, что если в Картли этот процесс растянулся на два с лишним столетия (IV—VI вв.), то в Абазгии он протекал в основном в рамках VI века»(4).

По мнению Г. А. Меликишвили, в VI в. Абазгия находилась накануне социальной революции, но не феодальной, а переходной от бесклассового общества к классовому(5). Далее он пишет, что не было никакой «феодальной революции», а была «революция общинников», направленная против классового гнета и против военной демократии во главе с «базилевсами»(6). Таким образом, ученым переворот признается как резкий

1 Джанашиа С. И. Труды, т. 2. — Тбилиси, 1952, с. 306. Его же. Труды, т. 1. — Тбилиси, 1949, с. 71.

2 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. — Тбилиси, 1959, с. 375; Его же. Политическое объединение феодальной Грузии..., с. 45.

3 Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии, с. 204.

4 Его же. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.), с. 21.

5 Меликишвили Г. А. Политическое объединение..., с. 46.

6 Там же, с. 47.

98

скачок от бесклассового к классовому обществу(7), и в то же время утверждается, что эти вожди-цари олицетворяли класс эксплуататоров(8). Получается, что революция, направленная против социального гнета, способствовала переходу от внеклассового общества к классовому.

Ю. Н. Воронов утверждает, что в предгорной части Абхазии — Цебельде — во II—VI вв. было «родовое поселение с зарождавшимися чертами городской формации...»(9). Он

пишет: «Однако родовой строй препятствовал установлению развитого рабства в Цебельде, хотя исключать какие-то зачаточные его форумы нет основания. Поэтому сжигали трупы скорее всего пленников, принятых в данную семью и воспользовавшихся почти равными правами с ее членами при жизни, но похороненных по иным погребальным обрядам»(10). Если считать правильным мнение Ю. Н. Воронюва о том, что только пленных сжигали и только потому имеются кремационные погребения, тогда нужно учитывать и количество этих погребений, которое составляло около 30% всех погребений.

Таким образом, если большой процент кремационных погребений говорит о наличии пленников, то он должен указывать и на классовое общество.

Разногласия в суждениях об уровне социальных отношений в Абхазии в первой половине первого тысячелетия нашей эры объясняются скучностью письменных источников и недостаточной изученностью археологического материала. При этом некоторые исследователи односторонне толкуют письменные источники.

По нашему мнению, в Абхазии и у ее соседей не было как такового рабовладельческого строя. Не только в Абхазии, но, по мнению некоторых авторов, и в древней Грузии отсутствовали рабовладельческие поместья с использованием рабского труда(11). Прав, по-видимому, Г. А. Меликишвили, когда утверждает, что низкий уровень феодальных отношений способствует усилению царской власти. Наличие свободных крестьян-общинников в больших масштабах укрепляло царскую власть. Рабовладельчество, как экономическая форма-

7 Там же, с. 46.

8 Там же.

9 Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины, с. 100.

10 Там же.

11 Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. — М.: Наука, 1972, с. 67.

99

ция, надо полагать, не существовала на всем Кавказе, а феодальные отношения в начале первого тысячелетия были крайне слабы. Так, например, существует мнение, что «ослабление, а затем падение царской власти в Армении было следствием перехода основной части шинаканства (свободных крестьян. — М. Г.) под власть азатов-нахарапов»(12). Отмечается при этом, что в то время в Армении если и существовало свободное крестьянство, то в незначительном количестве(13).

Резкое уменьшение числа свободных крестьян происходит и в Албании того времени (V в.) как посредством подчинения их власти феодала при сохранении права пользования землей, так и путем обезземеливания, лишения средств производства(14).

А. А. Богверадзе пишет: «Возникновение и развитие частной феодальной земельной собственности в Закавказье и Средней Азии определялось двумя основными факторами: во-первых, внутренним процессом классообразования, выделением знати и распадом общинного землевладения и, во-вторых, внешнеполитическими факторами, связанными с завоеванием данных стран другими государствами или племенными союзами. Повторяясь многократно, такие завоевания вели к

перераспределению земельного фонда и к возникновению форм землевладения, являвшихся продуктом синтеза более развитых местных отношений с менее развитыми, архаичными общественными отношениями, существовавшими у отсталых пришлых кочевых и полукочевых племен. Многократное повторение этого процесса в древности и средневековье и составляло важнейшую специфику социально-экономического развития данных регионов»(15).

На наш взгляд, в Абхазии I—V вв. возникновение частной собственности происходило в основном на почве внутреннего процесса классообразования, а внешнеполитические факторы не сыграли такой роли, как в Восточной Грузии и Средней Азии.

Анализируя археологический материал античного периода из Мцхеты и ее окрестностей, Г. А. Ломтатидзе предполагал существование таких мастерских, где, по-

12 Там же, с. 63.

13 Там же, с. 64.

14 Там же, с. 65.

15 Богверадзе А. А. *Из истории раннефеодальных общественных отношений в Картли*. — Тбилиси, 1961, с. 121.

мимо основных мастеров, работали многочисленные подсобные рабочие, выполняющие второстепенную, нетрудоемкую работу. Эти мастерские могли быть собственностью царского двора, где, как он полагал, использовался рабочий труд(16). Однако, если даже в этих мастерских рабский труд был использован, то это не говорит о наличии рабовладельческой системы. Наличие богатых и бедных погребений в Мцхете, безусловно, указывает на имущественную и социальную дифференциацию. Многие исследователи отрицают наличие рабовладельческой системы в Грузии. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин пишут: «Сторонников наличия рабовладельческого строя в древней Грузии всегда удивляло отсутствие в схеме Страбона рабов, изъясняли это тем, что рабы не считались членами общества и потому-де из этой схемы выпали. Однако такое объяснение, равно как и априорные утверждения о наличии в это время у иберийской знати частновладельческих поместий с использованием рабского труда, очень шатко»(17). Названные авторы утверждают, что почти до VII века рабство отсутствовало как в Грузии, так и в Армении. По их мнению, «Страбон же — иностранец-географ, составляя описание всей страны со всеми ее особенностями, должен был отметить и эту часть населения»(18). И. А. Джавахишвили считал, что когда римские завоеватели захватили Грузию, здесь не было частной собственности на землю и все недвижимое имущество принадлежало всему народу. Всем этим богатством распоряжался вождь рода «мамасахлиси»(19).

Таким образом, по мнению значительной части исследователей, в Центральном Закавказье вообще отсутствовала рабовладельческая формация.

Если возникновение частной собственности на землю связывать «с завоеванием данных стран другими государствами», которое многократно повторялось, тогда надо учесть уровень социальных отношений у завоевателей. А. А. Богверадзе, имея в виду

позднеантичную и средневековую эпохи, считает, что местные со-

16 Ломтатидзе Г. А. *К социальной и экономической характеристике населения Грузии в I—III вв. н.э.* — В кн.: *Труды института истории, т. 1.* — Тбилиси, 1955, с. 345.

17 Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 67.

18 Там же, с. 68.

19 Джавахишвили И. А. *История грузинского народа, т. 1*, с. 167.

101

циальные отношения были более развитыми, чем «у остальных пришлых кочевых и полукочевых племен». Однако с I в. до н. э. завоевателями Грузии становятся римляне, которых нельзя отнести к числу «отсталых племен». В I—II вв. н. э. Картли была свободна от иноземных захватчиков(20). С III века она оказалась в составе царства Сасанидов(21), а в конце этого века приобрела кратковременную независимость. С IV века положение опять осложняется, Иберия (Картли) ориентируется на запад, и ее правители христианскую религию объявляют официальной(22).

В Абхазии римляне и византийцы постоянно господствуют вплоть до VIII века. Это обстоятельство должно было повлиять на развитие социальных отношений в стране. Однако с I по VI век мы не имеем конкретных материалов, говорящих об усилении царской власти в Абазгии или Апсии. Низложение абазгских правителей самими абазгами говорит о слабости царской власти. Если исходить из того положения, что наличие свободных крестьян способствовало усилению царской власти, тогда слабые позиции царской власти в Абазгии в VI веке должны объяснить отсутствием свободных крестьян. Усиление царской власти и самого царства в Абазгии происходит только где-то с конца VI—VII века, о чем будет идти речь ниже. О наличии признаков рабовладения косвенно указывает сообщение Прокопия Кесарийского о том, что «со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена (абазги. — М. Г.) испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги»(23). Если цари абазгов могли отнимать у родителей детей и продавать их, они могли превратить в рабов и других мальчиков. Однако об этом ничего не сказано у Прокопия. Как видно, продажа «рабов» приносила царям больше доходов, чем их использование в качестве рабочей силы. Так или иначе, этот документ — свидетельство неограниченной власти царей и бесправия всего народа.

20 *Очерки истории Грузии, т. 1*, с. 610—537.

21 Там же, с. 565.

22 Там же, с. 569.

23 Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, с. 382- 383.

102

Меликишвили в качестве опоры абазгских царей рассматривает также общинно-

родовую аристократию(24). Далее он говорит, что народу, «совершившему революцию», не хотелось мириться с рабством, будь это со стороны своих правителей или византийцев(25). Если была общинно-родовая аристократия, значит, была еще какая-то форма эксплуатации, помимо продажи пленников. В источнике сказано, что абазги снова выбрали себе архонтов(26). Кто мог избрать архонтов — представители аристократии или угнетенный народ? Чьими представителями были новые архонты — свободных общинников или аристократии? Если существовала какая-то аристократия, тогда, безусловно, она должна была взять на себя решение важнейших вопросов: избрание новых архонтов и руководство восстанием против византийцев. Низложение абазгских царей произошло не без ведома византийцев, зато избрание новых правителей происходит без их участия. Прокопий Кесарийский низложенных абазгских правителей называет басилевсами, а новых правителей — архонтами. Занимали ли одинаковое положение низложенные и вновь избранные правители? Нам кажется, что положение новых правителей отражено в их титулатуре. Права архонтов были ограничены избирателями.

Нельзя согласиться с утверждением о том, что якобы Абазгия горная и бесплодная страна и поэтому в рассматриваемый нами период там не была развита экономика(27).

Скудной страной источники называют Лазику. Прокопий Кесарийский отмечает: «У лазов нет ни соли, ни хлеба, ни других произведений земли; они продают другим народам кожи, меха и невольников и тем достают себе все нужное»(28). Только об области Мохерезис он пишет: «В этой области много многолюдных поселков. Из всех земель Колхиды эта самая лучшая. Тут выделывается вино и растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазике»(29). Царства абазгов и апсилов несомненно, как и лазское царство, были

24 Меликишвили Г. А. Политическое объединение..., с. 46.

25 Там же, с. 47.

26 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 400.

27 Меликишвили Г. А. Политическое объединение..., с. 46; Очерки истории Грузии, т. 1, с. 517—548.

28 Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, кн. 2. — СПб., 1880, с. 107.

29 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 423.

раннеклассовыми государственными образованиями.

Население Абазгии с древних времен имело культурно-экономические связи с внешним миром, в том числе и с греческим. Первые греческие поселения на территории Абхазии появляются с VI в. до н. э., о чем свидетельствует археологический материал из Эшерского городища (Сухумский район)(30), г. Сухуми и Очамчиры. Что касается материалов V—VI вв. до н. э., то они известны из многих пунктов Абхазии (Сухуми Эшера, Шубара, Кочара и др.). Древнегреческие авторы (Артемидор Эфесский II в., Страбон I в., Плиний I в. н. э.) упоминают богатый город Великий Питиунт.

На основе археологического материала установлено, что еще с VI в. до н. э. население Эшерского городища пользовалось древнегреческой керамикой, которая являлась бытовой, повседневной посудой. Исследователь названного памятника Г. К. Шамба считает, что она не является результатом только внешней торговли, она в большей степени является привезенной сюда самими греками-переселенцами. На основе этих же материалов устанавливается также, что морской торговый путь, шедший вдоль восточного Причерноморья, не кончался в устье р. Риони, как полагает О. Д. Лордкипанидзе(31), а доходил до района Диоскурии на севере.

Эшерское градище начинает застраиваться капитальными сооружениями с эпохи эллинизма. Оно занимает более трех гектаров и ограждено мощной оборонительной стеной с выступающими башнями, сооруженными из камня сухой кладки. Имеется большое количество хозяйственных и жилых помещений. Все капитальные сооружения были покрыты черепицей. Город был снабжен водопроводной системой протяженностью около 1 км. В эпоху эллинизма город получает дополнительное укрепление в виде рва. Эшерское городище было уничтожено в I в. до н. э.(32). Таким обозом, рядом с Диоскурией находился другой культурно-экономический центр со всеми признаками городской жизни. Соотношение местного и привозного материала указывает на участие местного населения в городской жизни. Об этом же говорит выявленное погребение местного жреца с богатым инвен-

30 Шамба Г. К. Эшерское городище, с. 20-22.

31 Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Колхиды. — Тбилиси, 1966, с. 164.

32 Шамба Г. К. Эшерское городище, с. 56—60.

тарем. Такой высокоразвитый культурный центр не мог не повлиять на развитие социальных отношений в Абхазии.

Другой античный город Абхазии — это Диоскурия. Он известен в письменных источниках с IV в. до н. э. Первые сведения о нем дает Псевдо-Скилак Кориандский(33). Диоскурия—Себастоиполис изучалась археологами и выявлен большой материал, подтверждающий существование города еще с V в. до н. э. В эпоху эллинизма этот город процветал. Диоскурия—Себастополис имела интенсивные торгово-экономические сношения как с городами южного, так и северного Причерноморья. Среди импортных материалов встречаются чернолаковая столовая посуда и драгоценные вещи в виде чернофигурных ваз. Культурные слои V—II вв. до н. э. насыщены также местной посудой. Археологические материалы свидетельствуют о довольно интенсивной производственной жизни местного населения и о торгово-экономических связях с разными центрами античного мира»(34).

По данным археологии, город Диоскурия был греко-местным городом, где постоянно возрастал удельный вес местного абхазского населения.

Поселение городского типа указанной эпохи было выявлено и на огромной территории, простирающейся от Красного Маяка до левобережья р. Басла на востоке(35).

Следующий раннеантичный город — это Гюэнос. Он до последнего времени считался сезонным торговым пунктом, появившимся в IV в. до н. э.(36). Однако

археологическими раскопками последних лет установлено, что город Гюэнос как греческое поселение возник в VI в. до н. э. В культурных слоях были выявлены материалы как местного, так и импортного происхождения(37).
Правда, в первых веках (I в. до н. э. — I в. н. э.)

33 Латышев В. В. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*, т. 1, вып. 1, с. 85.

34 Анакидзе А. М. *Лордkipанидзе О. Д. Указ. соч.*, с. 213.

35 Трапиши М. М. *Археологические раскопки в окрестностях Сухуми*, с. 188.

36 Соловьев Л. И. *Диоскурия—Себастополис—Цхум.* — В кн.: *Труды Абгосмузея*, вып. 1. — Сухуми, 1947, с. 111.

37 Шамба С. М. *Раннеантичный комплекс из Очамчира.* — В кн.: *Археологические открытия 1980 года в Абхазии.* — Тбилиси, 1982, с. 18—19.

105

наступает упадок в городской жизни Абхазии, но он был связан с римской экспансиеи и коснулся других городов Причерноморья. Городская жизнь в Абхазии возрождается со II в. н. э.

Таким образом, мнение о том, что на восточном побережье Черного моря происходила варваризация прибрежных племен, результатом чего явилось ограбление и падение городов(38), не подтверждается. Готские племена нападали и на лазские города. Г. А. Меликишвили утверждает, что в условиях Абхазии первых веков нашей эры так называемая «варваризация» не происходила, поскольку здесь горцы и так доминировали полностью(39). Однако, по всем имеющимся письменным источникам, абхазы являются жителями также и прибрежной полосы (Арриан, Прокопий и др.).

Г. А. Меликишвили справедливо отмечает, что влияние греческой культуры на население Абхазии начинается с V века до нашей эры(40), но имеется и более ранний археологический материал, относящийся к концу VI в. до н. э.(41). Он же к древним греческим поселениям относит Гюэнос, Диоскурию, а Питиунт считает возникшим позже — в IV в. до н. э. Греческими торговыми факториями и колониями было покрыто все побережье Черного моря(42). Античная цивилизация, непосредственно связанная с Грецией и Римом, в нашей стране была распространена лишь по Черноморскому побережью(43), первоначально родовые вожди скифов и других местных племен были поставщиками живого товара, затем прибавилась рыботорговля и в конце хлеботорговля(44). «Вдоль морского берега в ряде мест возникли рабовладельческие плантации греческих колонистов»(45). Греки на новые места приносили свои формы ведения хозяйства, что не могло не отразиться на жизни местного населения. «Новый способ производства был принесен сюда извне — из Греции, где он к VI в. до н. э. уже достиг полного развития»(46). На северном побережье Черного моря образовались города-государства, которые

38 *Очерки истории Грузии*, т. 1, с. 549.

39 *Там же*, с. 548.

40 *Там же*, с. 404.

41 Воронов Ю. Н. *Гюэнос.* — В кн.: *СА*, 4. — М., 1976, с. 45.

42 *Очерки истории Грузии*, т. 1, с. 404.

43 Арциховский А. В. Основы археологии. — М.: Изд. полит. литер., 1954, с. 134.

44 Там же, с. 134—135.

45 Там же.

46 Там же.

затем объединились и создали Боспорское царство со столицей в Пантике. В этом рабовладельческом царстве вместе с греками жили скифы, сарматы, синды, меоты и др.(47).

В Колхиде государственность существовала в VI—IV вв. до н. э.(48). В более позднее время как для Боспорского царства, так и для Колхида характерно денежное обращение, которое имело место и в Абхазии. Так, например, в Гульрипшском районе были найдены золотые статеры Александра Македонского и Лисимаха, в окрестностях Сухуми — афинские тетрадрахмы и городские монеты Амиса эпохи Митридата. В Пицунде была обнаружена херсонесская монета(49).

Само денежное обращение связано с образованием классового общества, оно ускоряет этот процесс. В Абхазии видим яркую картину развитого торгово-денежного обращения. В частности, о Диоскурии Страбон пишет: «Эта же самая Диоскуриада служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом, и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, нисколько не заботящихся об истине, даже триста»(50).

Таким образом, еще задолго до нашей эры в Абхазии имелись условия для разложения общинно-родового общества.

Из позднеантичных и раннесредневековых городов Абхазии известны Себастополис, Питиунт, Анакопия и Пуста. Три первых хорошо известны как по письменным источникам, так и по археологическим материалам. Последний город упоминается в письменных источниках в связи с распространением христианства в Абхазии. По словам Епифана Константинопольского (VIII в.), апостолы Андрей и Симон Кананит пошли в Аланию и в город Пуста. Сотворив здесь чудеса, эти просветители затем отправились в Абазгию(51). С. Г. Каухчишвили совершенно правильно локализует этот город в районе Цебельды(52), недалеко от которой, восточнее озера

47 Там же, с. 136—137.

48 Очерки истории Грузии, т. 1, с. 482.

49 Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхida, с. 120.

50 Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, Греческие писатели, вып. 1, с. 136.

51 Георгика, т. 7, с. 115.

52 Там же, с. 114.

Азанта, находятся развалины древнего города. Ныне это место по-абхазски называется Апушта (Апыш?та) Там же засвидетельствованы захоронения с богатым могильным инвентарем IV—VI вв. Объект археологически почти не изучен. Выявленная здесь материальная культура не отличается от цебельдинской.

В первые века нашей эры древний город Диоскурия пришел в упадок. К этому времени относится свидетельство Страбона об интенсивной торговле.

Возрождение Севастополиса начинается со II в. н. э. Именно ко II в. относится и строительство восточной части приморской стены(53). Такая датировка подкрепляется стратиграфией залегания фундамента стены.

Археологическое изучение Севастополиса началось еще в прошлом веке, но оно носило разведочный характер. Однако наиболее важный материал был выявлен на данном объекте в 1958—1959 гг. совместной экспедицией сотрудников Абхазского института ЯЛИ под руководством М. М. Трапша и сотрудников Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе. Здесь богато представлен культурный слой IV—V вв. н. э. В нем большое разнообразие амфор, в том числе и импортных, много краснолаковой керамики (тарелки, миски, чашки, блюда, кувшины, светильники)(54), обломков различной стеклянной посуды.

В этом же слое содержится импортная и местная кухонная утварь (горшки, тарелки, миски, сковороды) и тарной (пифосы, амфоры, кувшины и др.) посуды.

В следующем слое богато представлена керамическая посуда местного производства: пифосы, амфоры,, кувшины разной формы и величины, лутерий, горшки, миски, сковороды, кружки и др.(55).

К местному керамическому производству относятся некоторые краснолаковые тарелки и блюда. Они представлены в слоях II—VI вв. По мнению К. И.

Бердзенишвили, некоторые краснолаковые сосуды «по составу глины и характеру украшения должны быть изготовлены в Сухуми или его окрестностях. Изучение орнаментальных мотивов и техника исполнения дает автору основание предполагать, что найденные в Пантикапее

53 Трапш М. М. Труды, т. 2, с. 303.

54 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 218.

55 Там же, с. 221.

и Фанагории аналогичные краснолаковые орнаментальные блюда изготовлены в Западной Грузии (имеется в виду Абхазия. — М. Г.) и отсюда экспортированы в Северное Причерноморье»(56).

В рассматриваемом слое встречаются изделия из стекла, а также малоазийского, трапезундского и кесарийского происхождения монеты II—III вв. Наличие здесь строительного мусора свидетельствует о развитии к тому времени интенсивного строительства.

Археологическими раскопками выявлен жилой комплекс, перекрытый культурным слоем конца II—первой половины III в. н. э.

Хорошо прослеживается и строительная техника. Стены воздвигнуты по-разному. Самая древняя приморская стена воздвигнута на сваях 1,5—2-метровой длины, над которымиложен был известковый раствор с гравием, песком и толченым кирпичом. Благодаря таким приемам стена и по сей день стоит без перекоса(57). В верхней части этой стены использованы толстый известковый раствор и кирпичный пояс в трех рядах.

Стены воздвигали и без свай, но они часто давали перекос. В этих случаях их укрепляли контрфорсами.

Таким образом выявленный при раскопках Сухумской крепости массовый материал состоит в основном из строительного материала, посуды, предметов труда и быта, украшений, одежды, железного шлака и т. д.

По данным археологии, культурный слой VI в. пока слабо представлен. Во многих местах он отсутствует. По сообщению Прокопия Кесарийского, Севастополис вместе с Питиунтом был разрушен в 542 году, когда грозила опасность со стороны персов.

Однако этот же

автор сообщает, что «император Юстиниан этот Севастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»(58). Как видно из сообщения, в Севастополисе были проведены определенные строительные работы и, надо полагать, они, в первую очередь, коснулись оборонитель-

56 Бердзенишвили К. И. К изучению «краснолаковой» керамики Бичвинта. — В кн.: МАГК, т. 3, с. 123.

57 Трапиш М. М. Исследование древнего Себастополиса..., с. 237.

58 Прокопий. О постройках. — В кн.: ВДИ, 4. — М., 1939, с. 249.

ных сооружений. По-видимому, эти строительные работы были проведены после перемирия с Ираном, в противном случае какой смысл был разрушать город после укрепления его оборонительных сооружений? Следы строительства юстиниановской эпохи пока не установлены.

Город Севастополис упоминается грузинским историком Джуаншером в связи с описанием похода арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда в Абхазию в 736—738 гг. В этой летописи город называется Цхуми.

Таким образом, город Севастополис в позднеантичное время и раннее средневековье был крупным экономическим и культурным центром, сильно влияющим на развитие социальных отношений в Абхазии. В этом городе были богатые купцы и ремесленники, которые производством товарной продукции и ее реализацией способствовали обогащению определенной части населения Абхазии.

Как видно из источников, городская жизнь в Севастополисе возобновляется со II в. н. э. Сообщение Прокопия Кесарийского о том, что римские гарнизоны разрушили Севастополис, касается не только крепости, но и всего города.

Сведения о Севастополисе дополняются материалами раскопок сотрудников Абхазского института ЯЛИ им. Гулиа и Института истории, археологии и этнографии им. Джавахишвили АН Грузинской ССР(59).

К сожалению, первый культурный слой был снесен во время благоустройства набережной, поэтому материалы наиболее поздних слоев не являются показателем конца городской жизни на этой территории. Они охватывают период с конца IV века до V века н. э.(60), свидетельствуют об интенсивной экономической жизни города. Основная часть находок этого слоя — многочисленные обломки разнотипных амфор,

краснолаковая посуда.

Аналогичная посуда встречается в Питиунте. Она широко распространена в Северном Причерноморье и датируется концом II — первой половиной III в. н. э. Это обстоятельство указывает на то, что города Абхазии имели торгово-экономические отношения с городами Северного Причерноморья.

59 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч, с, 209; Трапиши М. М. Раскопки древнего Себастополиса..., с. 236.

60 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 222.

110

Помимо обиходной кухонной и столовой посуды, в Себастополисе или в Пицунде изготавливали и краснолаковую посуду. «Большая часть сухумской краснолаковой керамики по форме повторяет общеизвестные типы, но встречаются и оригинальные, своеобразные формы. Например, найденная здесь краснолаковая пелика не находит аналогии среди краснолаковой посуды Средиземноморья и Причерноморья. По всему Причерноморью только в Сухуми и в Пицунде встречаются глубокие миски с бороздчатыми стенками и такими же горизонтально приклеенными ушками»(61). На территории Сухумской крепости раскопки велись сравнительно на небольшой площади, при этом было обнаружено большое разнообразие краснолаковой керамики. Это обстоятельство указывает на то, что употребление красивой посуды в позднеантичную эпоху в Сухуми носило массовый характер. По мнению Р. В. Путуридзе, краснолаковую керамику в Себастополисе употребляли до V в.(62). Особое внимание обращает на себя два типа сосудов из желтовато-красной глины: 1) глубокие миски с высоким гофрированным вертикальным бортиком и горизонтально налепленными ручками и 2) миски на маленькой кольцеобразной подставке с округленными стенками, венчиком с острыми ушками. Подобные сосуды зафиксированы и в Пицунде(63). Эти типы, как видно, характерны только для Абхазии, что указывает на местное происхождение.

Таким образом, сведения письменных источников и археологический материал, дополняя друг друга, дают определенное представление о характере городской жизни Себастополиса. Монеты, краснолаковая керамика и амфоры свидетельствуют о тесных торгово-экономических связях Себастополиса с внешним миром. Город Себастополис имел торговые связи с народами Средиземноморского бассейна и с Северным Причерноморьем. Караванный путь связывал этот город с древним центром Армении Арташатом(64). По сообщению

61 Путуридзе Р. В. Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости. – В кн.: МАГК, т. 4, с. 106.

62 Там же, с. 105.

63 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Л. Указ. соч., с. 220.

64 Чилашвили Л. Города в феодальной Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1968, с. 112.

111

Константина Порфирогенета, товар из Абхазии поступал в Артанудже(65).

На территории Абхазии находился другой значительный город — Питиунт (до сих пор сохранившееся абхазское название Амзара означает «Сосновая»). Он в греко-латинских источниках называется Питиунт. Это название встречается с I в. до н. э. Грузинское название Бичвinta встречается с XI в. Город упоминается у грузинского историка Джуаншера, который иногда называет его и Питиотой(66). Этимология греко-латинского названия этого города имеет важное значение для правильного освещения его истории.

В литературе встречаются попытки обосновать грузинское (лазское) происхождение этого города. Основным аргументом для такого утверждения является сообщение Прокопия Кесарийского. Там, где он перечисляет лазские крепости, упоминает также Питиунт и Себастополис. Соответствует ли действительности это сообщение Прокопия? Для выяснения этого вопроса необходимо проанализировать все остальные сведения о Питиунте.

Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» пишет «За ними (зихами. — М. Г.) живут саниги; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Себастополь и Питиунт»(67). Как видно из этого сообщения, Питиунт — римская крепость и находится не в Лазике, а в Санигии. В другом месте Прокопий пишет: «Если идти по направлению к Меотийскому болоту, напротив Лазики были два укрепления — Себастополь и Питиунт»(68). И в этом сообщении Прокопия Питиунт находится не в Лазике. Таким образом, Прокопий Кесарийский только однажды причисляет Питиунт к лазским крепостям, а два раза отрицает свое же сообщение.

Следовательно, анализ сведений источников не дает основание считать Питиунт лазским городом.

Некоторые ученые считают Питиунт лазским городом на основе этимологии его названия. Название города Пицунды они производят от грузинского слова «пичви» (сосна), якобы давшего «Бичвinta».

65 Георгика, т. 4, ч. 2, с. 278—279.

66 Картлис цховреба, т. 1, с. 215, 238.

67 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 383.

68 Его же. О постройках, с. 249.

Некоторые это слово считают составным: «пичви» — сосна и «мта» — гора(69). Следует отметить, что если вторая часть слова означает «гора», тогда должно было быть не «нта», а «мта» (по-грузински гора — «мта»). Однако в Пицунде нет горы, древний город расположен на равнине. Сосновая роща также находится на равнине. Вряд ли здесь могло образоваться грузинское название, означающее сосновую гору. На территории Абхазии часто встречается абхазский локативный суффикс «та», не имеющий ничего общего с грузинским словом «мта» (Кудырта, Гумиста, Аапста, Хыпста, Бзыпта, Пуста и др.). Суффикс «та» составляет морфологическую особенность не грузинских, как это полагает Г. А. Пирцхалава, а абхазских топонимов(70). Однако и этот абхазский суффикс не имеет отношения к древнему названию Пицунды. Слово «Питиунт» не является составным.

Касаясь этимологии интересующего нас топонима, С. Г. Каухчишвили доказывает,

что город Питиунт свое название получил от грузинского названия сосны (пичви). Самый ранний археологический материал, связанный с культурным слоем, относится к греческой среде и датируется не ранее I в. н. э.(71). По данным письменных источников и по мнению авторитетных исследователей (Г. А. Меликишвили, А. М. Апакидзе), римские гарнизоны в Пицунде стояли со II в. н. э.(72). Самый ранний археологический материал (монеты, коричневолаковая керамика)(73) неместного происхождения. Это период «Великого Питиунта», т. е. городской жизни. Город, следовательно, свое название мог получить на языке того народа, который заложил его основу. По-

- 69 *Пирцхалава Г. А. Греческое ли название Пицунда? — В кн.: XXIX научная сессия профессорско-преподавательского состава Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, посвященная 50-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии и Компартии Грузии. — Сухуми, 1971, с. 47.*
- 70 *Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнографии и топонимики Абхазии. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 27. — Сухуми, 1956, с. 290—297.*
- 71 *Бердзенишвили К. И. К истории «краснолаковой» керамики..., с. 108.*
- 72 *Апакидзе А. М. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 17—18; Очерки истории Грузии, т. 1, с. 538.*
- 73 *Апакидзе А. М. Указ. соч. — В кн.: Великий Питиунт, т. 1, с. 23.*

113

этому грек не стал бы образовывать форму именительного падежа от незнакомого ему грузинского названия, когда перед его глазами находилась сосновая роща. Традиция образования названий городов от сосновой рощи у греков была давно, еще до прихода в Питиунт. Так, например, известна Пития в северо-западной Мисии, между Парием и Приаром. Об этом Страбон пишет: «Пития находится в Питиунте, что в Парийской области; над ней возвышается гора, покрытая сосновым лесом»(74). Другие примеры: Пития — город в Троаде(75), Питиуса, прежнее имя Лампсака, Хиоса и Саламина(76), Питусские острова, у берегов Иберии(77).

Мы можем сопоставить созвучие названий двух пунктов — в Парийской области (Троаде) и на северо-восточном побережье Черного моря (Абхазии). В обоих случаях местность получила свое название от сосновой рощи. Притом форма «Питиунта» (род. п. ед. числа) образована именно от названия сосны — питиус, но не наоборот, как это думают некоторые исследователи.

Выше говорилось о том, что древнее название Пицунды встречается как в греко-латинских письменных источниках, так и в грузинских. Авторы первых источников — современники самого города Питиунта, а вторых источников — гораздо более поздние (XI в. и позже). При этом у Джуваншера встречается наряду с Бичвинта и Питиота — явно негрузинское название. Возникает вопрос, не является ли грузинское название города Бичвинта результатом искаженного произношения греческого названия Питиунта.

В то время на территории Абхазии отсутствовали топонимы грузинского происхождения. Утверждении, что на мозаичном полу в Пицунде сохранившееся лишь отчасти имя ктитора принадлежит грузинскому вельможе(78), весьма сомнительно. Также нужно считать неверным толкование надписи из трех греческих

букв Аки(79), сохранившееся на фрагменте амфоры. Это слово

74 Страбон. География, с. 550—551.

75 Там же.

76 Там же, с. 374, 552.

77 Там же, с. 161.

78 Георгиа, т. 1, с. 8; Каухчишвили Т. С. Греческая надпись бичвинтской мозаики. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 232; Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. — В кн.: ВДИ. № 2. — М.; Наука, 1970, с. 190 191.

79 Рамишвили Р. Археологические раскопки в Бичвиите. — В кн.: МАГК, т. 4, с. 118.

114

относится к абхазской ономастике иозвучно с абхазским названием города Сухуми Акуа. Кроме того, имеется монета с греческой надписью «Акой»(80).

Следовательно, древнее название города Пицунды Питиунт по происхождению является греческим.

Питиунт играл важную экономическую и политическую роль на побережье всей Колхиды. Страбон этот город называет «Великий Питиунт»(81). Город был богат и часто подвергался ограблению. Об этом сообщает Плиний Секунд (I в. н. э.), который пишет: «Внутри этого пространства богатейший город Питиунт разграблен иниохами»(82).

Автор V в. Зосим пишет: «Варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань»(83). Мы можем однозначно сказать, что мощной стеной мог быть обнесен только богатый город. Удобная гавань также указывает на то, что город имел торговые отношения со многими государствами и городами, с которыми он общался морским путем.

Питиунт упоминается у Феодорита, епископа Кирского (V в.) в связи с кончиной Иоанна Златоуста. Он пишет: «Не только изгнали его из Константинополя, но и послали в маленький и запустелый городок Армении, по имени Кукус, а затем вывели и оттуда и переселили в Питиунт. Это крайний предел Понта и римской власти»(84). Упоминание о Питиунте имеется у автора IV века Ермия Созомена, оно связано с высылкой Иоанна Златоуста в Питиунт(85). Автор IV в. Аммиан Марцелин этот город называет «не безызвестным» городом наравне с Трапезунтом(86). Питиунт упомянут у Анонима V в.(87).

Прокопий Кесарийский тоже упоминает Питиунт, но не как город, а как крепость. Он пишет: «За ними (зихами.— М. Г.) живут саниги, приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения

80 Капанадзе Д. Г. Новые материалы к изучению статеров царя Аки. — В кн.: ВДИ, 1.— М.: АН СССР, 1948, с. 150—155.

81 Страбон. География, с. 471.

82 Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, Греческие писатели, вып. 1, с. 17.

83 Там же, вып. 3, с. 790.

84 Там же, вып. 3, с. 779.

85 Георгиа, т. 1, с. 242.

86 Там же, с. 109.

они выстроили два приморских укрепления, Себастополь и Питиунт»(88). В данном случае автор имеет в виду период строительства крепостей, но не VI в.

В Питиунте постоянно находились римские гарнизоны, он является одним из опорных пунктов римской власти в Абхазии. Эта крепость и во времена Прокопия Кесарийского находилась в руках римлян, тогда как они потеряли все крепости на территории Лазики(89).

Этот город упомянут в сообщениях древнегрузинского историка Джуваншера(90), но этот автор, по-видимому, не имел правильного представления о городе. В указанном источнике упомянуто искаженное греческое название Питиунта «Питиота», и он отождествлен с городом Цхуми (Себастополис). В источнике сказано так: «Двинулся и расположился лагерем в Питиота, на побережье моря, в городе, который называется Цхуми»(91). Это сообщение связано с походом арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда в 736–738 гг. Другое сообщение Джуваншера о Питиунте связано с принятием христианства абазами и со строительством Юстинианом I храма Богоматери для абазгов(92). Это сведение взято редактором «Картлис цховреба» из «Ведомостей» Ефрема Малого(93).

Следовательно, по данным письменных источников, Питиунт был городом и римской крепостью. Однако по этим источникам трудно охарактеризовать город и городскую жизнь. По этим вопросам важнейшие сведения дает археологический материал.

Город Пицунда археологически изучается непрерывно с 1952 года, выявлен богатейший археологический материал.

Как было сказано выше, авторы I в. Страбон называет Питиунт «большим городом», а Плиний Секунд — «богатейшим городом». Нам трудно определить какое время имели в виду названные авторы, когда говорили о «большом» или «богатейшем» городе, но, по данным археологии, в I в. н. э. город был незначительным: в культурных слоях этого века редко встречается краснолаковая посуда(94). Также но очень богаты куль-

88 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 383.

89 Там же, с. 383–384.

90 Картлис цховреба, т. 1, с. 238.

91 Там же.

92 Там же, с. 215.

93 Там же.

94 Асатиани Л. В. Краснолаковая керамика из Пицунды. – В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 210.

турные слои II в. н. э., хотя они заметно отличаются от слоев I в. н. э. Это обстоятельство указывает на то, что городская жизнь в Питиунте, постепенно развиваясь, достигает расцвета в III в., что в свою очередь подтверждается появлением разнообразной керамической посуды, в частности краснолаковой: арибаллы, блюда, разные чаши, кувшины и многое другое, в том числе

орнаментированные экземпляры(95). Большое количество керамики прослеживается на всех раскопанных участках, датированных III в. и более поздним временем. Краснолаковая керамика обильно представлена не только в Пицунде и Сухуми, но и в Цебельде. В основной своей массе эта керамика является импорт-ной, притом разновременной.

По археологическим данным видно, что Питиунт в III—IV вв. был богатым городом. Не случайно, что варвары неоднократно нападали на Питиунт. В 252 году Питиунт был ограблен скифами. Об этом Зосим писал: «Варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший удобную гавань. Когда Сукессиан, стоявший во главе местного гарнизона выступил с большими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав об этом и соединившись с птиунским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились восвояси, потеряв под Питиунтом многих из своих»(96).

Следы ограбления, разрушения и перестройки были выявлены во время археологических раскопок. По данным археологии, город Питиунт особенно многолюдным и богатым был в III—IV вв.

Общественные здания неоднократно разрушались и вновь восстанавливались. В мирное время крепостные сооружения использовались в хозяйственных целях. В этом отношении показательна IV башня города-крепости. Вот что пишет относительно ее О. С. Гамбашидзе: «Изучение культурных слоев, раскопанных внутри IV башни, свидетельствует о том, что в ее истории существовало три основных этапа: первоначально башня использовалась в оборонительных целях; в дальнейшем

95 Там же.

96 Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, Греческие писатели, вып. 3, с. 790.

117

внутри башни были устроены рыбозасолочные ванны типа боспорских, но меньших размеров, что указывает на хозяйственное значение башни в определенный отрезок времени. На третьем и последнем этапе башня вновь приобретает оборонительные функции»(97).

В городе, кроме производства керамической посуды, существовали и другие отрасли хозяйства. «Среди добытых материалов заслуживают внимания заготовки украшений, технический брак, а также ковш-лячка для переливания расплавленного металла. Эти находки дают основание предположить наличие в городе-крепости мастерских по изготовлению металлических предметов и украшений»(98).

В Питиунте имелась и общественная баня, которая была обнаружена на IV участке Пицундского городища и датирована III—IV вв. н. э."(99).

Л. Чилашвили утверждает, что Пицунда как городской центр после античной эпохи слабеет, что особенно заметно с V—VI вв.(100). Судя по материалам раскопок городища, падение Питиунта начинается не постепенно, а внезапно, притом не в V, а в VI веке. О. С. Гамбашидзе считает, и мы с этим согласны, что «40-е годы VI века н. э. следует считать последним периодом использования башни в качестве оборонительного сооружения. После основательного разрушения башни в VI в. н. э. она не восстанавливалась»(101). Итак, самый верхний культурный слой датируется VI

В.

Падение городской жизни в Питиунте было связано с ирано-византийской войной в Лазике. В середине VI века, после некоторых неудач, персидский царь Хосрой решил завладеть Абхазией. «Но когда персидский царь Хосрой был призван лазами в Петру, — сообщает Прокопий Кесарийский, — он очень хотел послать сюда (в Питиунт и Севастополис. — М. Г.) персидское войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания

97 Гамбашидзе О. С. Результаты археологических раскопок на VII участке города-крепости Бичвинта. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с., 144.

98 Там же, с. 143.

99 Толордава В. IV участок Бичвинтского городища, — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 157.

100 Чилашвили Л. Города в феодальной Грузии, с. 17.

101 Гамбашидзе О. С. Указ. соч., с. 144.

118

разрушили стены и, без малейшего промедления, сев на суда и переправившись на противоположный материк, ушли в город Трапезунт»(102). Сообщение Прокопия подтверждается археологическим материалом.

Среди импортного материала большое место занимает стеклянная посуда, которая в большом количестве была выявлена в Пицунде(103), в Сухуми(104) и в Цебельде(105). Следует отметить, что такая посуда редко встречается среди археологических материалов Западной Грузии, но зато в большом количестве выявлена в городах Северного Причерноморья(106). Это обстоятельство трудно объяснимо. По мнению Раднота, стеклянная посуда с «бородавками» производилась в нескольких центрах и распространялась по всей территории римского мира. Это мнение разделяют и некоторые археологи. Исходя из обилия стеклянных сосудов, Раднот допускал возможность наличия такого центра и в Интеркизее. Аналогичную возможность допускает Р. Рамишвили (а также некоторые другие авторы) в отношении Пицунды, где стеклянная посуда, в том числе с напаями, представлена обильно(107). Однако это мнение еще окончательно не утвердились, и названная стеклянная посуда в основном считается импортной. Если первоначально этой посудой пользовалась только знать, то в IV—V вв. она находилась в массовом употреблении. Обилие стеклянной посуды в Питиунте, Цебельде, Сухуми указывает на торговые сношения населения Абхазии с внешним миром. Об этом же говорит и денежное обращение. Так в Пицунде найдено множество монет I—VI вв., которые, как и остальные материалы раскопок, в большинстве своем относятся к III—IV вв. К примеру на III участке города-крепости было выявлено 107 монет

102 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 384.

103 Его же. Археологические раскопки в Бичвинта. — В кн.: МАГК, т. 3, с. 72; Гамбашидзе О. С. Бичвинта, предварительный отчет..., с. 86; Лордкипанидзе О. Д. Предварительный отчет разведочных арх. работ... — В кн.: МАГК, т. 3, С. 98—99.

104 Анакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 218.

- 105 Трапиши М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг., с. 264—265; Его же. Труды, т. 3, с. 139—142; Гунба М. М. Указ. соч., с. 74.
- 106 Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. — В кн.: ИГАИМК, 80. — М. — Л., 1934, с. 32.
- 107 Рамишвили Р. Археологические раскопки в Бичвинта, с. 74.

119

II—IV вв. н. э., главным образом римского происхождения. Среди них встречались и трапезунтские городские монеты(108).

Питиунт — благоустроенный город с мощеными улицами, канализационными сооружениями(109) — был окружен мощной оборонительной стеной. Город делился на две части: древнюю и новую. Более древней считается западная часть.

Планировка города прямоугольная: от центральной магистрали улицы ответвлялись под прямым углом. В этой части города размещались все административные здания(110).

Известно, что развитие городов во многом определяется их положением по отношению к торговым путям. Развитие Пицунды, безусловно, определялось его связями со многими ремесленными и сельскохозяйственными центрами мира. В «Космографии» анонимного автора VII в. показан магистральный путь, соединяющий Западное Закавказье с Северным Кавказом, заканчивающийся в г. Германассе на Таманском полуострове(111). Материалы раскопок свидетельствуют о том, что городская жизнь на территории города-крепости Питиунта после разрушения в 542 г. не возобновлялась. О дальнейшей городской жизни Питиунта молчат и письменные источники.

Города Абхазии были не только экономический центрами, но и политico-идеологическими центрами, но и политico-идеологическими. Особенно выразительны в этом отношении материалы, связанные с Питиунтом, где археологами выявлены остатки древних храмов. В одном из храмов был мозаичный пол. И. Цицишвили утверждает, что «мозаика древнего храма в Пицунде создана не позднее последней трети IV века, а свежесть и понимание декоративных принципов, живая связь с древними традициями не исключает ее принадлежность и к середине IV в.»(112). «В первой тре-

108 Его же. Археологические раскопки в Бичвинта. — В кн.: МАГК, т. 4, с. 117; Дундуа Г. Ф. Еще раз об иконографии трапезунтских монет. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 346—347.

109 Путурдзе Р. В. Итоги археологического изучения..., с. 133.

110 Апакидзе А. М. Пицунда, 1972. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 43.

111 Очерки истории Грузии, т. 2, с. 173.

112 Цицишвили И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, т. 2, с. 116; Рамишвили Р. Археологические раскопки..., — В кн.: МАГК, т. 4, с. 107.

120

ти IV в. строится древнейшая одненефная базилика с полукруглой апсидой, которая

могла быть резиденцией птицунтского епископа Стратофила»(113).

Во второй половине IV века на месте разрушенной церкви строится большая базилика с мартерием, баптистерием, великолепным мозаичным настилом, мраморными колоннами и богатым убранством(114).

В конце IV в. храм был вновь восстановлен. В начале VI века город снова возрождается и строится малый храм.

Храм с мозаичным полом достаточно хорошо характеризует городскую жизнь того времени. Весьма интересна мысль, высказанная исследователем этого памятника Л. Мацулевичем. «Своеобразие этого мастерства выступает особенно четко, — пишет он, — если сопоставим нашу мозаику со второй кавказской выдающейся мозаикой, открытой в Гарни. Пицунда в Абхазии и Гарни в Армении — эти два культурных центра в Закавказье, сохранившие образцы художественной вымостики, представляют собой независимые школы мозаического искусства. Они складывались не на тождественной основе, питались каждой своими связями, осваивали неодинаковое культурное наследие, развивались без непосредственного воздействия одной на другую. «Каждый был центром своей страны, своего народа. В Пицунде художественные образы эллинистического наследия — еще живые и действенные — сливались с исконными народными образами кавказского приморья. В них отчетливо реалистическое содержание, в них выражено жизнеутверждающее мироощущение, чувство подлинно народного оптимизма. Их нельзя оторвать от родной старины, от образов местного фольклора»(116).

Храм с мозаичным полом изучен Л. А. Шервашидзе. Он, анализируя отдельные элементы мозаики, приходит к выводу, что пицундская мозаика исполнена местными мастерами. Он пишет: «Все делается понятным и становится на свое место, если предположить, что мозаика исполнялась только местными мастерами, возможно, обучавшимися в каком-то художественном центре (скорее всего в Палестине), мастерами, которые хотя и имели определенные образцы и эскизы, но при

113 Цицишвили И. Указ. соч., с. 118.

114 Там же.

115 Мацулевич Л. Мозаика Бичвинты — Великого Питиунта. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 168.

этом не могли не сохранить свои характерные стилистические особенности»(116).

Как известно, древние города Абхазии — Себастополис и Питиунт — были крупными экономически центрами. Для того времени ремесленное производство в этих городах находилось на высоком уровне. Жители городов производили не только традиционную простую посуду, но и высококачественную столовую керамику.

До последнего времени вся краснолаковая керамика считалась импортной. Однако изучение Себастополиса и Питиунта привело археологов к выводу о том, что своеобразные, не имеющие аналогов краснолаковые сосуды принадлежат местному производству(117). По этому поводу Р. В. Путуридзе пишет: «Большая часть сухумской краснолаковой керамики по форме повторяет общеизвестные типы, но встречаются и своеобразные формы, например, найденная здесь краснолаковая

пелика не находит аналогов среди краснолаковой посуды Средиземноморья и Причерноморья. Во всем Причерноморье только в Сухуми и Бичвинте встречаются глубокие миски с бороздчатыми стенками и такими же горизонтально приклеенными ушками»(118). В Пицунде, Сухуми и Цебельде встречается краснолаковая керамика с волнистым орнаментом(119). По мнению К. И. Бердзенишвили и Р. В. Путурдзе, эта керамика изготовлена в Абхазии.

Как было отмечено выше, в позднеантичное время и в начале раннего средневековья население Абхазии сносилось с внешним миром. Торговые связи Абхазии со многими странами Средиземноморского бассейна, со временем римского владычества, получили интенсивный характер. Как отмечает Р. В. Путурдзе, находки предметов, завезенных из других стран, а также интенсивное денежное обращение указывают на существование оживленной торговли, а разнообразие археологического материала доказывает высокий уровень развития ремесленного производства. Р. В. Путурдзе, изучая керамику не только Абхазии, но и всей Западной Грузии, отмечает, что в римскую эпоху керамическая посуда

116 Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика. — В кн.: Великий Питиунт, т. 3, с. 186.

117 Бердзенишвили К. И. К изучению «краснолаковой» керамики, с. 122.

118 Путурдзе Р. В. Краснолаковая керамика..., с. 105—106.

119 Бердзенишвили К. И. Указ. соч., с. 114—115; Путурдзе Р. В. Указ. соч., с. 104—105.

122

не является продукцией художественно-ремесленного производства, поскольку ее заменяет металлическая и стеклянная посуда. Р. В. Путурдзе пишет, что чем древнее посуда, тем обильнее и тщательнее орнаментирована(120).

Следует отметить, что Р. В. Путурдзе имеет в виду керамику Западной Грузии. Но эти выводы нельзя распространить на Абхазию. Раскопки Севастополиса, Питиунта и Цебельды свидетельствуют о том, что позднеантичная керамика Абхазии отличается высоким мастерством художественного исполнения, несмотря на то, что здесь широкое распространение имела и металлическая, и стеклянная посуда. К. И. Бердзенишвили, в частности, писала, что позднеантичная и более поздняя керамика, происходящая из села Ольгинского и к нему прилегающей территории, характеризуется отшлифованными формами и красивыми пропорциями и в этом отношении большинство посуды не имеет аналогии в Грузии и за ее пределами(121). Далее она подчеркивает, что если позднеантичная керамика Грузии редко орнаментирована, то в Абхазии вся керамика укрупнена, для чего использованы рельефно-спиральный, врезной, точечно-ромбовидный, волнистый и другие орнаменты.

К числу значительных городов Абхазии первого тысячелетия нашей эры относится Анакопия. Город был окружен двумя линиями стен — огражденная площадь Анакопии превышает площадь Питиунта. Первая линия — это цитадель с двумя башнями на вершине горы. Входная калитка, расположенная в южной стене на высоте двух метров, была сооружена из трех громадных монолитов тесаного известняка. Как полагает М. М. Трапш, «значительная высота калитки от поверхности земли указывает на существование здесь подъемного мостика на цепях»(122). Стены цитадели сложены из тесаных квадров известняка. Они хорошо пригнаны друг

к другу и чередуются между собой то широкой, то узкой стороной. В кладке использован известковый раствор высшего качества. По мнению М. М. Трапши, стены цитадели были сооружены в V—VI вв., а башни — в VII—VIII вв.(123).

120 Путуридзе Р. В. *Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии*, с. 69.

121 Бердзенишивили К. И. Указ. соч., с. 106.

122 Трапши М. М. *Труды*, т. 4, с. 90.

123 Там же, с. 96.

123

Внутри цитадели расположены «осадный» колодец с питьевой водой и храм зального типа. Он много раз перестраивался. Только алтарная часть более или менее сохранила первоначальные очертания. Остальные части подвергнуты переделке. По мнению А. С. Башкирова, древние части базилики относятся ко времени до VIII в. (124). Об этом говорят и архитектурные орнаментированные фрагменты VI—VII вв.(125).

Вторая линия обороны расположена ниже цитадели и состоит из трех частей: восточной, южной и западной. В самой мощной южной стене семь башен.

Нижние этажи башен датируются VII в.(126). Согласно археологического материала Анакопийская крепость функционировала в пределах VII—XII вв. По мнению М. М. Трапши, в VII—XII вв. на склонах крепости, в пределах второй линии анакопийских укреплений, существовали жилые постройки, о чем говорят многочисленные обломки строительного керамического материала (черепица, кирпич), тесаные камни и отдельные куски штукатурки из известкового раствора с мелким песком, обнаруженные в раскопанных террасах крепости. Жилыми помещениями являлись одновременно также и все исследованные боевые башни южной оборонительной стены(127).

Внутри этой ограды была выявлена печь для обжига извести, которая свидетельствует о том, что для строительства и реставрации оборонительных линий известь готовилась на месте, здесь же археологами установлено наличие мостовой, выложенной из крупных обломков камней и щебенки.

По некоторым письменным источникам, в Анакопии существовали и другие оборонительные и общественные сооружения. Так, например, автор первой половины XIX века Фредерик Дюбуа де Монпере пишет, что оборонительная стена от Анакопии спускалась до самого моря и закрывала проход по берегу(128). Из этого следует, что территория города Анакопия простиравась от подножья до вершины горы. Это мнение в какой-то степени подкрепляется сведениями Вахушти Багратиони,

124 Башкиров А. С. Указ. соч., с. 53.

125 Хрушкова Л. Г. *Скульптура раннесредневековой Абхазии*, с. 26—31.

126 Трапши М. М. *Труды*, т. 4, с. 107.

127 Там же, с. 146.

128 Дюбуа Ф. де Монпере. *Путешествие вокруг Кавказа*. — Сухуми, 1937, с. 129.

124

автора XVIII века: «Был город благоустроенный, прелестный над морем, — пишет он, — затем возвеличенный Багратионами, в море у которого и сегодня виднеется около сорока колонн»(129). Прекрасная, величественная Анакопия существовала и после смены царской династии в Абхазии в раннем средневековье.

Таким образом, на территории Абхазии имелись города — ремесленно-торговые центры — еще с VI в. до н. э. В них вместе с местным населением жило и греческое со своим социальным строем. Развитие ремесла и торговли в этих городах не могло не отразиться на развитии социальных отношений в Абхазии.

На развитии социальных отношений в Абхазии не могло не отразиться и денежное обращение, имеющее место с эллинистического времени и особенно интенсивное с первых веков нашей эры, о чем свидетельствуют находки в Пицунде, Севастополисе, Герзеуле, Лыхны.

Городская жизнь в позднеантичной Абхазии процветает. Особенно высокого уровня достигает ремесло и торговля. Импортный материал встречается во всех пунктах Абхазии.

Процветание городской жизни в позднеантичной Абхазии также указывает на общественное разделение труда, на появление профессиональных ремесленников, т. е. на наличие классового общества, возникшего еще до нашей эры.

Иначе говоря, на территории Абхазии в I тысячелетии н. э. обнаруживаем все признаки классового общества. Сравнительный анализ археологического материала из городов и сел Абхазии с материалами городов Лазики свидетельствуют о том, что города Абхазии были значительно богаче городов Лазики.

Следует обратить внимание на находки в Абхазии перстней-печатей. О колхидских перстнях-печатях V—III вв. до н. э., в том числе и абхазских, М. Лордкипанидзе пишет, что они имели разные функции: «1 — правовые печати: а) правовая печать особой значимости. Это засвидетельствованная надписью инсигния знатного высшего должностного лица — Дедатоса (Вани, погребение знатного «колха воина»); б) официальная (правовая) печать, которая применялась при менее важных обстоятельствах и нуждах общественной важ-

129 *Картлис ცხოვребა*, т. 4, с. 781.

ности, имела второстепенное значение (подразумевается вторая золотая печать Дедатоса с изображением всадника с конем»(130). М. Лордкипанидзе полагает, что существовали также печати общего назначения, которые были в ведении определенного должностного или доверенного лица(131). Она также признает наличие индивидуальных или личных печатей, которые были распространены среди разных слоев населения, доказательством тому служит низкий уровень исполнения изображений(132). По утверждению М. Лордкипанидзе, привозные перстни происходят только из погребений правящей верхушки(133).

В Абхазии перстни-печати были выявлены в следующих местах. В одном погребении (№ 9 некрополя Гуадиуху) были найдены восемь литых бронзовых перстней, на щитках которых имеются тончайше выполненные врезные изображения животных и человеческих фигур(134). Такие же перстни были выявлены в других погребениях

некрополя Гуадиуху и Красного Маяка(135), где наряду с животными и человеческими фигурами вырезаны изображения птиц. В пяти погребениях было найдено по одному перстню и в двух — по два. Один перстень-печать был найден в погребении представителя древнеабхазской знати рядом с Эшерским городищем, о чём Г. К. Шамба пишет: «На эшерской бронзовой печати следует видеть переплетение элементов греко-персидской, с одной стороны, и местно-самобытной, с другой»(136). Перстни-печати из Абхазии указывают на наличие частной собственности и классового общества еще в V—III вв. до н. э., тем более нет основания утверждать отсутствие такого общества в первых веках нашей эры. Имеется археологический материал, указывающий на имущественное расслоение. Так, например, в с. Тагилони Гальского района была найдена группа золотых вещей, относящихся к I—III вв., которые, по мнению

130 Лордкипанидзе М. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. — Тбилиси: Мецинереба, 1975, с. 116.

131 Там же.

132 Там же, с. 117.

133 Там же.

134 Трапиш М. М. Труды, т. 2, с. 253—255.

135 Там же, с. 28, 34, 245, 246, 257, 266, 278.

136 Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении, с. 105.

126

Г. Ломтатидзе, принадлежали военачальнику развитого государства(137).

З. В. Анчабадзе и М. Д. Лордкипанидзе допускают высокий уровень развития производительных сил, земледелия, животноводства, ремесла, наличие товарного производства, интенсивной торговли, углубление общественного разделения труда, наличие торгово-ремесленных центров городского типа уже в VI—IV вв. до н. э.(138). Исходя из анализа археологического материала II—VI вв. из Цебельды, Ю. Н. Воронов пишет: «Все это позволяет определить социально-политический строй древних цебельдинцев как «военно-демократический»(139). И доказывает это следующим образом: «Если черты имущественной дифференциации почти не проявляются внутри отдельных родов, то между ними существовала хорошо прослеживаемая разница как в приобретении предметов роскоши, так и в хозяйственной специализации. Так, стеклянная, краснолаковая и местная амфорная посуда фиксируется пока почти исключительно в Шапкинском могильнике. Здесь же в основном обнаружены наборы женских туалетных принадлежностей. Вся известная монета на территории внутренней Цебельды сосредоточена в погребениях Шапкинского и Цибилиумского могильника. В то же время, если для всех остальных погребениях исторической Цебельды был характерен обычай класть в могилы женщин мотыги, прядлища и даже зернотерки, то ни в одном захоронении Шапкинского могильника таких изделий не найдено. Здесь преобладали предметы импорта и роскоши и отсутствовали орудия труда. Следовательно, в Шапке существовали какие-то особые условия, исключавшие необходимость обработки земли и получения сырья для нужд домашнего хозяйства. В то же время женщины Шапки в большей степени

уделяли вниманне своей внешности, чем жительницы многих других поселений исторической Цебельды. Это явление не может объясниться иначе, как определенной хозяйственной специализацией различных родов, причем поселение большинства периферийных поселений было занято непосредственным производством средств к существова-

137 Ломтатидзе Г. Указ. соч., г. 372.

138 Анчабадзе З. В., Лордкипанидзе М. Л. Дискуссия о происхождении классового общества в Грузии (краткий отчет). — В кн.: Труды института истории им. И. Джавахишвили, т. 1. — Тбилиси, 1955, с. 412.

139 Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины, с. 103.

127

нию, в то время как отдельные роды были исключены из этой системы, потребляя, по всей видимости, ее излишки»(140).

Ю. Н. Воронов при рассмотрении археологическом материала из Цебельды признает наличие такой части общества в нагорной Абхазии, доходы которой не были связаны с непосредственным физическим трудом, т. е. обработкой земли. Наличие богатых и бедных указывает на общество, где одна «группа может себе присваивать труд другой, благодаря их местам в определенном укладе общественного хозяйства»(141). Естественно, такое общество является классовым. Однако археологические источники ничего не могут сказать о формах присвоения труда одних членов общества другими. По утверждению Ю. Н. Воронова, в Цебельде были поселки бедных и богатых. На наш взгляд, наличие стеклянной, краснолаковой и местной амфорной посуды, а также предметов роскоши и украшения свидетельствуют об имущественной разнице как между отдельными родами, так и внутри родов, поскольку такие вещи были найдены почти во всех некрополях поселка Мрамба (Цебельда)(142). Следует также отметить, что в т. н. Шапкинском могильнике, куда Ю. Н. Воронов объединяет все могильники поселки Мрамба(143), наряду с богатыми погребениями встречаются и бедные с единичными предметами(144).

Анализ археологических материалов, изложенный в специальной литературе, свидетельствует о том, что среди населения нагорной части Абхазии II—VI вв. хорошо прослеживается имущественное различие и социальное расслоение, что население Цебельды занималось земледелием, животноводством, ремеслом и торговлей, что оно имело тесные контакты с культурными и в социальном отношении развитыми странами еще со времен греческой колонизации Черноморского побережья Кавказа и не прекращая их и в первом тысячелетии нашей эры.

140 Там же, с. 102.

141 Ленин В. И. Соч., 5-е изд., т. 39, с. 158.

142 Трапиши М. М. Труды, т. 3, табл. V—VII, XI, XX; Его же. Труды, т. 4, табл. X; Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии, табл. IV, XIV, XV; Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры, табл. VI, VIII, XI—XII, XIX, XX и др.

143 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 43.

144 Трапиши М. М. Труды, т. 3, с. 25, 29.

По мнению академика С. Н. Джанашиа, упомянутые Аррианом царства апсилов, абазгов и санигов были раннефеодальными политическими образованиями(145). Исходя из сообщения Арриана, С. Н. Джанашиа полагает, что правители апсилов не являлись вождями рода-племенного общества, поскольку они свою власть поняли не от последних, а от римских императоров(146).

Он также считал, что для поддержания власти этих веков было недостаточно римских гарнизонов, которые находились в Фазисе и Себастополисе; они должны были опираться на какие-то местные общественные силы(147). Когда Арриан указывал на то, что лазы, апсилы,

абазги и саниги имели царей, утвержденных римскими императорами, он также подчеркивал и то, что живущий южнее лазов народ не имел царей. Кого имел в виду Арриан, когда говорил о царях: настоящих царей или племенных вождей?

Отсутствие царей у санов говорит о том, что они находились на уровне родового-общинного строя. Несомненно, у них были вожди, но их Арриан не называл царями. А у абазгов, в отличие от санов, были цари. Если бы саны и абазги находились на одном уровне, тогда у последних не было бы царей. Сообщение Арриана можно толковать как свидетельство наличия классового строя у абазгов, санигов, апсилов и лазов.

С. Н. Джанашиа особое внимание придавал сообщению Прокопия Кесарийского о том, что иранский военачальник Набед, отступая из области абазгов, «взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»(148). По мнению С. Н. Джанашиа, этим самым Прокопий Кесарийский свидетельствует о наличии у абазгов родовитой феодальной знати, которая управляла страной(149). Он также подчеркивает роль византийского правительства в уничтожении абазгских царей в первой половине VI века, что, надо полагать, объясняется тем, что в то время т. н.. абхазская феодальная знать не столь была еще сильна, чтобы самостоятельно совершить социальный переворот. Прокопий не случайно пишет, что «при ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абазгов

145 Джанашиа С. Н. Труды, т. 2, с. 306.

146 Там же, с. 309.

147 Там же.

148 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 400.

149 Джанашиа С. Н. Труды, т. 1, с. 68.

облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абазга, Евфата именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилия природу. С удовольствием абазги услыхали этот приказ императора. Получив смелость в силу такого приказания императора, они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей»(150).

Таким образом, Прокопий засвидетельствовал наличие в Абхазии «самых знатных», естественно, имел виду при этом определенный социальный слой.

Аналогичный термин мы встречаем и в грузинских письменных источниках — «дид-дидни азнаурни», что высшие азнауры (высшее дворянство), что подразумевает наличие и других, простых азнауров.

З. В. Анчабадзе, придерживавшийся в основном мнения С. Н. Джанашиа, пишет: «И действительно, замечание Прокопия — «из числа самых знатных» — несомненно указывает на то, что речь идет о верхушечной части господствующего сословия абазгов, наряду с которой должна была существовать и рядовая знать, подчиненная, надо полагать, самым знатным»(151). Академик Г. А. Меликишвили считает упомянутых Прокопием мальчиков из знатнейших семей сыновьями вождей общин(152). В это же время он считает вождями общин и тех двух царей, против которых выступили абазги(153). Получается, что в VI веке в Абазгии было 62 вождя общин. Как видно из сообщения Прокопия Кесарийского, из множества знатных только двое были правителями Абазгии, что указывает на их явные привилегии. Исходя из всего этого, можно заключить, что «революция» VI века в Абазгии была «направлена против классового гнета, против тех, кто его осуществлял»(154).

З. В. Анчабадзе, в отличие от Г. А. Меликишвили допускает наличие в социальной структуре абхазского общества примитивно-рабовладельческого уклада. Он пишет: «Сообщение Прокопия о широко практикуемой

150 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 383.

151 Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, с. 17.

152 Меликишвили Г. А. Политическое объединение... с. 47.

153 Там же, с. 46.

154 Там же, с. 20.

абазгскими правителями («басилевсами») работорговле является, несомненно, косвенным свидетельством того, что в какой-то степени господствующие слои абазгов использовали в своих владениях и подневольный труд рабов (в частности, пленников)»(155). Далее добавляет: «Очевидно, как справедливо отмечает акад. С. Джанашиа, «в Абхазии того времени это рабовладельческое хозяйство было весьма слабым, и, возможно, что оно выражалось преимущественно лишь в «производстве» рабов в качестве рыночного продукта»(156).

На наш взгляд, С. Н. Джанашиа и З. В. Анчабадзе правы в том, что отрицают наличие рабовладельческого общества на территории Абхазии, а также и в том, что переворот в Абазгии произвел «молодой феодальный класс», а внешняя сила (Византия) сыграла лишь роль катализатора в разрядке событий»(157).

Полемизируя с этой точкой зрения, Г. А. Меликишвили подчеркивает, что в основе такой интерпретации источников VI в. об Абазгии лежит неоправданное стремление изобразить однородным социально-экономическое положение в масштабах всей Грузии(158).

Бессспорно, что уровень развития социальных отношений в разных областях Грузии был различным. Однако трудно согласиться с тем, что в северной части Колхиды, т. е. в Абхазии в первых веках нашей эры не было развитых социальных отношений, тогда

как именно в Абхазии были такие важные экономические и культурные центры как Питиунт и Севастополис(159). Ведь вислая печать Константина Абазгского была найдена именно в Питиунте(160). Здесь же были найдены и печать епископа Теодора(161), и печать епарха Петра VI—VII вв.(162), которые происходят из Анакопии. И как уже отмечалось, археологический материал свидетельствует о том, что эти города имели постоянные сношения с ми-

155 Анчабадзе З. В. *Из истории..., с. 17.*

156 Там же, с. 17.

157 Там же, с. 20.

158 Меликишвили Г. А. *Политическое объединение..., с. 45.*

159 Некоторые исследователи эти города почему-то считают лазскими.

160 Леквинадзе В. Вислая печать Константина Абхаза. — В кн.: *Сообщения АН ГССР*, т. 16, № 5. — Тбилиси, 1955, с. 404.

161 Апакидзе А. М. *Великий Питиунт, Археологические раскопки в Пицунде.* — В кн.: *Великий Питиунт*, т. 1, с. 30.

162 Хрущкова Л. Г. *Молевдул из Анакопии.* — В кн.: *Известия Абхазского института ЯЛИ*, т. 5. — Тбилиси: Мецниереба, 1976, с. 146—148.

131

ровыми культурными центрами, в частности, с развитыми областями Римской империи(163).

Бесспорным доказательством связей Абхазии с внешним миром являются пицундские находки монет из меди, серебра и золота(164). Так, например, на территории XVI раскопа в 1961 году был обнаружен клад медных провинциальных позднеримских монет, чеканенных от имени императоров Константина I (306—337 гг.) и его сыновей(165). В кладе было 302 монеты, в том числе 112 медных и 5 электровых монет византийского происхождения, охватывающих эпоху от правления императора Аркадия (395—408 гг.) до правления Ираклия (610-641 гг.) включительно. Основная их часть представляет монеты константинопольской чеканки (86)(165). В Пицунде было найдено более 1500 монет, в том числе из Антиохии — 104, Никомидии — 48, Кизика — 44, Константинополя — 40, Сиссия — 13, Александрии — 11, Фесалоника — 6(167). Хорошо прослеживается, как растет их количество с первых веков нашей эры. Так, например, если к I в. н. э. относятся только 3 монеты, то к II веку уже 50 монет, к III в. — 340 монет и к IV веку 520 монет(168).

Относительно экономических и культурных контактов Абхазии с внешним миром З. В. Анчабадзе пишет: «Во-первых, абазги и апсылы в действительности имели постоянное «соприкасание» с развитыми приморскими городами Абхазии и внешним миром. Во-вторых, нет никаких оснований считать, что абазги, апсылы и др. жили только в «скудных горных областях». Западная часть их владений упиралась, несомненно, в морское побережье»(169).

Город Питиунт с первых веков н. э. постоянно расширяется и соответственно растет его удельный вес в экономике и культуре Абхазии. Об этом же говорит наличие торгового пути, называемого «абхазским», свя-

163 *Очерки истории Грузии*, т. 1, с. 170.

- 164 Голенко К. В. *Денежное обращение Колхиды в римское время*. — Л., 1964, с. 34.
- 165 Хуцишивили И. А. *Клад позднеримских монет из Пицунды*. — В кн.: *Великий Питиунт*, т. 2, с. 302.
- 166 Там же, с. 333.
- 167 Дундуа Г. Ф. *Монетное обращение: и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э. — IV в. н. э.* — В кн.: *Великий Питиунт*, т. 1, с. 428.
- 168 Там же.
- 169 Анчабадзе З. В. *История и культура древней Абхазии*, с. 203—204.

132

зыавшего Абхазию с Северным Кавказом. Торговый путь, по сведениям одного неизвестного географа VII река, связывал Абхазию с Таманским полуостровом и с Малой Азией(170).

В городах Питиунт и Севастополис имелись свои производственные центры. Особый интерес вызывает Пицундская краснолаковая керамика с волнистым орнаментом. Фрагменты краснолаковой керамики с таким же орнаментом были найдены и в Севастополисе. Как известно, волнистый орнамент не характерен для античной керамики и вообще для античного искусства. Притом как декоративный элемент керамики он характерен для колхидской керамики раннеантичной и эллинистической эпох. Исходя из этого, О. Д. Лордкипанидзе полагает, что краснолаковая керамика с волнистым орнаментом местного гончарного производства(171). Следовательно, керамику производили не греки, а аборигены — факт сам по себе немаловажный для определения уровня керамического производства в Абхазии и его удельного веса в продукции местного производства. Помимо краснолаковой керамики, местные мастера изготавливали в большом количестве кухонную и обиходную столовую керамику, удельный вес которой к IV—VII вв. явно преобладал. Преобладание продукции местного керамического производства следует рассматривать как результат развития и верховенства местных производительных сил.

Культурно-экономические связи с передовыми странами тысячелетней давности не могли не оказать позитивного влияния на развитие населения Абхазии. И дальнейшее развитие Абхазии в экономическом и культурном отношениях, разумеется, не могло происходить в отрыве от развития социальных отношений. Следует также отметить, что продукцией местного гончарного производства являются и амфоры. О. Д. Лордкипанидзе в отчетах о разведочно-археологических работах указывает на наличие амфор в находках из Пицунды(172). Разнообразие амфор указывает на давнюю традицию их производства в Абхазии. В Питиунте и в Севастополисе известны амфоры с узким перехватом

170 *Очерки истории Грузии*, т. 2, с. 173.

171 *Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из Пицунды*, с. 173.

172 *Его же. Предварительный отчет о разведочно-археологических работах...*, с. 176.

133

в средней части туловища. Такая же тара изготавлялась и в Цебельде. Там же встречаются оригинальные амфоры с чащебразными венчиками. Вообще цебельдинская керамика II—VII вв. не имеет аналогов.

Развитие керамического производства в Пицунд, как и в других экономических центрах региона, указывает на расцвет ремесленного производства, на отделение гончарного ремесла от сельского хозяйства, на развитие городской жизни, а следовательно, указывает на наличие классового общества.

Город Себастополис известен еще с V в. до н. э. под названием Диокеурия.

Исследователи А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, проводившие здесь археологические раскопки, пишут: «V слой — III—II вв. до н. э. — отображает период экономического расцвета Диоскурии эллинистического периода. Особенно ценными являются данные о развитии виноградарства. Добываемые материалы свидетельствуют о наличии торгово-экономических связей города как с внутренними районами древней Колхиды, так и с внешним миром, что является прекрасной иллюстрацией к сведениям Тимосфена Родосского и Страбона»(173). Даже в период упадка городской жизни (I в. до н. э. — I в. н. э.) Диоскурия свое экономическое значение окончательно не утратила. По Страбону, она являлась, «общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей»(174). Следующий слой представлен жилым комплексом, относящимся «к периоду оживления городской жизни на территории древней Диоскурии»(175). Далее представлены II—III вв., которые совпадают с периодом нового расцвета городской жизни. «Город вновь становится крупным центром ремесленного (особенно керамического) производства, устанавливаются новые торгово-экономические связи с античными центрами, особенно с городами Южного и Северного Причерноморья»(176). По характеристике другого исследователя Себастополиса — М. М. Трапша, наличие в вещевых находках Сухумской крепости монет и привозной посуды свидетельствует о широких торгово-экономических связях Себастополиса с различными антич-

173 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 222.

174 Страбон. География, с. 472.

175 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 222.

176 Там же.

ными производственными центрами Малой Азии во II—V вв. н. э. От Себастополиса как крупного экономического центра торговые пути шли в глубь современной Абхазии(177).

Таким образом, всеми исследователями единогласно признается экономическое значение города Себастополя. Бурное развитие городской жизни, о чем было сказано выше, связано с классовым обществом, с развитием социальных отношений. Христианская религия в Абхазии этой эпохи, став идеологией господствующего класса, определенное распространение получила и среди остальной части населения. В этих условиях церковь становится феодальной единицей. Посвящение имущества богу носило формальней характер, фактически ктитор распоряжался имуществом основанной им церкви или монастыря. Ктиторское право стало наследственным(178). Церкви было предоставлено право торжественно оформлять освобождение

рабов(179). Этот факт указывает на выступление церкви против рабовладельческой системы. Первейшей работой правительства Юстиниана была приумножение богатства церкви и расширение ее влияния на народные массы(180). Как об этом уже сообщалось, в 325 году в Никее было созвано Всемирное собрание церковников. Затем такие собрания, где вырабатывались общие положения для всех церквей, стали проводиться часто. Предоставление церкви права «торжественно оформлять освобождение рабов» получило свое отражение и в Абхазии. Абазгский епнух Евфрат, присланный сюда в качестве богослужителя, категорически запретил абазгским царям заниматься работорговлей. Абазгские епископы по возможности не отставали от своих византийских коллег. Если достоверен факт, что церковные организации Абхазии не отличались от подобных в Византии, то большое количество церквей в Абхазии свидетельствует, во-первых, о наличии здесь церковных организаций, владеющих огромным имуществом, а, во-вторых, о том, что христианская идеология уже с конца III века становится идеологией господствующего класса, а это, в

177 Трапиши М. М. Раскопки древнего Себастополиса..., с. 253.

178 Сюзюмов М. Я. Указ. соч., с. 150.

179 Там же, с. 151.

180 Там же, с. 268.

135

свою очередь указывает на наличие в Абхазии соответствующего классового общества. Юстиниановские мероприятия, как известно, коснулись и Абхазии: он построил храм Богоматери для абазгов. Если Юстиниан вообще заботился о благосостоянии церкви, то, несомненно, проявляя заботу и о том храме, который был воздвигнут по его указанию.

Итак, христианская идеология становится идеологией господствующего класса. Тогда возникает вопрос: как называется тот класс, который она обслуживала в Абхазии? Поскольку ей было поручено освобождение рабов, поскольку она не могла быть идеологией рабовладельческого класса, остается одно — она могла быть идеологией только феодального класса.

В настоящее время в нашем распоряжении нет письменных источников о том, какими богатствами владели абхазские церкви. Тем не менее в Абхазии имеется множество храмов, относящихся к V—X вв., о чем было сказано во II главе. Не подлежит сомнению и то, что крупные храмы располагали значительной материальной базой.

Изрядными богатствами владели не только церкви, но и другие представители господствующего класса. Так, например, в с. Атара Очамчирского района зафиксирован целый ряд гончарных печей, из которых изучена только часть.

Керамическое производство в с. Атара подразумевает наличие рабочих-ремесленников разных специальностей и квалификации. Гончарные печи здесь были довольно большими (площадь обжигательной камеры около 14 кв. м). В них обжигали винодельческую тару — пифосы емкостью до 150 литров и 14—15-литровые кувшины. В целом эта посуда реализовывалась по всей Абхазии. Гончарные печи были повсеместно. Часто они встречаются группами, что указывает на товарный характер

их продукции. Атарские печи относятся к эпохе расцвета Абхазского царства VIII—X вв.

Дальнейшее развитие феодальных отношений приводит к вмешательству крупных феодалов в вопросы, относящиеся к компетенции царской династии. В результате активизации феодалов совершились дворцовые перевороты, шла борьба за власть. По установившейся традиции престол должен был наследовать старший сын уходящего царя. Однако этот закон временами нарушался из-за активного вмешательства крупных феодалов. Так было в 60-х годах IX в., когда после

136

смерти царя Георгия престол захватил представитель рода Шавлиянов, а законный наследник престола Баграт оказался в изгнании. Через некоторое время последний возвращает себе престол с помощью Византии. Однако следует отметить, что вряд ли Баграт с помощью Византии мог остаться правителем Абхазии. Видимо, он опирался на феодалов.

Привлекает внимание и тот факт, что после смерти царя Деметре II престол захватил его брат Георгий, хотя у Деметре был сын Баграт. Кстати, так было и раньше.

Например, в конце VII века — начале VIII в., после смерти Константина II, к власти пришел не его сын Леон II, а его брат Леон I. В источнике говорится о том, что до Леона I власть переходила от отца непосредственно к сыну. Однако этот порядок был нарушен в начале VIII в. И в данном случае мы предполагаем, что в этих событиях большую роль сыграли феодалы.

Абхазские цари в раннем средневековье имели своих чиновников, правителей областей. Сведения о них часто встречаются в источниках с IX—X вв. Так, например, один из таких правителей Иоане Марушиძэ правил делами Картли.

Надо полагать, что и в собственно Абхазии были крупные феодалы, которые стремились диктовать свои условия в решении государственных вопросов. Такой факт имел место в Абхазии в связи с воцарением Баграта III. Как в Картли, так и здесь, в Абхазии, некоторые влиятельные лица не соглашались с воцарением Баграта III. Автор «Матиане Картлиса» сообщает, что Баграт III «взял с собой мать и отправился в Абхазию. И как опытный кормчий, привел в порядок все дела Абхазии: выявил всех непокорных и на их месте возвеличил своих преданных и доверенных»(181). Как видно из источника, против Баграта III выступали многие влиятельные лица из абхазской феодальной знати. Поражение последних отнюдь не говорит об отсутствии мощного феодального слоя Абхазии. Ведь и в Картли феодалы во главе с Кавтаром Тбели также выступили против Баграта III, однако тоже потерпели поражение. Выступление абхазских и картлийских феодалов имеет одинаковое содержание, а именно: это есть борьба против централизованной царской власти. К этому време-

181 *Картлис ცხოვребა*, т. 1, с. 275.

137

ни Абхазское царство занимало большую территорию от Малой реки Хазарии до Картли включительно. Такое царство, безусловно, нуждалось в правителях отдельных

областей.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что в Абхазии I тысячелетия н. э. уже сложились феодальные отношения. К VI веку власть феодалов окончательно оформилось и затем феодальные отношения развивались беспрепятственно.

138

Глава 4. Политические отношения

- 4.1. Первые политические образования на территории Абхазии 139
- 4.2. Абхазия и Лазика в IV—V вв. 157
- 4.3. Римско-Византийская колониальная политика в Абхазии в I—VI вв. и Трахейское восстание 550 года 175
- 4.4. Абхазия во второй половине VI—VII вв. 191
- 4.5. Борьба абхазов против арабов, Келасурская или Великая Абхазская стена 198
- 4.6. Образование Абхазского царства 213
- 4.7. Политическое объединение Абхазии и Грузии 234

4.1. Первые политические образования на территории Абхазии

Письменные источники дают ценные сведения об абхазских племенах, об их местожительстве в позднеантичное время и раннем средневековье. Однако поскольку в отношении расселения абхазских племен указанного времени существуют различные точки зрения, необходимо еще раз проанализировать литературу по этому вопросу.

В настоящее время в советской историографии установлено, что непосредственными предками современных абхазов являются упомянутые древними авторами абазги и апсилы. Эти два названия тесно связаны с историей Абхазии. Самоназвание абхазов «апсу» происходит от названия страны «Апсилия» — «апсилуаа», что в переводе на русский язык означает народ Апсилии. Это название сохранилось до наших дней.

Плиний Секунд упоминает племя апсилов, крепость Себастополис(1), реки Сигания, Тера, Астельф, Хрисороас, находящиеся на территории Апсилии.

Вышеназванные пункты находятся именно там, где Гекатей (VI в. до н. э.) упоминает племя кораксов. По справедливому мнению З. В. Анчабадзе, кораксы, могут быть отождествлены с одним из абхазских племен. З. В. Анчабадзе пишет: «Таким образом, близ Себастополиса, по Плинию, живут, с одной стороны, апсилы, с другой — саниги. По-видимому, кораксы могут быть отождествлены с одним из этих племен. В частности, Томашев считал допустимым увязать кораксов

1 Латышев В. В. Указ. соч., т. II, Латинские писатели, вып. 1, с. 179.

139

с апсилами, полагая, что у древних авторов эти названия выступают как синонимы.

Во всяком случае, на основании данных Гекатея и Псевдо-Скилака считать кораксов и колхов мегрело-лазскими племенами нет достаточных оснований»(2).

Самая южная река апсилов, по Плинию, эта Сигама, которая отождествляется с рекой Ингури. На карте, составленной В. В. Латышевым на основании латинских источников, апсилы занимают территорию от Диоскуриады до реки Ингури. По мнению академика С. Н. Джанашии, южные этнографические границы апсилов доходили до реки Хоби («Затем начинается земля лазов, которая простиралась приблизительно до района р. Хоби, затем уже простиравшись царство апсилов»)(3), однако он считал необходимым иметь дополнительное доказательства. К таким дополнительным доказательствам относятся археологические материалы из Чхороцку и Цебельды (II-IV вв. н. э.), которые по Н. В. Хоштария являются принадлежностью апсилийской культуры. Чхороцку она считает самым ранним и самым северо-восточным пунктом апсилийского населения: «Упомянутые ныне материалы из Чхороцку и Цебельды найдены в могильниках погребенных после кремации трупа и помещенных в урны (первый до II в. н. э., а второй — в IV—V вв.). Эти могильники должны принадлежать племени апшилов-апсилов. Это подтверждается данными античных источников, топонимикой и другими материалами. В настоящее время Чхороцку выглядит как наиболее раннее (II в. н. э.) поселение апсилов, расположенное наиболее к северо-востоку; интересно, что на левом берегу реки Ингури до сих пор сохранилась фамилия Апшила, а также не так давно еще существовало селение Леапшиле, где имеются также развалины церкви, которые связываются с этой фамилией. «Селение Леапшиле было переименовано приблизительно лет 20 тому назад. Оно было присоединено к селу Джума и приняло новое название «Ахали сопели» на юго-восточной окраине города Зугдиди»(4). Академик К. Кекелидзе писал: «Апсилы занимали приморский берег между лазами и авазгами. От лазав отделяла их, судя по описанию Плиния (79 г., по Р. Х.),

2 Анчабадзе З. В. История и культура..., с. 134.

3 Джанашии С. Н. Труды, т. 3. — Тбилиси, 1959, с. 23.

4 Хоштария Н. В. Цихисძизи. — Тбилиси, 1962, с. 22.

р. Астельф, или Ингур нашего времени, а от авазгов Коракс или нынешний Кодори»(5).

Приведем сообщение Прокопия Кесарийского, касающееся только политических границ Апсилии: «На одной его (полумесяцеобразном изгибе берега Черного моря. — М. Г.) стороне, принадлежащей уже Азии, находился город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащей уже Европе, находится область апсилев»(6). Так называемый полумесяцеобразный залив начинается от города Апсарунта. Прокопий Кесарийский писал: «От города Апсарунта до города Петры и границ лазов, где кончается Эвксинский понт, пути один день. Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу-полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий»(7). Это сведение подкрепляется сообщением Арриана, который пишет: «До Апсара мы плыли на восток по правой стороне Эвксина. Апсар же показался мне крайним пределом длины Понта, так как отсюда мы держали путь на север вплоть до реки Хова и за Ховом до

Сигама»(8).

Таким образом, утверждение М. М. Иващенко о том, что «под луновидностью Прокопий понимал изгиб берега в 550 стадий (около 100 км) от гор. Петры к северу» и о том, что «другой конец этой луновидности» придется приблизительно около Илори»(9), не соответствует действительности.

Если отсчитать сто километров от Апсарунта на север, тогда конец «луновидного» изгиба упрется в реку Сигама. Таким образом, по Прокопию, южные границы Апсилии проходили по р. Ингури.

По мнению некоторых исследователей, северная политическая граница апсилов проходила в районе р. Гумиста(10). Вполне возможно и другое — что северная граница апсилов проходила по реке Келасури. На это указывают некоторые обстоятельства. Так, по сведениям

5 Кекелидзе К. *Сведения грузинских источников о преп. Максиме исповеднике.* — В кн.: Труды Киевской духовной Академии, 1912, с. 19.

6 Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, с. 380.

7 Там же, с. 379.

8 Латышев В. В. Указ. соч., т. II, *Латинские писатели*, вып. 1, с. 222.

9 Иващенко М. М. *Великая Абхазская стена.* — В кн.: *Известия АбНО*, вып. 4. — Сухум, 1926, с. 83.

10 Анчабадзе З. В. *Из истории...,* с. 8.

141

историка Джуваншера, после поражения арабского покровителя Мервана ибн Мухаммеда, южной границей Абхазии стала Келасури. В пользу этой версии говорят также некоторые сведения Феодосия Гангрского, по которым крепость Скотори находилась недалеко от Абазгии(11). Можно согласиться с мнением акад. К.

Кекелидзе, который название Скотор связывает с названием реки Кодор.

К северо-востоку от апсилов расселялись мисимицы, земля которых находилась в ущелье верхнего течения р. Кодор и начиналась непосредственно от Цебельды. Так, например, крепость Пуста (по-абхазски Апышета) находилась где-то у границы между апсилами и мисимицами(12). Последним принадлежала и другая крепость, называемая Букулусом или Бухлооном, находившаяся на «границе аланов». Эта крепость упоминается у Агафия Схоластика(13), как находящаяся на границе между мисимицами и лазами. Юго-западная граница мисимиан проходила около Цебельды, о чем интересные сведения дает тот же Агафий. Он пишет, что когда римские солдаты прибыли в крепость Цибильон, которая находится между Мисиминией и Апсилей и разделяет их, приехал Мартин (военачальник византийским отрядов)(14).

У этого же автора упоминается другая крепость мисимицев — Тсахар(15). Этот топоним сохранился до сих пор в виде названия притока реки Гуандра у слияния ее с рекой Сакен. Там в настоящее время находятся развалины древней крепости, пока неизученной. Таким образом, мисимицы занимали верхнее течение реки Кодор от Цебельды до самого Кавказского хребта.

С. Г. Каухчишвили, исходя всего-навсего из того что термин *mīcīmav*озвучен с названием сванов, «мгшуван», считает мисимицев сванским племенем и в то же

время отмечает, что мисимицы настолько отличались от остальных сванов, что византийцы дали им особое название(16).

П. Ингороква без всяких доказательств заявляет о

11 Георгиа, т. 4, ч. 1, с. 41.

12 Там же, с. 44.

13 Там же, т. 3, с. 86.

14 Там же, с. 159—160.

15 Там же, с. 163.

16 Каухчишвили С. Г. Племя мисимиан. — Б кн.: Труды ТГУ, т. 1, серия обществознания. — Тбилиси, 1936, с. 280.

142

сванском происхождении мисимиан. Такого мнения и Г А. Меликишвили.

Следует подчеркнуть, что все исследователи, которые мисимиан отождествляют со сванами, обходят молчанием сообщение Агафия о том, что мисимиане были ближайшими соседями и близкими к апсилам по образу жизни(17), что мисимиане отличались, как отмечают источники, от лазов: «Язык у них (мисимиан и лазов. — М. Г.) разный, так же как и нравы»(18).

Агафий дает ценные сведения об этническом родстве апсилов и мисимицев при описании обстоятельств, в которых проходили переговоры римлян с мисимицами. Он сообщает, что римляне, надеясь на то, что мисимиане осознают свою вину и пойдут на мирное урегулирование отношений с римлянами, послали к ним двух знатных апсилов. Мисимицы «сразу же убили этих послов, хотя они принадлежали их родственному апсилийскому племени и не были причастны к тому, в чем мисимицы обвиняли римлян и Сотериха»(19).

Справедливым представляется мнение З. В. Анчабадзе. «Однако для нас самое важное в этнических судьбах мисимиан, — пишет он, — это то, что впоследствии они слились с абхазской феодальной народностью. К какой бы этнической группе они не принадлежали — картвельской или абхазской (что более вероятно), мисимиане явились непосредственными предками цабало-дальской этнической ветви абхазского народа, представители которой обитали на родине мисимиан вплоть до начала второй половины XIX века»(20).

Родство мисимиан с апсилами подтверждается и данными археологии. В настоящее время опубликовано несколько книг и множество статей о цебельдинской археологической культуре, распространенной по всей территории Абхазии, т. е. о цебельдинской археологической культуре, которая является прежде всего апсилской культурой.

Интересен вопрос о материальной культуре мисимиан.

Местечко Апушта (город Пуста древних авторов) находится выше Цебельды, на территории мисимиан. Отсюда происходит материал тридцати погребений(21).

17 Георгиа, т. 3, с. 119.

18 Там же, с. 87.

19 Там же, с. 161 — 162.

20 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 15.

Характерные черты керамики, боевого оружия и т. д. находят полные аналогии в материалах цебельдинской культуры.

К мисимийской материальной культуре принадлежат также могильники, выявленные в поселении Лар, у Азантского озера; в крепости Бат, вдоль Марухского перевального пути(22). Следы отдельных погребений с инвентарем цебельдинского типа фиксируются в ряда пунктов Дальского ущелья — у крепости Пал, в ущелье реки Учкур, в районе сел Лата, Чхалта, Птыш и Ажара(23). Следует подчеркнуть, что подобная материальная культура не прослеживается на основной территории сванов. Таким образом, данные археологии не подтверждают положение о сванском происхождении мисимиан, но говорят о близости мисимиан и апсилов.

Близкое родство мисимиан и абхазов неоспоримо подтверждает топонимика верхнего течения р. Кодор и ее притоков:. Чхалта, Чхалтадзыхь, Адзба, Хеицхара, Мрамба, Гуандра, Шакшикуара, Кбыруаникуара, Марух и др.

На абхазское этническое происхождение мисимиан указывает и Ш. Д. Инал-ипа(24). С северо-запада апсилы граничат с абазгами. О местожительстве абазгов имеются самые противоречивые сведения. Впервые абазгов упоминает Ф. Арриан (II в. н. э.), который, не конкретизируя, указывает на то, что они жили к северу от апсилов, и что царь абазгов Рисмаг получил свою власть от Адриана(25). Арриан также отмечает, что Себастополис находится на территории санигов(26). Согласно этих сведений, абазгов нужно локализовать южнее Себастополиса. В перипле другого безымянного автора (V в.) говорится о том, что абазги жили до р. Абаска. Об! абазгах сообщает и автор VI в. Прокопий Кесарийский: «За апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абазги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта... начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; из коих один властвовал над западной

22 Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии, с. 62.

23 Его же. Тайна Цебельдинской долины, с. 45.

24 Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов, с. 226.

25 Латышев В. В. Указ. соч., т. I, Латинские писатели, вып. 1, с. 222.

26 Там же.

частью их страны, другой занимал восточную»(57). Этот же автор сообщает, что «приморской же частью их (санигов. — М. Г.) страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт»(28). Сообщение Прокопия

Кесарийского о крепостях Севастополе и Питиунте совпадает с сообщением о них Арриана. Таким образом, этим двум источникам Абазгия находилась южнее Севастополя. По данным Прокопия Кесарийского, абазгская крепость Трахея находилась недалеко от северной границы Апсии (за пределами апсилов, при входе в пределы абазгов»)(29). Местом расположения этой крепости считаем территорию

Нового Афона, которая расположена севернее апсилов, точнее, севернее Севастополя, в Новом Афоне(30). По Арриану и Прокопию, Севастополь находился на территории санигов, а по Анониму V в., абазги занимали побережье от Себастополя до реки Абаск. Получается, что абазги и саниги занимали одну и ту же территорию. Видимо, в этих источниках речь идет об одном и том же народе.

Некоторые исследователи утверждают, что во II в. в Абхазии имело место передвижение племен с севера на юг и обратно. Основываясь на исследованиях Кислинга, Г. А. Меликишвили писал: «Таким образом, судя по вышеуказанному, обстановка в конце II в. (когда кил продолжатель Аррианова «Перипла») уже сильно отличалась от той обстановки, которая существовала при Арриане в 30-х годах того же столетия. В этом промежутке времени и произошло, по мнению Кислинга, распространение абазгов на территории от Диоскурии (Сухуми) до р. Абаскос (р. Псоу), занимаемой ранее, при Арриане, вероятно, санигами (= гениохами?). Нужно думать, что выдвинувшиеся в предшествующую эпоху на юг апшилы и абазги под натиском лазов были оттеснены на север, за р. Кодор, до которой, судя по ранневизантийским источникам, и распространялась в дальнейшем этнографически лазская территория. С другой стороны, небольшое в 30-х годах II в. объединение абасков распространило свое влияние на население прибрежной полосы от района Диоскурии (Сухуми) до

27 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 382.

28 Там же.

29 Там же, с. 401.

30 Гунба М. М. К вопросу о локализации крепости Трахеи. — В кн.: Труды Абхазского института ЯЛИ, т. 33—34, с. 159—167.

145

района р. Псоу и превратилось в довольно крупную величину. Возможно, к этому времени, по крайней мере, данная территория уже была занята близкородственными абхазо-адыгскими племенами, и означенный процесс подразумевал процесс сложения крупного объединения родственных племен»(31). Насколько нам известно, источников, говорящих о распространении лазской этнографической границы до р. Кодор, не существует. И мог ли такой малочисленный народ, каким являлись, по мнению Г. А. Меликишвили, абазги, захватить большую территорию? Арриан и Перипл Арриана свидетельствуют о том, что абазги распространялись до р. Псоу и во II—V веках. Они, как видно, и в V веке остаются «крупной величиной».

Судя по данным Арриана, безымянных авторов II и V вв., Прокопия Кесарийского и Феофана Гангрского, во II—V вв. абазги занимали территорию примерно от Келасури до р. Псоу.

Относительно этнической принадлежности абазгов ряд авторов (Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, А. А. Фадеев, Г. А. Меликишвили, Л. И. Лавров, З. В. Анчабадзе и др.) считает, что племена абазгов и апсилов были близкородственными образованиями. Так, например, С. Н. Джанашиа писал: «Абхазский язык принадлежит к западной группе кавказских языков. Эту группу вместе с абхазским составляют убыхский и адигейский или черкесский язык, с которыми абхазский весьма близко стоит как по фонетическому составу, так и со стороны внутренней структуры»(32).

Абхазским языком С. Н. Джанашиа считал язык апсилов и абазгов — предков современных абхазов.

З. В. Анчабадзе об этнической принадлежности абазгов и апсилов высказывает следующее мнение: «Племена абазгов и апсилов были ближайше родственными этническими образованиями, как на это, в частности, указывают их наименования, восходящие к одному корню «пс-» и «бз». Еще П. Услар подчеркивал, что термины «абаза» и «апсуа» суть простые видоизменения одного и того же названия»(33).

З. В. Анчабадзе убедительно доказывает автохтонность абхазов на занимаемой ими территории. С этой

31 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 371.

32 Джанашиа С. Н. Труды, т. III, с. 224.

33 Анчабадзе З. В. История и культура..., с. 179.

целью он приводит, в частности, множество примеров обряда захоронения из сведений древних и средневековых авторов: Нимфодора Сиракузского (IV в. до н. э.); Аполлония Родосского (III в. до н. э.); Никанора Дамаскского (I в. до н. э.); Клавдия Элиана (II в. н.э.); И. Лука (XVII в.); Евлия Челеби (XVII в.); Аркандело Ламберти (XVII в.); Вахушти Багратиони (XVIII в.), указывающих на обряд воздушного погребения, который на восточном побережье Черного моря является характерным только для абхазов.

На основании археологического материала из Цебельды М. М. Трапш доказал, что население, проживавшее здесь в I—VI вв., генетически теснейшим образом было связано с местной культурой I тысячелетия до нашей эры(34).

К северу от абазгов жили саниги. О них Арриан сообщает так: «Рядом с абазгами — саниги, в земле которых лежит Севастополь»(35). Однако он не дает точного определения местожительства самих санигов. По Арриану, Севастополь находится на территории санигов. Южную границу Санигии предположительно можно довести до Келасури, северные границы до реки Ахеунта, которая отстоит от Севастополя на 940 стадий. Об этом Арриан писал: «От Нисия до Масаитики 90 стадий; отсюда до 60 стадий до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов от санигов. Царь у зилхов Стакемфак, также получивший власть от тебя»(36). Сообщение Арриана о том, что «Диоскурия представляет собою конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт», означает, что при Арриане римляне севернее Севастополя не имели крепостей, хотя их влияние распространялось не только на всю Санигию, но и на |ихию, которая находилась севернее р. Псоу.

Сведения о санигах имеются и у Прокопия Кесарийского, но мы думаем, что они не совсем соответствуют действительности VI в. н. э. Из самого сообщения Прокопия Кесарийского видно, что он говорит о далеком «прошлом, об эпохе возникновения крепостей Севастополя и Питиунта. Так, например, Прокопий пишет: «Для их устрашения они (римляне. — М. Г.) выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, на-

34 Трапш М. М. Некоторые итоги..., с. 252—277.

35 Латышев В. В. Указ. соч., Латинские писатели, вып. 1, с. 222.

ходящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал (гл. II, §16), легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны санигов; теперь же у них остались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны»(37). Как видно из этого текста и как справедливо полагает С. Г. Каухчишвили(38), Прокопий Кесарийский не имеет ясного представления о стране санигов и пользуется только литературными данными, допуская большие неточности.

Не лишены интереса сведения Анонима V века, где повторяется сообщение Арриана: «Рядом с авасками — саниги, в земле которых лежит Севастополь». Это же сведение повторяется у Анонима V века: «С авасками рядом живут саниги; в их области и находится Себастополь»(39). Два автора разных времен сообщают одно и то же. Как видно, Аноним V века заимствовал у Арриана эти сведения. Если оба автора правы, т. е. Себастополь как во II, так и в V веке принадлежал санигам, тогда сведения Прокопия Кесарийского о нахождении Себастополя на территории санигов соответствуют действительности.

Возникает вопрос, каким образом саниги сумели занять территорию от р. Псоу приблизительно до Себастополя. Как видно из вышеупомянутых сведений, аbazги и апсылы занимали очень незначительную территорию от Келасури до р. Ингури. О крепости Трахеи Прокопий писал: «У подножья этой горы еще в древности авазги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места»(40). Получается, что в VI в., когда крепость Трахея находилась на территории аbazгов, расположенная южнее Себастополь находился на территории санигов. Здесь видим явное противоречие между названными источниками. Ясно, что крепость Трахея, находившаяся в Новом Афоне (или, по мнению некоторых исследователей, в Гаграх, что менее вероятно), не могла принад-

37 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 383-384.

38 Георгика, т. 2, с. 136—137.

39 Латышев В. В. Указ., соч., Латинские писатели, вып. 1, с. 276.

40 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 401.

лежать аbazгам, если Себастополь принадлежал санигам, поскольку последние жили севернее аbazгов.

Согласно этих сообщений, саниги и авазги занимают одну и ту же территорию. По этому поводу Г. А. Меликишвили писал: «Во второй части сочинения «Арриана, которая, по-видимому, не принадлежит ему самому, а составлена позже, в конце II в., упоминается соименная племени аbazгов река Абаскос, протекавшая к северу от Питиунта на расстоянии 240 стадий, — подразумевается, очевидно, какая-то река между Гагрой и Сочи (Псоу?, возможно Мзымта). Это заявление можно рассматривать как указание на то, что уже к этому времени территория, населенная аbazгами,

доходила вплоть до этой реки. Кислинг считает, что перед нами факт постепенного распространения абазгов в северном направлении. Аноним V в. северной границей территории абазгов считает именно реку Абаскос. Саниги же, по его словам, жили, начиная от реки Абаскос, вплоть до реки Ахеунта. Под последней подразумевается, по-видимому, одна из рек, впадающих в море севернее современного Сочи (возможно, совр. р. Шахе)»(41).

Утверждение о том, что по Анониму V в., саниги «жили от реки Абаскос до реки Ахеунта, не соответствует действительности. Мы выше цитировали Анонима V в., по которому Себастополь находился в области санигов. Если верить Анониму V в., тогда получается, что абазги жили внутри страны санигов. По мнению Г. А. Меликишвили, абазги распространялись с юга на север. «Если во время Арриана абазги едва ли достигали Себастополя (совр. Сухуми), то, уже по сообщению Анонима V в., они доходили до р. Абаскос (совр. Псоу?). Позднее, в византийское время, абазги распространяются до Никопсии (древняя «Старая Лазика» — совр. Нечепсухо). Таким образом, они овладевают всей территорией санигов и делаются непосредственными соседями джиков. Отныне на побережье остаются лишь эти два названия: Абазгия (Абхазия) и Джикия (Джикети)»(42).

Мы предлагаем следующее толкование противоречивых данных источников. Если, начиная со II века и кончая VI веком, Себастополь принадлежал санигам (территория которых протянулась до Никопсии), и в то же время в их стране жили абазги, это означает,

41 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 88.

42 Там же, с. 89.

что оба племени принадлежали к одной этнической группе. Однако вряд ли на территории царства санигов могло находиться другое, равноправное царство абазгов. Г. А. Меликишвили, ссылаясь на Кислинга, заключает, что «абазги и апсилы, по Анониму, помещались между Диоскурией (Сухуми) и Абасгос (Псоу? — река между Гагрой и Сочи)»(43). С этим трудно согласиться. Ведь Аноним говорит о том, что Себастополь (Сухуми) лаходился в области санигов. Тогда абазги и апсилы должны были занимать территорию южнее Себастополя. Заметим, что источники сохранили одинаковую последовательность в перечислении этнических групп: лазы, апсилы, абазги, саниги. Видимо, абазги и апсилы должны были занимать территорию между лазами и санигами. Однако, если следовать мнению Кислинга и Г. А. Меликишвили, между названными племенами не остается территории для абазгов и апсилов. При этом Г. А. Меликишвили отмечает: «Так как Арриан говорит, что крепость Диоскурия представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт, мы не можем отвергнуть и то его указание, что находившиеся в вассальной зависимости от Рима правители лазов, апшилов, абазгов и санигов контролировали территорию лишь вплоть до района Диоскурии»(44). Учитывая данные источников, мы должны согласиться с М. М. Иващенко, который полагает, что «это (саниги. — М. Г.) или другое наименование тех же абазгов, или одно из племен, на которые они подразделялись»(45).

Существует сванская теория этнической принадлежности санигов (И. Орбели, Д.

Гулиа, Г. Меликишвили и др.). Эта теория не имеет достаточного обоснования. Так, например, Г. А. Меликишвили, считая сванское происхождение санигов «правдоподобной гипотезой», в то же время склонен видеть в санигах «какое-либо северо-кавказское племя»(46).

По поводу сванской теории происхождения санигов можно добавить следующее. Выше уже говорилось о том, что выявленная материальная культура на территории Мисиминии не является сванской. Отметим и то, что письменные источники локализуют сванов именно

43 *Там же*, с. 371.

44 *Там же*.

45 Иващенко М. М. *Великая Абхазская стена*, с. 84.

46 Меликишвили Г. А. *К истории...*, с. 92.

150

в горах. Так, например, Страбон писал: «Во всяком случае они (*сваны. — М. Г.*) господствуют над всеми народностями вокруг них, ЗАНИМАЯ ВЕРШИНЫ КАВКАЗА, возвышающиеся над Диоскурией»(47). В данном случае слово «господствуют» означает лишь, что сваны занимали высокое место в горах.

На наш взгляд, в вопросе об этнической принадлежности санигов прав З. В. Анчабадзе, который пишет: «Сторонники сванской теории происхождения санигов ссылаются на следующие положения: а) в древности территория, занятая сванами, была значительно шире, чем в последующее время; б) по указанию Страбона, сваны «господствовали над Диоскурией»; в) Птоломей среди племен, проживающих «вдоль Понта», называет также и «свано-колхов», а это якобы дает основание предполагать, что сваны в II в. н. э. жили на побережье.

Однако ни один из этих доводов не может быть признан состоятельным для обоснования положения об античности сванов и санигов. Во-первых, сваны в древности занимали территорию нынешней Рачи—Лечхума и ряда северо-восточных районов Мегрелии, как об этом свидетельствуют топонимические данные. Возможно также, что они занимали и юго-восточную (нагорную) часть нынешней Абхазии.

Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что сваны когда-либо обитали на территории нынешних Гагрского и Сочинского районов, в которых именно и локализуются саниги в позднеантичное и раннесредневековое время. Во-вторых, указание Страбона, что сваны «господствовали над Диоскурией», никак не может служить доводом для локализации сванов на побережье, в районе Диоскурии. И, в-третьих, приведенное сообщение Птолемея, при всей своей неопределенности (*«свано-колхи»*), также не может служить аргументом в пользу того, что сваны занимали береговую полосу. Выражение «вдоль Понта» имеет в виду Черное море вообще, не обязательно его побережье. Кроме того, ни один из современников Птолемея не упоминает сванов среди прибрежных племен»(48).

Другая теория — это мегрело-лазское происхождение санигов, сторонниками которой являлись Н. Я. Марр,

47 Страбон, *География*, с. 473.

48 Анчабадзе З. В. *История и культура древней Абхазии*, с. 169-170.

С. Н. Джанашиа и др. Их основным аргументом является созвучие этнонимов саны и саниги и сообщение Ипполита Портского (III в. н. э.), который пишет: «Санны, которые называются саниками и простираются до Понта, где есть проход Апсар, Себастополь и Иссулиман и река Фасид. Эти племена простираются до Трапезунта»(49). С. И. Джанашиа полагал, что «саниги» название того мегрельского племени, которое занимало территорию Абхазии до прихода сюда абхазов»(50). Памятники материальной культуры ацангуара С. Н. Джанашиа толкует как ограды цанов-чанов, т. е. мегрельского племени, которое якобы предшествовало на этой территории абхазским племенам. Однако этого довода недостаточно для того, чтобы доказать занко-мегрельское происхождение санигов.

Как не трудно заметить, очерченная Ипполитом территория охватывает область к югу от Себастополиса вплоть до самого Трапезунта. Здесь, в частности, отмечены следующие пункты: Себастополис, Фазис, Апсар (устье Чороха), гавань Хисус (к востоку от Трапезунта) и Трапезунт, т. е. очерчена территория, занимаемая колхским (мегрело-лазским) населением, в то время как саниги обитали к северу от Себастополиса и главным образом в нынешних Гагрском и Сочинском районах, т. е. на территории, которую Ипполит вовсе не имел в виду, когда писал о своих «санниках-саннах». Следовательно, Ипполит говорит не о санигах Арриана и других авторов, а о лазах и чанах. Этого обстоятельства С. И. Джанашиа, к сожалению, не учел(51).

Анализируя мнение Г. А. Меликишвили по поводу отождествления санигов с лазами, З. В. Анчабадзе говорит, «что этот довод (показания Ипполита) не может служить подтверждением принадлежности санигов к племенам мегрело-лазского происхождения и поэтому должен быть признан несостоятельным»(52). З. В. Анчабадзе ставит вопрос: «... какую конкретно часть современной Абхазии мог иметь в виду С. И. Джанашиа, на которой, по его мнению, мегрело-чаны и сваны предшествовали абхазам в древности?» и отвечает следующим образом: «Надо думать, что он подразумевал Южную Абхазию, где действительно в феодальную эпоху

49 Там же, с. 170—171.

50 Джанашиа С. Н. Труды, т. 3, с. 114.

51 Анчабадзе З. В. История и культура..., с. 170—171.

52 Там же, с. 171.

(да и ранее) явно прослеживается мегрело-сванское население. Вряд ли С. Н. Джанашиа имел в виду территорию к северу от Сухуми и в особенности гагрско-сочинский сектор, так как он, разумеется, хорошо знал, что в топонимике этого края совершенно отсутствует мегрело-сванский элемент, что, конечно, не могло бы иметь места, если бы в прошлом здесь длительное время бытовала компактная масса мегрело-сванского населения»(63).

Рассматриваемый вопрос у С. Н. Джанашиа связан с толкованием понятий «ацан» и

«ацангуара». В этом случае, как нам кажется, С. Н. Джанашиа имел в виду всю территорию, где были поселения ацанов, т. е. и северную часть Абхазии. Следует подчеркнуть, что если бы предание об ацанах было связано с историей племени мегрело-чанского происхождения, тогда оно должно было бы сохраниться прежде всего у мегрелов, а не у абхазов. Кроме того, «ацан» не является племенным названием. Этот термин связан с преданием о карликах, которые якобы жили в горах в те далекие времена, когда не было ни ветра, ни дождя, ни снега, ни холода. Поскольку ограды эти очень низкие, строители их в представлении сочинителей предания должны были быть мелкими. Так что этот термин не является отражением какой-нибудь этнической группы. «Ацан» по-абхазски означает мелкий. «Таким образом, и мегрело-чанская теория происхождения санигов по сути дела не имеет под собой реальной почвы»(54).

По мнению З. В. Анчабадзе, саниги имели этническую связь с джиками (зихами) — садзами. Это обосновывается тем, что Арриан санигов упоминает именно там, где в период позднего средневековья грузинские источники локализуют садзов или джиков. Здесь важно упоминание о садзах (Eacoī, Edvoc Para tw Povtw) Стефана Византийского. С. Г. Каухчишвили, ссылаясь на Holstenius-а, считает текст искаженным и предлагает, что вместо Eacoī должно было быть уасоī. В то же время он признает, что по алфавитному порядку слово уасоī не могло попасть на это место(55). Насколько нам известно, Стефан Византийский в своем словаре не повторяет слов, и он не мог бы два раза упомянуть лазов, о которых он однажды уже говорил. Таким об-

53 Там же, с. 173.

54 Там же.

55 Георгиа, т. 3, с. 283.

разом, предположение С. Г. Каухчишвили ничем не обосновано.

Интересно, что Стефан Византийский одновременно с садзами упоминает и санигов.

Саниги, садзы и зихи (джики) одновременно упоминаются древними авторами(56).

Мы считаем правильным мнение З. В. Анчабадзе о том, что «асадзисуа (букв. садзо-абхазский) — эта один из языков абхазо-адыгской группы иберийско-кавказской семьи»(57). З. В. Анчабадзе правильно отмечает этническое родство санигов-абхазов. Как нам кажется, это мнение не противоречит тому, что было сказана М. М. Иващенко об идентичности санигов и абазгов(58).

На ошибочность отождествления санигов с санами справедливо указывает Г. А.

Меликишвили. Он пишет: «Отождествление санигов с санами могло возникнуть на основании внешнего сходства этих названий. Поэтому нельзя считать несомненной принадлежность санигов-генохов к западно-грузинским племенам»(59).

Таким образом, населявшие Абхазию племена под названием санигов были близкородственными абазгам.

Древними авторами севернее санигов упоминаются зихи. Они занимали прибрежную полосу. По сведениям Арриана, зихи жили за рекой Ахеунта. О местожительстве зихов более точные сведения имеются у безымянного автора V в. н. э. «Итак от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до р. Ахеунта, — пишет Аноним, — прежде

жили народы, носившие имена: иниохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи»(60). Далее добавляет: «От гавани Пагры до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи»(61). Тот же автор о северной границе ахейцев пишет: «От керкетов пограничную с ними область занимают ахейцы...»(62). Что касается керкетов, то они жили за синдами»(63). Таким образом, в V в. н. э. зихи занимали земли, когда-то занятые ахейцами, ини-

56 Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, с. 383.

57 Анчабадзе З. В. *История и культура...*, с. 174.

58 Иващенко М. М. Указ. соч., с. 84.

59 Меликишвили Г. А. *К вопросу об этнической принадлежности кашков*. — В кн.: *Мимомхилвели*, т. 3. — Тбилиси, 1953, с. 91.

60 Латышев В. В. Указ. соч., *Латинские писатели*, вып. 1, с. 278.

61 Там же, с. 279.

62 Там же.

63 Там же, с. 310.

154

охами и другими мелкими племенами от р. Ахеунт до синдской земли.

Кто были зихи? У многих авторов зихи упоминаются как отдельное племя. Так, например, Страбон, наряду с другими племенами, упоминает и зихов(64). Арриан называет зихов и их царя Стакемфака. Их упомигают анонимный автор и Прокопий Кесарийский. Часто на одной и той же территории упоминаются зихи, ахейцы и иниохи, и все они считаются варварскими племенами, ведущими одинаковый образ жизни. А по безымянному автору V века, зихи занимали территорию, когда-то занятую иниохами, ахейцами и некоторыми другими племенами. Это обстоятельство заставляет думать, что территорию от Синдики до Ахеунты занимали близкородственные племена, которые древние авторы упоминали под разными названиями. Этому не противоречит и то обстоятельство, что грузинские источники на указанной территории упоминают джиков, т. е. зихов, которых Г. А. Меликишвили считает предками абхазо-адыгских племен(65). Название реки Ахеунта указывает на то, что оно произошло от названия народа, на земле которого она протекала. Река Ахеунта разделяла зихов и санигов. Как видно, земля ахейцев позже стала землею зихов и санигов.

Как выше сказано, джики и саниги — это одно и то же племя. Согласно З. В. Анчабадзе, «этническую особенность санигов и их идентичность с позднейшими джиками-садзами подтверждают также грузинские исторические источники. В данной связи определенное значение приобретает факт упоминания санигов в анонимном сочинении начала XIII в. «История и восхваление венценосцев».

Рассказывая о борьбе Юрия Боголюбского с царицей Тamarой, историк сообщает, что к феодальным ополчениям Западной Грузии, выступившим на стороне Юрия, были присоединены «саниги» и «кашаги»(66).

Зихов греческих источников З. В. Анчабадзе отождествляет с джиками грузинских источников. Характеризуя грузинские источники, он заключает, что джики этнически не абхазское племя: «Так, в списке кавказских народностей, составленном анонимным грузинским историком, жившим не позднее XIII в., джики постав-

64 Страбон. География, с. 129, 468, 470 471.

65 Меликишвили Г. А. К истории..., с. 364.

66 Анчабадзе З. В. История и культура..., с. 175.

лены рядом с кашагами, абхазами, сванами, мегрелами и др.

Грузинский историк первой половины XVIII в. Бери Егнаташвили также упоминает джиков наряду с мегрелами, абхазами и сванами. В другом источнике того времени («Новая история Грузии») джики упоминаются вместе с черкесами»(67).

Ссылаясь на грузинские источники XIII и XVIII вв. З. В. Анчабадзе делает вывод: «1) джики (садзы) являются этнической общностью, отличающейся от абхазов, черкесов, мегрелов и сванов; 2) поскольку в грузинских источниках наряду с абхазами, сванами, мегрелами и адыгами везде упоминаются джики, то автор «Истории и восхваления венценосцев» вместо термина «джики» (этот термин он нигде не приводит) употребил название «саниги». Это дает основание считать, что термин «саниги» попал в его сочинение не случайно, и автор считал санигов идентичными джикам»(68).

В связи с этим положением возникает ряд вопросов. Если одновременное упоминание джиков с мегрелами, абхазами и сванами означает их этническое отличие от абхазов, тогда как можно представить идентичность джиков-зихов и санигов, которые тоже древними авторами упоминаются одновременно и одними и теми же авторами? Так, например, зихов и санигов одновременно упоминают Арриан(69), Аноним V в.(70), Прокопий Кесарийский(71) и др. Также одновременно упоминаются аbazги и апсилы. Поэтому в грузинских источниках одновременное упоминание джиков и абхазов не может стать основанием для утверждения их этнического различия.

Что же касается того, что автор «Истории и восхваления венценосцев» вместо термина «джики» употребил «саниги», видимо, считая эти понятия тождественными, то это нам представляется закономерным и соответствующим действительности. Такое мнение поддерживается сведениями перипла безымянного автора V в., который пишет: «Итак, от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до р. Ахеунта прежде жили народы, носив-

67 Там же.

68 Там же, с. 176.

69 Латышев В. В. Указ. соч., Латинские писатели, вып. 1, с. 224.

70 Там же, с. 276, 279.

71 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 383.

шие имена: иниохи, кораксы, колики, меланхлены, колхи и лазы, а ныне живут зихи» (как видим, зихи V в. занимали обширную территорию). Это сообщение, надо полагать, содержит только долю истины, поскольку ни кораксы, ни колики не жили не только севернее реки Ахеунта, но и южнее. От реки Ахеунта до реки Абаскос жили

саниги(72). Эта территория соответствует местожительству джиков средневековых грузинских источников, где значение данного термина понимается в узком смысле, после того как он «стал употребляться только для обозначения абхазо-адыгского племени садзов»(73).

И, наконец, следует обратить внимание на географическое название Абхазии античной эпохи с суффиксом «та» («та»), свидетельствующих о родстве рассмотренных выше племен: Пуста, Брухонта, Антемунта, Ахеунта, Ксанта, Симеонта, Бата, Багирита и др. В абхазской речи суффикс «та» указывает на место. Топонимы с окончанием «та» очень часто встречаются и в наши дни. Например: Бзыб-та, Мчиш-та, Хыпс-та, Аапс-та, Дахуар-та, Цвиндир-та, Гумыс-та, Хцыра-та, Дзыбзыра-та, Кудыр-та и многие другие. Таким образом, топонимика Абхазии как позднеантичной эпохи, так и раннего средневековья указывает на ее абхазское происхождение.

И наконец, по сообщению древнегрузинского историка Джуаншера, северные границы Абхазского царства доходили до Малой реки Хазарии, что указывает на родственные отношения вышеназванных племен, отражает их консолидацию.

4.2. Абхазия и Лазика в IV—V вв.

В настоящее время ряд историков придерживается мнения о подчинении Абхазии Лазскому царству. Однако оно не представляется бесспорным и потому попытаемся сопоставить сведения всех письменных источников и археологический материал с выводами ученых, касавшихся этого вопроса.

Так, И. А. Джавахишвили писал, что лазскому царю подчинялись абхазы, абшилы, мисимицы и сваны(74).

72 Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, вып. 1, с. 278.

73 Анчабадзе З. В. История и культура..., с. 176.

74 Джавахишвили И. А. История грузинского народа, кн. 1, с. 274.

С. Н. Джанашия, ссылаясь на Прокопия Кесарийского, считал, что абазги, апсилы и саниги попали в вассальную зависимость от лазов в 80—90 гг. IV в. н. э. Так называемый успех лазов он объяснил тем, что Рим мог помешать этому, испытывая большие затруднения во второй половине IV в. н. э.(75). О. В. Кудрявцев писал: «В IV в. царек лазов подчиняет окрестные племена. Во второй половине IV в. его власть признали апсилы и абазги, жившие на территории Абхазии»(76).

Г. А. Меликишвили отмечает, что «уже во II в. лазы оттеснили на север выдвинувшихся на юг горцев (апсилов, абазгов, возможно, также и некоторые сванские племена). У более поздних авторов северная этнографическая граница лазов доходила до района Диоскурии—Себастополиса»(77). Это утверждение не соответствует источникам. Как известно, Арриан считал Себастополис городом санигов, которые жили северо-западнее абазгов(78). Прокопий Кесарийский тоже утверждал, что Себастополь и Питиунт находились в земле санигов(79). Если говорить о более позднем времени, то лазы не только не могли продвинуться на

север, но и, как известно, на своей собственной территории потеряли независимость. Итак, со временем Арриана Себастополь не принадлежал лазам. Что касается времени предполагаемого отпадения абазгов от Эгриси (Лазики), то С. Н. Джанашиа и Г. А. Меликишвили указывают на конец V в. н. э., а М. Д. Лордкипанидзе это событие относит к исходу VI в.(80).

Таким образом, у ряда ученых сложилось представление о подчинении в течение длительного времени (конец IV—V вв.) абазгов и апсилов Лазскому (Эгрискому) царству.

З. В. Анчабадзе утверждает, что «к концу античной эпохи на территории Западной Грузии под гегемонией Лазского княжества сложилось новое крупное политическое образование — Лазское царство, которое объявило себя наследником древнего Колхидского цар-

75 Джанашиа С. Н. *Труды*, т. 2, с. 315—317.

76 *Всемирная история*, т. 2. — М., 1956, с. 774.

77 Меликишвили Г. А. *К истории древней Грузии*, с. 383.

78 Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, вып. 1, с. 222.

79 Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, с. 383.

80 Лордкипанидзе М. Д. *Политическое объединение феодальной Грузии*. — Тбилиси, 1963, с. 176.

ства»(81). Об усилении лазов говорят только авторы VI в. — Прокопий Кесарийский и Агафий, притом конкретно не указывая на какую-нибудь дату («давнишние поданные лазов»). Г. А. Меликишвили отмечает, что не известно, когда конкретно произошло подчинение апсилов и абазгов Лазике. З. В. Анчабадзе также не конкретизирует этот вопрос: «Однако зависимость абазгов, — пишет он, — во всяком случае в VI в., была несколько иной, чем форма подчинения апсилов. Абазги имели двух князей: одного в западной, другого — в восточной части их страны. Территория же Апсилии, как предполагает Г. А. Меликишвили, была включена в состав Лазского царства; здесь, по-видимому, стояли лазские гарнизоны, и она была наиболее тесно связана с Лазикой»(82).

Некоторые исследователи влияние Лазского царства распространяют и на санигов. Так, например, З. В. Анчабадзе, говоря о санигах, цитирует следующее место из Прокопия Кесарийского, где говорится: «Живущие здесь люди не являются подданными ни римского императора, ни царя лазов... Только в силу того, что они являются христианами, епископы лазов назначают им священников»(83). Однако Прокопий при описании санигов (сагинов) ни словом не обмолвился о зависимости санигов от лазов и об их вере. Но зато ранее, при описании местностей и племен от Ризея до Апсарунта — Апсирты, он пишет о территории соседней с Арменией и Персоармении с ее жителями. При этом обращает на себя внимание выражение «живущие здесь люди». Рассмотрим подробнее сообщение Прокопия Кесарийского: «Так что, конечно, можно было бы удивляться тем, которые говорят, что колхи — соседи жителей Трапезунта, — пишет он. Ведь ясно, что, похитив вместе с Медеей [золотое] руно, Ясон этой дорогой мог бы бежать не в Элладу и не в родные места, но назад к реке Фазису и к живущим в глубине страны варварам. Говорят, что во

времена римского императора Траяна здесь стояли лагерем римские легионы вплоть до страны лазов и сагин. Живущие ныне здесь люди не являются подданными ни римского императора, ни царя лазов; только в силу того, что они являются христианами, епископы лазов назначают им священников. Эти племена по доб-

81 Анчабадзе З. В. *История и культура...*, с. 208.

82 Там же.

83 Его же. *Из истории средневековой Абхазии*, с. 16.

159

рой своей воле являются в силу договора друзьями и той, и другой стороны, причем они согласились все время безотказно служить проводниками тем, кого обе стороны взаимно посылали друг к другу. По-видимому, они так поступали и до моего времени. Тех, которых оба властителя посыпают друг к другу в качестве вестников, они перевозят на своих легких судах. Направо от этих мест поднимаются очень отвесные горы и на огромное пространство простирается пустынная страна. За ней живут так называемые персоармяне и армяне, подданные римлян, занимающие пространство вплоть до самых пределов Иберии»(84).

Когда Прокопий говорит «этой дорогой», имеется в виду дорога от города Ея к Апсару. Действительной этой дорогой можно идти в Армению. Когда речь идет о «живущих в глубине страны», имеются в виду живущие между Фазисом и Арменией, где находятся пустынные места. Жители этих мест служили проводниками «и той, и другой стороны». Какие стороны имеются в виду? Если Прокопий имеет в виду санигов, тогда кому они должны были служить проводниками? Как видно из текста, служившие проводниками находились между названными странами. Речь идет о римлянах и лазах, между которыми жил интересующий нас народ. Прокопий Кесарийский в книге «Война с готами» дает описание местности, находящейся севернее от Ризея. Затем называет Архабис, Апсарус-Апсирт. Сразу после этого автор говорит, что Ясон, похитив золотое руно, мог идти «этой дорогой», т. е. через Апсарус-Апсирт «не в Элладу и не в родные места, но к реке Фазису и к живущим в глубине страны варварам». Здесь Прокопий мимоходом отметил отношения этих местностей с Римской империей в более раннее время. Он пишет так: «Говорят, что во времена римского императора Траяна здесь стояли лагерем римские легионы вплоть до страны лазов и сагин». Прокопий достаточно ясно говорит о том, что местность, о которой он пишет, сопоставляется с Лазикой и Санигией. Он имеет в виду, что в его время римляне потеряли крепости, находящиеся на территории Лазики. Далее автор возвращается к описанию южной части Колхиды с Апсарунтой. «От города Апсарунта до города Петры и до границ лазов, где кончается Эвксинский понт, — отмечает Проко-

84 Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, с. 379.

160

пий, — пути один день»(85). Затем поочередно описывает морской изгиб, страну лазов, Скимнию, Суанию и в конце Санигию. О последней в источнике говорится

только то, что ее приморская часть издревле была занята римлянами. В качестве основного аргумента, приводимого указанными выше авторами по поводу зависимости абазгов от лазов, является известное утверждение Прокопия Кесарийского о том, что абазги «издревле были подданными лазов». Привлекаются кроме этого некоторые события времени ирано-византийских войн, о чём будет сказано ниже. При этом совершенно игнорируются как другие сообщения Прокопия Кесарийского, так и средневековые грузинские источники, авторы которых троявляют не меньшую осведомленность в данном вопросе, чем византийские источники. Мы имеем прежде всего в виду сообщения Леонтия Мровели и Джуаншера.

Прокопий Кесарийский как бы отрицает свое высказывание, говоря об отпадении абазгов от римлян. Однако если внимательно проследить содержание этого сообщения, становится ясной цель Прокопия. Как известно, Византия одержала победу в войне против Ирана и присвоила Лазику. Византийцам пришлось приложить много усилий для распространения своего влияния на Сванию. В этом они добились успеха только потому, что она считалась подчиненной Лазике. Поскольку византийцы узаконили подчинение Лазики себе, они стали пропагандировать идею подчинения других племен лазам. Так было и с Абазгии. Прокопий, касаясь причин восстания абазгов в 550 году, даже намеком не упоминает лазов. «Почему абазги решились на отпадение, я сейчас расскажу»(86), — пишет он и далее подробно рассказывает о трахейской битве. В сообщении говорится только о том, что абазги почувствовали свою рабскую зависимость от римлян, и поэтому восстали. Также заслуживает внимания и тот факт, что после поражения восстания абазги опять становятся зависимыми только от римлян, но не от лазов. Иначе обстояли дела в Апсии. После поражения восстания Апсии была подчинена лазам, так как и до восстания подчинялась им.

Основным источником по истории Грузии поздне-

85 Там же, с. 380.

86 Там же, с. 400.

античной эпохи является «Картлис цховреба». Один из авторов названного свода, Леонтий Мровели, описывает историю как Восточной, так и Западной Грузии древнейших времен до царя Картли Вахтанга Горгосала. Его сообщение заставляет основательно усомниться в политической мощи Лазского царства и его господства над соседними народами.

Так, например, Леонтий Мровели сообщает, что при 18-м царе картлийском Амазаспе (конец III в. н. э.) эгрийские правители уже не назывались царями, а именовались «эриставами». В источнике говорится «и прибыли к эриставам эгрийским»(87). Быть может при последующих царях Эгрии смогла укрепиться и в IV в. создала мощное царство, подчинив себе соседние народы? Грузинские источники на этот вопрос также дают отрицательный ответ(88). Леонтий Мровели сообщает, что Мириан (IV в.) царствовал в

Картли, Сомхити, Рани, Эрети, Мовакани и Эгри(89). Еще интереснее его сообщение, где о царе картлийском Мириане говорится следующее: «Имел и Эгрии до реки

Эгри»(90). Река Эгри, как известно, в то время была южной границей Абхазии. Отсюда видно, что

Эгриси, являясь частью владений Мириана, не была независимым государством. Для конца IV в. мы имеем указание Леонтия Мровели о том, что при разделе отцовского владения Бараз-Бакар получает вместе с другими областями и Эгриси(91). Далее Джуваншер сообщает, что при нашествии осетин при Вахтанге Горгасале некоторые части его государства, в том числе и Эгриси, не подверглись разграблению(92).

Таким образом, на протяжении IV—V вв. Эгриси входила в состав Картлийского царства, вследствие чего она была ограничена в своей внешнеполитической деятельности. Поэтому тезис о мирном проникновении лазских царей в Абазгию и Апсалию с согласия Рима

87 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 57.

88 Следует отметить, что не только в грузинских, но и в других источниках отсутствуют свидетельства о могуществе Лазского царства в IV—V вв.

89 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 65.

90 Там же, с. 70.

91 Там же, с. 137. В этот период произошло разделение Картли между Ираном и Восточной Римской империей.

92 Там же, с. 146.

162

для защиты горных проходов представляется нам необоснованным.

Необходимо отметить, что средневековые грузинские авторы, хорошо знавшие Абазгию и Апсалию, не включали эти области в состав Картлийского царства; наоборот, они неоднократно подчеркивали влияние на них Византийской империи, указывая, что они были заняты римлянами и не входили в состав владений картлийских царей. Например, Джуваншер сообщает, что границей Абхазии и Грузии в то время была река Эгри (Ингури)(93). Об этом же говорит его указание о том, что в V в. греки (византийцы), выйдя из Абхазии, покорили страну от реки Эгри до Цихе-Годжи(94). Джуваншер подчеркивал, что греки владели территорией на северо-запад от реки Эгри, т. е. Абхазией. По его же сообщению, Вахтанг Горгасал в течение трех лет воевал с Абхазией и завладел ее крепостями. Такой исход войны Джуваншер объясняет тем, что в то время греки были заняты войной с персами, что помешало им оказать Абхазии военную помощь(95).

Совершенно ясно, что вся территория Абхазии была тогда под протекторатом греков, от которых абхазы и могли ожидать помощи.

Описывая условия мирного договора между Вахтангом Горгасалом и византийским царем, Джуваншер приводит следующие слова последнего: территория «от реки Эгри до Малой реки Хазарии есть граница Греции со временем Александра (*Македонского?* — М. Г.)... и когда заберешь жену свою, мою dochь, тогда отдам часть ее»(96). Император отдал своей дочери в приданое территорию от реки Эгри до Клисурь, а остальную Абхазию оставил себе.

Как видно из этих источников, до Вахтанга Горгасала территория от р. Эгри до Клисурь была составной частью Абхазии. Когда присоединилась названная

территория к владениям Вахтанга? В источнике говорится, что Великий Леон был занят войной с персами и не мог прислать войско в Абхазию(97). Автор подчеркивает, что император Леон обязан был защищать Абхазию, поскольку последняя считалась его владением.

93 *Там же*.

94 *Там же*.

95 *Картлис цховреба, т. 1, с. 157.*

96 *Там же, с. 177.*

97 *Там же, с. 157.*

163

Заслуживает внимания сообщение Джуаншера о походе Горгасала, где сказано: «Захватил все крепости Абхазии до Цихе-Годжи»(98). Джуаншер в данном случае даже не упоминает Лазику. Исследователи высказывают соображение о том, что ослабление Лазского царства было связано с усилением Иберии во времени Вахтанга Горгасала(99). Как и прежде, Лазика (Эгриси) вместе со Сванетией, Маргва и Таквери подчинялась Вахтангу. Все эти факты говорят о том, что до Вахтанга Горгасала территория от р. Эгри до Клисурь(100) (т. е. Апсилия) постоянно являлась составной частью Абхазии. Отпадение Апсилии от Абхазии, надо полагать, произошло в конце V в. Тому подтверждением служит тот факт, что первая жена Вахтанга Горгасала, дочь персидского царя, скончалась в 482 году. Вторичная женитьба Вахтанга, с чем было связано присоединение Апсилии к его владениям, могла произойти только после 482 года.

Следовательно, согласно свидетельству Картльв цховреба, Абхазия и к середине V века, начиная от самых далеких северных границ и кончая южной границей по р. Эгри, находилась в подчинении византийского императора, за исключением времени господства в Апсилии картлийского царя Вахтанга Горгасала. О факте подчинения Абхазии Лазике не упоминается. Наоборот, Джуаншер сообщает, что Вахтанг привел своего сына, которого по-персидски звали Дарчил, а по-грузински — Дачи. Ему было пять лет, когда отец сделал его царем и оставил ему семеро вельмож, в числе которых были Самнагир, эристав внутренней Эгриси и Сванети, и Бакур — эристав Маргва и Такуера(101).

Названные источники обычно игнорируются грузинскими исследователями истории Абхазии и Лазики IV-V веков.

Можно ли игнорировать сообщения о событиях IV-V вв. Леонтия Мровели и Джуаншера потому, что они являются авторами XI в.?

На наш взгляд, такое отношение к этим источникам является неоправданным. Другие грузинские источники, сведения которых противоречили бы Мровели и Джуаншеру, не известны. Заметим, что сведения Леон-

98 *Там же*.

99 *Очерки истории Грузии, т. 2, с. 167.*

100 *Картлис цховреба, т. 1, с. 178.*

101 *Там же, с. 185.*

ти Мровели, касающиеся II в. н. э., принимаются грузинской историографией. Также признаны грузинской историографией сообщения Леонтия Мровели и Джуваншера о событиях IV—VI вв. н. э.(102). Данное ими подробное описание взаимоотношений Восточной и Западной Грузии, с одной стороны, и Абхазии и Византии, с другой, является свидетельством того, что Леонтий Мровели и Джуваншер пользовались первоисточниками, заслуживающими доверия.

Можно ли игнорировать эти источники на том основании, что Леонтий Мровели и Джуваншер жили в эпоху объединения всей Грузии, и только потому включали Эгриси в состав владений царей Восточной Грузии?

В таком случае они могли бы перенести действительность своего времени и на Абхазию IV—V вв. н. э., включив ее в состав Картлийского царства. Однако они не делают этого, следуя источникам, имеющимся в их распоряжении.

Заинтересованность картлийских царей в обладании Эгриси видна не только в IV—V вв., но и еще ранее. По этому вопросу Г. А. Меликишвили пишет следующее: «Мы видели выше, что позиции Картлийского царства в Западной Грузии в первой половине II в. н. э. были довольно сильными. В его состав, в качестве отдельного саериста, непосредственно входила часть территории Зап. Грузии — Аргвети (область, примыкающая к Вост. Грузии в районе Сурамского хребта). В это же время Картли овладела и определенной частью прибрежной полосы к югу от устья р.

Чорохи. Продвижение Картли ущемляло позиции Рима, результатом чего и была напряженность отношений, существовавшая между ними при Адриане. Возможно, именно этим объясняется наличие в 30-х годах II в., во время инспекционной поездки Ариана, несравненно более сильного контингента римских войск в Апсаре, у границ иберийских владений (пять когорт — половина легиона), чем в других прибрежных городах Колхиды (в Фазисе, например, стояли всего 400 воинов).

Подобно тому, как было подчинено объединение зидритов, Картли стремилась, несомненно, к подчинению и Лазского царства. В этой обстановке правители лазов и римляне становились естественными союзниками. Этот союз, вероятно, сыграл значительную роль сперва в противодействии

102 История Грузии, т. 1, — Тбилиси: Ганатлеба, 1972, с. 85—86, 111.

вии попыткам сильной Картли подчинить себе Западную Грузию полностью, а затем, после ослабления Картли — в ликвидации власти правителей Картли над восточными районами Колхиды и включении этих районов в состав Лазского царства»(103).

Надо полагать, что стремление правителей Восточной Грузии II в. н. э. постепенно осуществлялось в III, IV и V веках. Это отмечают многие исследователи, в том числе и Г. А. Меликишвили. Он пишет: «Правда, византийские авторы VI в. хранят гробовое молчание о владениях Картли в Западной Грузии. Им об этом будто ничего не известно, в то время как они исключительно хорошо осведомлены о господстве Лазского царства над племенами Зап. Грузии (апшилы, абазги, саниги) и даже над иберами. Но это и понятно: свое право на господство в Зап. Грузии они основывают именно на правах своего подданного — лазского царя, в то время как факты,

свидетельствующие о владениях находящейся в подчинении Ирану Картли в Зап. Грузии, были им крайне нежелательны, так как обосновывали бы притязания персов на Зап. Грузию. Впрочем, в глазах византийцев проникновение Картли в Западную Грузию в IV—V вв., возможно, на самом деле выглядело в качестве иранского проникновения, так как Картли при этом в большей части выступала в качестве союзника Ирана»(104).

Об отношениях Восточной Грузии и Эгриси говорит также В. Д. Дондуа. Он пишет: «Зато остальная часть Картли теперь еще теснее сплотилась с Эгриси и более прогрессивным, чем Иран, греко-римским миром. Отныне для этой части Картли еще большее значение приобретали торговые пути, шедшие через ущелья рек Риони, Квирила и Чорохи к Черному морю»(105). Это мнение В. Д. Дондуа находится в соответствии с сообщением Леонтия Мровели о вхождении Эгриси в состав владения Вараза-Бакара.

Западная Грузия (Эгриси) часто составляла одно политическое целое с Восточной Грузией (Иберией—Картли), что давало основание греко-римским авторам под Иберией понимать и Западную Грузию. В связи с этим С. Г. Каухчишвили пишет: «Источники, указанные в пункте 5 (*Плиний и Епифаний. — М. Г.*), под

103 Меликишвили Г. А. *К истории древней Грузии*, с. 383.

104 Там же, с. 386.

105 *История Грузии*, т. 1, с. 90.

Иберией и иберами понимают область и жителей (одной приморской части) Западной Грузии»(106).

Можно полагать, что и в последующие времена Эгриси считалась частью владений царей Восточной Грузии. Мы не знаем, кто был по происхождению эгрисский правитель Сергий, но события последующего времени в какой-то степени убеждают нас в том, что Эгриси была частью Иберии. Например, в начале VIII в. в Эгриси господствуют арабы, а после похода Мервана ибн Мухаммеда правителями Эгриси становятся картлийские правители Мир и Арчил, а затем сын Арчила Иоанн.

Возникает вопрос о том, почему картлийские цари стали правителями Эгриси?

Почему в источниках не упоминаются представители Эгриси, которые должны были принимать участие в борьбе против арабов? Почему после изгнания арабов из Эгриси именно ее правители, цари Восточной Грузии, изгоняются из их собственного владения, а не представители эгринского царского рода? И почему после смерти Арчила Эгриси считалась владением Иоанна — сына Арчила?

Все это говорит о том, что Эгриси не была самодеятельной страной, она зависела от Картли.

Что касается мнения о том, что «правители лазов и римлян становились естественными союзниками», оно не подкрепляется источниками. Так, в сообщении испанского хрониста V в. Хидатиуса говорится не о могуществе Лазского царства, а о походе византийцев в Лазику и об уничтожении войском Маркиана (450—457 гг.) лазов(107). Следовательно, ограничение «власти правителей Картли над восточными районами Колхиды» объясняется тем, что византийцы завоевали прибрежные крепости Лазики.

Одним из признаков мнимого могущества Лазского царства некоторые исследователи считают факт «подчинения» ему сванов(108). Однако сообщение Приска Панийского о том, что «у римлян и лазов была сильнейшая вражда с племенем сванов»(109), относящееся ко времени правления Маркиана, не подтверждает их мнение. Значит, Византия, подчинив Лазику, решила покорить и сванов. Из сообщения Приска следует, что одни лазы не могли справиться со сванами, им и с помощью римлян трудно было бороться против сванов.

106 *Георгиа*, т. 2, с. 26.

107 Там же, т. 1, с. 277.

108 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 385.

109 ВДИ, 4. — М., 1948, с. 286.

167

Подчинение сванов лазам нельзя понимать упрощенно. Оно осуществлялось на договорных началах. Так, например, имеется интересное сообщение у автора VI в. Менандра Протектора, который писал: «После того, как установилась какая-то вражда между царем лазов и в то время там (в Сванети. — М. Г.) командующим римлянином Мартином, колх не послал сванам обычный провиант: обычно хлеб им посыпал царь колхов. Поэтому, обидевшись тем, что им прекратили установленную помошь, сообщили персам о том, что если они придут туда, Сванети им сдадут»(110). Видимо, сваны должны были получать хлеб на основе определенного договора. Такие взаимоотношения между сванами и лазами превратились в обычай, и вряд ли они могут быть охарактеризованы как политическое господство лазов над сванами. Можно полагать, что и в IV—V в. сваны подчинялись лазам только на основе определенного договора; в случае его нарушения лазами, сваны могли бы отказаться от подчинения лазам, как это они сделали в VI в. Нам кажется, что именно такое положение отражено в вышеприведенном сообщении Приска Панийского.

Говоря о подчинении сванов лазам, Г. А. Меликишвили ссылается на Менандра, который сообщает, что сваны подчинялись лазам со времени правления в Риме Феодосия, а в Иране — Уарана, до Леона и Пероза(111). Известны два Феодосия, из которых первый царствовал в 379—395 гг., а второй — в 408—450 гг. Известны и два Уарана: Уаран IV царствовал в 389—399 гг., а Уаран V — в 420—439 гг. С. Г.

Каухчишвили подчинение сванов лазам связывает с правлением Уарана V. Мы также считаем, что византийский посол Петр имел в виду второго Феодосия и Уарана V. В противном случае он вынужден был бы уточнить, при каком именно Феодосии или Уаране произошло это событие.

Следовательно, подчинение сванов лазам нужно ограничить хронологическими рамками от 420 до 474 года, поскольку Леон царствовал именно до 474 года. При этом зависимость сванов от лазов началась не обязательно с первого года правления Уарана V и могла продолжаться не до самого конца правления Леона (474 г.).

110 *Георгиа*, т. 3, с. 214.

111 Там же.

168

Таким образом, так называемое подчинение лазам сванов не было длительным и не может служить признаком особой могущественности лазов.

Некоторые ученые подчеркивают, что лазы и эгрицы (лазы — горное население, а эгрицы — жители равнины) занимали обширные плодородные районы Колхиды(112). Однако источники не дают конкретных указаний о границах Лазики IV—V вв. Об экономическом состоянии Лазики в VI в. Прокопий пишет: «У лазов нет ни соли, ни хлеба, ни других произведений земли; они продают другим народам кожи, меха и невольников и тем достают себе все нужное»(113). К вопросу экономического положения Лазики он обращается несколько раз. О лазской области Мохерезисе он писал, как мы уже цитировали: «В этой области много многолюдных поселков. Из всех земель Колхиды это самая лучшая. Тут выделяется вино и растет много хороших плодов, чего нет в остальной Лазике»(114).

Из слов Прокопия Кесарийского видно, что только часть Лазики (Мохерезис) была богатой, а остальная часть — скучной и почти безлюдной. Население Лазики действительно было сосредоточено на правом берегу реки Фасида. Прокопий сообщает: «Все селения лазов находятся здесь, на этой стороне реки»(115) и далее добавляет: «Левая сторона Фасида, начиная от сей реки до пределов Лазики, простирается на один день пути для доброго пешехода. Но эта земля совсем безлюдна»(116).

Следовательно, нет основания считать Лазику «обширной плодородной» территорией, способствующей особому усилению лазов.

Г. А. Меликишвили преуменьшает влияние Картли в Лазике, ссылаясь на то, что Рим, боясь усиления Картли, поддерживал лазов и «в такой обстановке правители лазов и римляне становились естественными союзниками». «Этот союз, — далее пишет он, — вероятно, сыграл значительную роль сперва в противодействии попыткам сильной Картли подчинить себе Западную Грузию полностью, а затем, после ослабления

112 Меликишвили Г. А. *К истории древней Грузии*, с. 374.

113 Прокопий Кесарийский. *История войн римлян с персами*, кн. 2, с. 107.

114 Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, с. 423.

115 Прокопий Кесарийский. *История войн римлян с персами*, с. 224.

116 Там же, с. 226-228.

Картли — в ликвидации власти правителей Картли над восточными районами Колхиды и включения этих районов в состав Лазского царства»(117). Однако имеются все основания полагать, что территория Лазики не была раздроблена в IV—V вв. Скорее, наоборот, правители Лазики подчинялись правителям Картли. Ослабление Картли, вызванное усилением персидского господства, не мешало ее правителям распространить свое влияние на Лазику; правительство Персии было заинтересовано в распространении через Картли своего влияния на Лазику. Сообщения грузинских источников о вхождении Эгриси в состав владений царей Картли свидетельствуют о том, что персы не препятствовали картлийским царям в их стремлении подчинить Эгриси.

О влиянии Персии (через Картли) на лазских царей говорят не только грузинские, но

и византийские источники. Например, Приск Панийский сообщает: «После пожара города при императоре Льве Гобаз прибыл с Дионисием в Константинополь, одетый в персидское платье и окруженный телохранителями по мидийскому обычаяю»(118). Этот факт явно свидетельствует о персидском влиянии в Лазике во второй половине V в., которое распространялось через Картли.

Персидское влияние в Лазике отмечается и в начале VI в. Малала сообщает, что при царствовании Юстина персы доказывали, что царь лазов Цафий подчинялся царю персов Коаду. По его же сообщению, персы доказывали, что и прежде царь персов утверждал и короновал царей лазов(119). Далее он сообщает, что обувь Цафия была украшена по персидскому обычаяю(1200. Римляне даже не попытались отрицать притязаний персов на Лазику и вынуждены были прекратить переговоры по лазскому вопросу. После принятия христианства Цафием персидский царь Коад упрекает Юстину в том, что он незаконно переманил на свою сторону подданного персам Цафия. На это Юстин ответил, что к нему пришел «некий, по имени Цафий, который просил освободить его от языческой веры». Юстин, видимо, не имея на это оснований, не пытался доказать, что лазы когда-либо подчинялись ему.

Это сообщение Малалы с некоторыми сокращениями-

117 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 383.

118 ВДИ, 4, с. 264.

119 Георгиа, т. 3, с. 263–264.

120 Там же, с. 264-265.

ми повторяется и у других авторов (Георгий Кедрен, Феофан Хронограф, в Пехальской хронике) (121).

Влияние персов на лазов до VI века подтверждается и сообщением Прокопия Кесарийского, осведомленного в вопросах Лазики. «Сеос утверждал, между прочим, — пишет Прокопий, — что римляне насильственно и без всякого на то права владеют Колхидою, которая ныне называется Лазикою и которая издревле подвластна персам»(122). Византийцы и здесь не пытались отрицать подчинение Колхиды персам. В противном случае Прокопий Кесарийский отметил бы это. Напротив, он утверждает, что лазы и персы давнишние друзья, о чем до VI в. сохранились письменные документы. Так, например, в писаниях лазских послов читаем: «Колхи и персы, быв издревле союзниками, оказывали друг другу взаимные услуги, о чем сидетельствуют письменные памятники, которые имеются у нас и доныне хранятся в царском дворе твоем»(123).

Приведенные указания Прокопия Кесарийского не опровергаются и другим его сообщением, а именно о том, что «лазы, народ прежде населявший Колхиду, считался подвластным римлянам потому только, что по смерти их царя римский царь посыпал преемнику его украшения верховной власти. Впрочем, они не платили римлянам никакой дани и не были у них в повиновении. Царь лазов обязан был охранять своими подданными границы и не допускать, чтобы враждебные унны с Кавказа, смежного с их областью, вторглись через Лазику в римские владения. Они стерегли границы, не получая от римлян ни денег, ни войска»(124). Нам кажется, что здесь

Прокопий противоречит себе необоснованным заявлением о подчинении лазов римлянам.

То, что «лазы стерегли границы, не получая от римлян ни денег, ни войска», указывает на то, что римляне платили деньги в подобных случаях пограничным народам за охрану границ, что не может явиться признаком подчиненности последних. Поскольку лазы не получали денег и не платили им дань, можно заключить, что они были независимыми от римлян.

Что касается той части сообщения Прокопия, где говорится о посылке римским царем инсигний власти

121 *Георгиа, т. 5, с. 13—14; Георгиа, т. 4, вып. 1, с. 11, 17.*

122 *Прокопий Кесарийский, Указ. соч., с. 132.*

123 *Там же, с. 110.*

124 *Там же, с. 106—107.*

171

лазскому царю, ее можно отнести ко времени правления Цафия. Именно с этого времени, с конца первой четверти VI в., начинается подчинение Лазики византийцам: «После того, что случилось с Гургеном, царем иберов.., — утверждает Прокопий, — римское войско начало иметь пребывание в Лазике»(125).

Таким образом, сведения грузинских письменных источников о вхождении Эгриси (Лазики) в состав владений царей Картли поддерживается греко-римскими письменными источниками.

Сообщения Леонтия Мровели и Джуваншера о независимости Абхазии от Эгриси и о подчинении ее византийцам подкрепляется и тем, что Эгриси находилась в подчинении царей Картли, в свою очередь зависивших от персов. Кроме того, факт подчинения Абхазии византийцам подтверждается и другими греко-римскими авторами. Так, византийский автор V в. н. э. Зосим пишет, что борьбу против готов, напавших на Питиунт Великий в III в. н. э., возглавил некий Сукессиан, который был римским военачальником(126). Феодорит, епископ Кирский, автор V в., касаясь ссылки Иоанна Златоуста в Питиунт, пишет: «А затем вывели и оттуда и переселили в Питиунт, это крайний предел Понта и римской власти»(127). Автор перечисляет множество племен, подчинявшихся господству римлян, в числе которых названы и аbazги(128).

Подчинение Абазгии византийцам подтверждается и материалами раскопок древнего Севастополиса, проводившихся в 1958—1959 и 1980—1988 гг. археологами Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили и Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, которые показали, что эта крепость, основанная римлянами в I в. н. э. для закрепления своего владычества на северо-западном Кавказе, к IV веку стала крупным политическим и экономическим центром Абхазии. В IV веке производится дополнительное укрепление ее стен. Никаких данных о перерыве в культурных отложениях в крепости в течение пяти веков или об оставлении ее за это время римлянами, не имеет-

125 *Там же, с. 107.*

126 ВДИ, 4, 1948, с. 276—277.

127 ВДИ, 3. — М.—Л., 1948, с. 257.

128 Там же, с. 300.

172

ся(129). То же можно сказать о другом опорном пункте Византии на восточном Черноморском побережье Кавказа — Питиунте.

Разумеется, только хозяева страны могли владеть главными ее крепостями. Отсюда мнение о том, что лазы владели Абазгией, не имеет реальных оснований.

Многие античные авторы (Приск Панионский, Агатангелос) упоминают Лазское царство и его царя, но ни один из них не указывает на господство лазов над аbazгами. Изменилось ли положение в конце IV в., когда главные силы Византии были отвлечены борьбой с сасанидами и, не имея достаточных резервов, для охраны перевальных путей она все больше использовала местное население?

Пограничные крепости Абхазии еще в III в. находились в руках римлян. Сведения Зосима об этом приводились выше(130). В IV—V вв. в аbazгских крепостях еще стояли римские гарнизоны. Прокопий Кесарийский по этому поводу пишет: «В прежнее время... легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны»(131). Об этом же говорят археологические раскопки в Севастополисе и Питиунте(132). Сообщение Прокопия и археологический материал подтверждают, что главные укрепления Абазгии — Севастополис и Питиунт — до VI в. беспрерывно находились в руках римлян. Очевидно, римляне, чтобы не держать гарнизоны в других крепостях, передали их местному населению, из-за опасения усиления Лазского царства, а через него — Картли и Персии.

Необходимо отметить, что абхазы имели и свои собственные крепости. Например, крепость Трахея принадлежала именно им. По этому поводу Прокопий писал: «У подножья этой горы еще в древности аbazги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать

129 Трапиш М. М. Раскопки древнего Себастополиса..., с. 237—240; Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. — В кн.: СА, 3. — М., 1960, с. 177—179.

130 ВДИ, 4, 1948, с. 276.

131 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 383—384.

132 Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 209—223; Трапиш М. М. Труды, т, 2, с. 285—362; Великий Питиунт, тт. I, II и III.

173

нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места... Люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» — суровокремнистым»(133). По его сообщению, аbazги оборонялись в этой крепости и в 550 г. Следовательно, крепость Трахея с древнейших времен принадлежала аbazгам. Как видим, ни одна крепость, находящаяся на территории Абазгии, не была занята лазами.

Клухорский и Марухский перевальные пути охраняли апсылы и мисимицы, которые занимали крепости Цибил и Тсахар. Об этом свидетельствуют и письменные источники, и археологический материал.

Например, в VI в. мисимицы, узнав о том, что византийский стратег Сотерих хотел передать аланам их пограничную крепость Бухлоо, предложили ему покинуть ее. Когда Сотерих воспротивился, мисимицы уничтожили византийский отряд(134). Стремление абазгов к самостоятельности несколько изменило их положение в середине VI в. Восстание абазгов показало Риму, что в борьбе с Ираном он не может полагаться на местное население. С этих пор, как нам кажется, византийские власти начали пропагандировать версию о подчинении абазгов лазам.

Перейдем к объяснению вышеупомянутого утверждения Прокопия Кесарийского о том, что якобы абазги «были издревле подданными лазов». При этом нельзя забывать о том, что Прокопий был придворным историком Юстиниана и искусным дипломатом. Относительно его высказывания о господстве лазов над абазгами надо сказать, что он в этом вопросе сам себе противоречит. Например, Прокопий писал: «Здесь обитают разные народы: между ними аланы и абазги, издревле христианам и римлянам дружественные»(135). Если абазги подчинялись бы лазам, тогда не могло бы быть и речи о дружбе их с римлянами.

Анализируя сообщения Прокопия Кесарийского, можно заключить:

1. На территории Абхазии в IV—V вв. беспрерывно и безраздельно господствовали византийцы. В Лазике же они не имели крепостей и не держали гарни-

133 Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, с. 401.

134 Георгика, т. 3, с. 86—89.

135 Прокопий Кесарийский. *История войн римлян...*, с. 221.

174

золов до VI в., что свидетельствует о подчинении Абхазии Восточной Римской империи. Материалы раскопок Севастополиса и Питиунта также свидетельствуют о господстве римлян на территории Абхазии в рассматриваемый период, и, напротив, не содержат никаких данных, говорящих о господстве лазов над абазгами.

2. Из сообщений греко-латинских авторов выявляется зависимость Лазики от Персии, осуществляемая через Картли.

3. Лазы, находящиеся под влиянием персов, не могли господствовать над абхазами, находящимися в подчинении византийцев, т. к. Персия и Византия постоянно находились во враждебных отношениях.

Таким образом, полностью подтверждаются сообщения грузинских источников (Леонтия Мровели и Джваншера) о зависимости Абхазии от Византийской империи, а Лазики — от царей Картли.

4.3. Римско-византийская колониальная политика в Абхазии в I—VI вв. и Трахейское восстание 550 года

Как было сказано в предыдущем разделе, цари апсылов, абазгов, санигов и других зависели от Римской империи, которая на территории указанных племен имела

укрепленные пункты: Питиунт, Себастополис, Зигана, Мохора. Так было по крайней мере со II до IV века включительно. В более позднее время (V—VI вв.) византийцы за собой сохранили только Питиунт и Себастополис(136). Очень интересно сообщение Зосима об ограблении Питиунта варварами. Он писал, что борьбу против готов, напавших на Питиунт Великий, возглавил некий Сукеssiан(137). Далее этот автор говорит о том, что римские отряды стояли и в других укреплениях Абхазии(138). Латинские и греческие писатели очень мало говорят о том, как конкретно они осуществляли свое господство в Абхазии. Не исключено, что при возможности римляне и византийцы местных жителей превращали в рабов. Для подчинения абхазов византийцы использовали и религию, которую они утверждали, надо полагать, и насильственно. По этому поводу интересное сообщение имеется у антиохийского патриарха Макария

136 Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, с. 383—384.

137 ВДИ, 4, 1948, с. 276.

138 Там же, с. 276-277.

(XVII в.) ,который, ссылаясь на историка Евагра, пишет «что соборная церковь в Абхазии выстроена [императором] Юстинианом и что при дворе этого императора жил какой-то абхазец, по имени Евфрат, которого Юстиниан послал в Абхазию собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где названный император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам. До принятия абхазцами христианства римские императоры убивали всех преступников из них, но после этого события Юстиниан дал им слово, что отныне он никого из них не будет подвергать смертному наказанию(139). Христианство в руках византийцев становилось одним из средств покорения абхазов. В данном случае наказуемые абхазы — это те, которые выступали против политики Византийской империи. «Разумеется, что в названной школе, по замыслу Юстиниана, учеников-абазгов должны были воспитывать в духе преданности византийскому престолу с целью превращения их затем в проводников византийской политики в Абхазии»(140). Юстиниан считал более выгодным проводить в Абхазии свою политику с помощью самих абхазов, с этой целью и был прислан в качестве богослужителя Евфрат, родом абазг.

Вероятно, византийцы проводили в Абхазии довольно жесткую политику, что привело в середине VI века к восстанию абазгов поотив Византии.

Прокопий Кесарийский сообщает, что цари абазгов были суровыми и несправедливыми к своему народу. Это должно было создать оппозицию, которая была использована Юстинианом. Прокопий пишет так: «Со стороны своихластителей из-за их корыстолюбия эти племена (абазги. — М. Г.) испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя, замеченных ими красивых лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков убивали для того, чтобы кто-либо из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей осуж-

139 Жузе П. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария, с. 10-11.

140 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 45.

176

дала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них смертоносной красотой»(141).

Сложившиеся в Абазгии обстоятельства умело были использованы Юстинианом. Присланный Юстинианом Евфрат выполняет роль как богослужителя, так и наместника императора. От него зависят абазгские цари, он им запрещает продажу детей. Абазгские цари ограничены даже во внутренней политике. «При ныне царствующем императоре Юстиниане, — пишет Прокопий Кесарийский, — все отношения у абазгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абазга, Евфрана именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-либо из этого племени признаков мужского пола, железом насилия природу»(142).

Император Юстиниан не довольствуется достигнутым ограничением власти абазгских царей. Византийские правители через некоторое время подняли абазгов против их властителей, и последние были уничтожены. Народ полагал, что после уничтожения властителей он будет свободным. Однако в действительности его положение ухудшилось: к социальному гнету прибавился национальный. Абазги предпочли иметь собственных царей, чем находиться в рабстве у византийцев. Они избрали новых правителей и восстали против византийцев. Об этих событиях Прокопий Кесарийский пишет: «Когда они низложили своих царей, как я об этом недавно говорил (гл. 4, конец), римские воины, посланные императором и уже давно расселявшиеся среди них во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем, они ввели у них некоторые новые порядки. Ввиду более насильтвенного проявления власти, абазги, не вдумавшись в этот факт, пришли в негодование. Боясь, как бы в дальнейшем им не стать рабами римлян, они снова выбрали себе царьков — по имени Опситу для восточной стороны и Скепарну — для западной. Впав в отчаяние, что они лишились прежних благ, они естественно восстановили то, что раньше им казалось тяжким, так как то, что последовало затем, им показалось еще более плохим»(143).

141 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 382—383.

142 Там же, с. 383.

143 Там же, с. 400.

177

Абазги не могли собственными силами справиться с византийцами и призвали на помощь персов. Однако со стороны последних они не получили подкрепления и остались лицом к лицу с византийцами. Узнав о том, что абазги отпали от Византии, Юстиниан приказал Бессу, который в то время командовал византийским войском в Лазике, послать в Абазгию карательные части. «Отобрав из римского войска очень

многих и поставив над ними начальниками Улигага и Иоанна, сына Фомы, Бесс тотчас отправил их на кораблях в область абазгов»(144).

Хотя персы отказали абазгам в военной помощи, последние все-таки решили оказать сопротивление византийцам. Опсит, «узнав о походе римлян, собрал всех абазгов и со всем рвением стал готовиться к войне» с ними»(145). Сражение произошло у крепости Трахеи. «Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места»(146).

Византийцы, учитывая неприступность крепости Трахеи, двинули против абазгов многочисленные войска. «И вот римское войско пристало к берегу между пределами абазгов и апсилов; высадив воинов на сушу. Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки на легких судах всем флотом следовали за войском вдоль берега». Византийцы, несмотря на превосходство сил, с трудом захватили крепость. Даже после потери крепости абазги отчаянно сражались. Прокопий пишет: «Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абазгов были многочисленны, стояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеной, то абазги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову... пока римляне не додумались поджечь дома»(147).

Историки, касаясь вопроса локализации крепости Трахеи, высказывают противоречивые мнения. Одни предполагают, что Тряхея — это современная Гагра, другие — Новый Афон. Если первые ссылаются на топографическое описание Прокопия Кесарийского, то вто

144 Там же, с. 400-401.

145 Там же, с. 401.

146 Там же.

147 Там же, с. 402.

рые — на географическое описание того же историка. Существует и такое мнение, что якобы Трахея находится где-то на перевале Кавказского хребта.

Для решения этого вопроса необходимо уточнить границу между абазгами и апсилами в VI в. В этом аспекте важное значение имеет вопрос о принадлежности Себастополиса.

Итак, на территории какого племени находился город Диоскурия—Себастополис? Арриан в своем описании не указывает границ политических единиц, а перечисляет их, соблюдая последовательность с юга на север. «Рядом с зидритами — лазы; царем у лазов — Маласс, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы, у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничит аваски; у авасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с авасками — саниги, в земле которых лежит Себастополь; царь санигов — Спадаг получил царство от тебя»(148). Из этого сообщения выясняется, что город Себастополь находился на земле санигов. Нам кажется, что в достоверности этого сообщения Арриана нельзя сомневаться, поскольку он был в Себастополе.

Арриан далее описывает местность к северо-западу от Себастополя и указывает, что «эта река Ахеунта (называется Басисом) находится между зихами и санигами»(149).

Получается, что река Ахеунт являлась северной границей санигов. Однако неясно, какую этническую единицу подразумевал Арриан под санигами. Можно ли предположить, что саниги наряду с апсилами и абазгами были предками современных абхазов и что во II в. н. э. саниги этнически почти не отличались от абазгов?

Этнически родственные племена в то время образовывали отдельные политические единицы: Апсилию, Абазгию, Мисиминию, Санигию и т. д. Древние писатели, прежде всего, освещали политическую историю. Однако они не могли обойти молчанием вопрос этнического единства (или родства) абазгов и санигов. Вследствие этого, по Арриану, Севастополь находился на территории санигов. Это не случайно. Об этом же, хотя не совсем ясно, говорит и Прокопий Кесарийский(150).

148 Латышев В. В. Указ. соч., *Латинские писатели*, вып. 1, с. 222.

149 Арриан Флавий. Указ. соч., с. 92.

150 Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, с. 383.

Подобное явление имеет место и в сообщениях грузинских историков, хотя они относятся к тридцатым годам VIII века. В «Картлис цховреба» царицы Анны (наиболее древний из известных сводов) говорится о городе Абхазии и Апсилии Цхуми(151). По этому вопросу З. В. Анчабадзе писал: «В данном случае», несомненно, под названием «Абхазия» подразумевается не Абазгия в узком смысле, которая являлась в VI-VII вв. одной из этнических областей на территории Абхазии, наряду с Апсилией, Мисиминией и др., а «Абхазия» в ином смысле, разумеющем более широкое географико-политическое образование, включавшее в себя и Абазгию и Апсилию, равно как и другие этнические области Абхазии»(152). Мы предполагаем, что автор в данном случае, наряду с географико-политическим аспектом имел в виду и этнический. Своебразную аналогию наблюдаем у греческих авторов, когда они отождествляют санигов и абазгов, и в грузинских источниках, когда отождествляются абазги и апсилы. На взгляд, такие указания греческих и грузинских источников правомерны, имеют под собой реальную почву.

Следовательно, если этнически отождествить абазгов и санигов, то северной границей Абазгии можно было бы признать р. Ахеунту. Но тогда, когда Прокопий Кесарийский говорит о восстании абазгов и о крепости Трахее, он имеет в виду Абазгию, а не Санигию. Поэтому северной границей Абазгии VI века нельзя признать реку Ахеунту. К сожалению, ни у Арриана, ни у Прокопия нет прямых указаний о конкретных границах Абазгии.

Можно сказать, что вопроса границ Абхазии, первым коснулся Вахушти Багратиони. По его представлению, северной границей Абазгии являлась река Каппети (Бзыбъ). «Западнее Бичвинты, — он писал, — течет река Каппети, большая и быстроходная»(153). Южной границей Абхазии, по Вахушти, является Малая гора к западу от Анакопии, которая тянется от Кавказского хребта до моря(154). Видимо, ученый придерживался какого-то административного деления своего времени, которое не соответствовало положению VI в.

151 «Картлис цховреба» царицы Анны. — Тбилиси, 1942, с. 149.

152 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 8.

153 Вахути. Описанне Грузинского царства. — Тбилиси, 1941, с. 171.

154 Там же.

180

М. М. Иващенко, стремясь доказать обратное, т. е. то, что граница между абазгами и апсилами проходила по р. Келасури, пишет: «Если р. Келасури была пограничной в конце V века, то вполне допустимо, что она оставалась границей и в эпоху Юстиниана в середине VI века, а, следовательно, там и была граница Апсилии и Абазгии»(155).

При описании похода иранского военачальника Набеда в Апсилию М. Брюссе отмечал, что Набед с сильным войском и слонами шел в Апсилию, нынешнюю Самурзакань, которая находится между Лазикой и Абазгией(156). Он северную границу Апсилии переносит намного южнее реки Келасури.

Иного мнения о границах Апсилии и Абазгии придерживается З. В. Анчабадзе. Он считает, что «крайняя северо-западная (приморская) граница Апсилии проходила вблизи нынешнего Нов. Афона, район которого входил уже в состав Абазгии. Возможно, что эта граница пролегала по реке Гумиста или несколько западнее ее»(157).

Таким образом, граница между Апсилией и Абазгией проходила приблизительно между р. Келасури и Гумистой.

Как известно, Анакопия была столицей Абазгии. Правители Абазгии не могли бы построить столицу за пределами своей страны(158). И юго-восточная граница Абазгии, как нам кажется, не проходила западнее р. Гумисты.

По данным всех письменных источников можно сделать вывод, что Анакопия — столица Абазгии — находилась на территории того политического образования, столицей которого она являлась, и мы не можем согласиться с описанием Вахути. Несомненно, Абазгия с юга граничила с Апсилией. Это следует из Флавия Арриана и Прокопия Кесарийского. Следовательно, Трахею нужно искать на территории Абазгии VI в.

Кроме Прокопия Кесарийского, никто не описывает Трахею и даже не упоминает ее. Поэтому при локализации Трахеи историки и др. исследователи обращаются на Прокопия, описание которого толкуют по-разному.

155 Иващенко М. М. Великая Абхазская стена, с. 86.

156 Брюссе М. История Грузии. — Тбилиси, 1949, с. 88.

157 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 8.

158 По описанию Вахути.

181

Фредерик Дюбуа де Монпере, путешествовавший в 30-х годах XIX века вокруг Кавказа и побывавший в Абхазии, следующим образом описывает Анакопию — современный Новый Афон: «Анакопия или Phanakori, как пишут иногда, означает видимую издалека местность, исеченную крутизнами гор, название как нельзя более соответствующее характеру местности»(159). Он уверенно говорит, что древняя

Трахея находилась на территории Анакопии, на вершине современной Иверской горы. Дюбуа сообщает: «На вершине покрытого прекрасными деревьями холма, который вздымается в виде усеченного конуса у левого угла устья Псирсти, торчит старая круглая башня, окруженная полуразрушенными строениями; нельзя проследить взглядом скрытую под листвой стену, соединявшую эту башню с другой, белой башней, на половине склона; но, начиная отсюда, можно хорошо различить остатки стены, которая, опускаясь до самого берега моря, закрывала в былье времена проход по берегу. Это руины Анакопии, или Никофии древних карт»(160). Как видно из этого сообщения, Дюбуа смешивает описанный Прокопием обрыв с какой-то стеной. Прокопий называет скалу «идущей от лагеря до самого моря»(161). Дюбуа говорит, что «здесь можно легко узнать знаменитое дефилю с его крепостью, которое греки назвали «Трахеей»(162). Французский путешественник ссылается на описание Прокопия, так как нет другого описания данной местности.

Близкую мысль высказывает Д. Бакрадзе. Он локализует Трахею в районе Анакопии: «В Анакопии, на самом берегу моря сначала перед вами встает массивная круглая башня, вся обросшая плющем, и местами вдоль берега тянется обширная ограда, столь же роскошно увитая ползучими растениями; затем позади ее углубляется в горы знаменитое Трахейское ущелье, и на гребне утеса видны остатки замка Трахеи, который греки отняли у абазгов в VI в. при Юстиниане, после кровопролитной осады»(163).

Неизвестно из каких источников исходит И. А. Джавахишвили, когда крепость Трахею локализует где-то

159 Дюбуа де Монпере, *Путешествие вокруг Кавказа, т. 1.* — Сухуми, 1937, с. 129.

160 Там же.

161 Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, с. 401.

162 Дюбуа де Монпере, Указ. соч., с. 130.

163 Бакрадзе Д. *Кавказ в древних памятниках христианства.* — В кн.: ЗОЛКА, кн. 1. — Тбилиси, 1875, с. 25.

182

на перевале Кавказского хребта. Он пишет, что византийцы преследовали бежавших абхазов до крепости, построенной на хребте Кавказского перевала(164). При описании сражения Прокопий не упоминает перевал Кавказского хребта. «Преследуя их с двух сторон,— говорит он, — римляне схватили и убили очень многих из них. Вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открытыми»(165). По описанию Прокопия, названная крепость находилась не на перевале, а «у подножия этой горы», т. е. той горы, которая с Кавказского хребта понижалась до Евксинского моря. Таким образом, тельзя признать правильным определение местоположения Трахеи И. А. Джавахишвили.

Большинство исследователей, касавшихся вопроса крепости Трахеи, локализует ее в районе современного Нового Афона. Например, архимандрит Леонид, который описывает Анакопию в своей работе «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», предполагает, что Трахея находилась в Новом Афоне. «С половины VI и в последующие века Анакопия, — как утверждает он, — была резиденцией греческих правителей Абхазии, завоеванной императором

Юстинианом в 550 году»(166). Как известно, в 550 году абазги восстали против византийских захватчиков, и Юстиниан поручил Бессу усмирить их. Автору указанной работы хорошо известно об этом событии. Более подробно об этом восстании пишет И. Н., в работе того же названия. «Около 550 года, — сообщает он, — византийцы взяли после кровопролитного приступа крепость Трахею, построенную абазами для защиты входа в знаменитое Трахейское ущелье, ведущее внутрь Абхазии (с юга, со стороны Лазики), и подчинили ее своей власти»(167). Интересно то, что, по представлению И. Н., византийцы могли вторгнуться в Абхазию со стороны Лазики и что Трахея находилась на юге Абхазии, т. е. в Абазгии. С. Н. Джанашия предполагал, что Трахея находилась на месте Гагры. Он исходил из того, что описание

164 *Джавахишвили И. А. История грузинского народа, кн. 1, с. 255.*

165 *Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 402.*

166 *А. Л. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. — М., 1885, с. 47.*

167 *И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, М., 1896, с. 68.*

183

местности Прокопием, по его мнению, подходит только к Гагре. Он подчеркивает, что «это побережье имело большое значение и с военно-стратегической точки зрения: здесь находились такие же ворота для пробивавшихся в Западную Грузию с северо-запада, какой была Петра (современная Цихисдзири) для пробивавшихся с юго-запада — подразумеваю Гагру — Трахею»(168).

Гагра и Петра действительно закрывали Закавказье как с северо-запада, так и с юго-востока. Но из этого не следует, что Трахею нужно локализовать на месте Гагры.

Как известно, город-крепость Петра, расположенный на юго-восточной окраине Лазики, был построен византийцами. Но Петра не служила преградой против нашествий с юго-востока, как это полагает С. Н. Джанашия, а была лишь опорным пунктом византийцев в Лазике. Мнение о том, что Петра служила форпостом Зап. Грузии на юго-востоке опровергается не только другими авторами, но и самим С. Н. Джанашия в другой его работе, посвященной крепости Петра. Там он пишет, «что для проведения намеченной политики в Эгриси необходимо было такое местное укрепление римских физических сил, чтобы представитель кесаря свободно мог диктовать свои желания правящим кругам страны»(169).

Поэтому нельзя рассматривать Петру и Трахею как крепости одинакового стратегического назначения, заграждавшие пути в Западное Закавказье. Во-первых, к тому времени не было единого политического образования в виде «Западной Грузии». Во-вторых, Петра была построена византийцами и являлась их опорным пунктом, а Трахея была построена абазами с целью самозащиты. Таким образом, крепость Трахея не обязательно должна находиться на северо-западной окраине Западного Закавказья. Она должна была находиться на позиции, выгодной абазам. В античную и раннесредневековую эпоху абазам больше всего грозила опасность со стороны римлян, византийцев и Ирана и поэтому крепость должна была быть

обращена в ту сторону, откуда грозила опасность. Но Гагра не была крайним южным пунктом Абазгии, если даже она входила в состав Абазгии в VI веке.

168 Джанашиа С. Н. Труды, т. 1, с. 73.

169 Там же, с. 29.

184

Кроме всего того, к топографическому описанию Трахеи нужно подойти критически. Как известно, Прокопий Кесарийский сам не видел Трахею. Он находился в штабе восточного фронта византийской армии в качестве военного советника византийского полководца Велизария. Сведения о битве в Трахее Прокопий получал от военачальников, видимо, от Иоанна и Улигага, которые были присланы Бессом для подавления восстания абазгов. По этим сведениям, «есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абазгов, по которому нельзя идти людям даже по двое в ряд. Так что нет ничего удивительного, что приходилось идти один за одним, друг за другом, пешими и то с трудом»(170). Достоверно ли такое описание местности Трахеи? Без сомнения, нет. Если Трахея была такой неприступной, то византийцы не могли бы применить никакой техники и взять крепость. Таким описанием Трахеи военачальники хотели подчеркнуть свои заслуги в покорении неприступной крепости. Видимо, и Прокопий упустил из виду, что приведенные им сведения содержат противоречия. Если по тропинке к крепости можно было идти «друг за другом, пешим и то с трудом», то как стало возможным, что «вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления» или же «преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота» и даже «стража у ворот не могла ни отделить абазгов от неприятелей, ни закрыть ворота, так толпа давила на них»(171). Указание Прокопия о том, что Трахея находилась «за пределами апсилиев, при входе в пределы абазгов», не дает повода сомневаться в его достоверности. З. В. Анчабадзе также локализует Трахею на территории Анакопии. «Однако даже если исходить из рассказа Прокопия, — подчеркивает он, — то придется признать, что его описание все-таки более соответствует Анакопии, нежели Гагра»(172). И далее он отмечает, что «окончательное решение вопроса о возможности местонахождения Трахеи в районе нынешнего Нового Афона может быть получено в результате археологических раскопок на территории Анакопийского городища»(173).

Раскопки Анакопии на самом деле дали богатый ма-

170 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 401.

171 Там же, с. 402.

172 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 10.

173 Там же, с. 11.

185

териал, указывающий на стратегическое значение цитадели Анакопийского укрепления. «Рассматриваемая цитадель, хотя занимает небольшую площадь (длина 83 м, ширина 37 м), — читаем в исследовании М. М. Трапши, — но она представляет сильное укрепление. Ее мощные стены по всей линии обороны сохранились на

высоте не менее 4—5 м, имеют толщину более одного метра, сложены из хорошо отесанных известняковых квадров. Квадры хорошо пригнаны друг к другу и чередуются между собой то широкой плоскообработанной стороной, то узкой. Стены возведены на известковом растворе с песком и гравием, местами с кусочками шамота. Раствор этот отличается большой прочностью»(174). По утверждению Прокопия, в Анакопии «еще в древности абазги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное»(175). Следовательно, Анакопия с древнейших времен имела стратегическое значение и это значение не утратила в период средневековья. Материалы М. М. Трапша соответствуют данным Прокопия. «Входные ворота в крепость расположены у юго-западной угловой башни, являющейся самой мощной из всех анакопийских башен. Эта башня надежно защищала входные ворота крепости. Древняя узкая дорога, подходившая к воротам крепости, шла немного ниже угловой башни, огибая ее слева. Неприятель должен был пройти здесь над крутым откосом, находясь под массированными ударами со стороны защитников башни, поражавших его с правой, незащищенной щитом стороны. Мало того, обогнув башню, противник попадал на узкую тесную площадку, искусственно созданную перед воротами крепости. Но если бы даже и при этих условиях врагам удалось взять ворота, они попали бы не внутрь крепости, а в отдельный треугольный дворик, созданный позади главной башни, где встретили бы перед собой новую мощную стену с дополнительными воротами. Брать крепость со стороны южной стены второй линии обороны прямым ударом тоже представлялось почти невозможным, так как на этом ответственном участке было сконцентрировано семь башен, которые, в отличие от башен цитадели, выступают вперед из стен, давая возможность флангового обстрела наступающего неприятеля»(176).

174 Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии, с. 121.

175 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 401.

176 Трапш М. М. Указ. соч., с. 123.

М. М. Трапш справедливо подчеркивает, что Анакопийская крепость «является одним из наиболее значительных фортификационных сооружений не только Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа. В VII в. н. э. она служила центром и мощным опорным пунктом Западного Абхазского княжества абазгов, а позднее, в конце VIII в., вокруг нее образовалось объединенное Абхазское царство, первоначальной столицей которого являлась, по-видимому, Анакопия»(177). Если Анакопийская крепость в VII в. была опорным пунктом Абхазского княжества, то без сомнения можно сказать, что она и в более ранние времена имела первостепенное значение для абазгов.

Таким образом, сообщение Прокопия Кесарийского о стратегическом значении и величине крепости Трахеи подтверждается археологическим исследованием Анакопии. Это дает возможность сделать вывод о тождестве Трахеи и Анакопии(178). Это мнение подкрепляется и тем, что восстание возглавил правитель Восточной Абазгии Опсит. Можно предполагать, что Опсит избрал бы для обороны такую крепость, которая занимала бы более выгодную стратегическую позицию, и без боя не сдал бы византийцам свое владение. Он должен был встретить врага у порога

своего владения. Уступив византийцам свое владение, Опсит не возглавил бы восстание.

О том, что Трахея — это Анакопия, свидетельствует на наш взгляд, и само название крепости. Прокопий писал: «Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва; люди, говорящие здесь по-гречески, называют это «Трахеей» — сурою кремнистым»(179). Здесь необходимо подчеркнуть, что слово «кремнистый» отсутствует в греческом тексте. «Трахея» — греческое слово, означающее неровную местность. Как видно, в этом названии отражено географическое расположение данной крепости. Почему это место получило греческое название? Греческое название городов, населенных пунктов и рек часто встречается и на территории Запад-

177 Там же, с. 121.

178 Изученную вторую линию обороны крепостных сооружений М. М. Трапи датирует VII в., но поскольку она, по его же словам, в VII в. служила центром и мощным опорным пунктом Западно-Абхазского княжества абазгов, вполне возможно, что в этом комплексе имеются и более ранние сооружения в неисследованной части крепости.

179 Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 401.

187

ной Грузии в связи с долгим пребыванием там греков. Например: Археополис, Родополис, Боас, Иппос и др. Каждый из них имеет свое местное название: Нокалакеви, Вардцихе, Квирила, Іхенисцкали и т. д. Те названия местностей, населенных пунктов и рек, которые имели описательное значение, обычно переводили и, таким образом, создавали новые греческие названия. Это относится и к названию крепости Трахея, которое является переводом местного названия крепости — Анакопия, дошедшего до нас только в позднейших письменных (грузинских) источниках. «Анакопия» происходит от слова «акуапа» (ақуапа) и по-абхазски также означает неровную местность. Мы считаем, что топоним «Анакопия» должен предшествовать топониму «Трахея».

Все сказанное позволяет утверждать, что крепость Трахея Прокопия Кесарийского соответствовала крепости Анакопии Джуваншера и «Матиане Картлиса» и находилась на вершине Иверской горы в Новом Афоне.

Борьба абхазов против византийцев не кончилась сражением у крепости Трахеи. В 555 году против византийцев выступили и мисимицы. По сообщению византийского историка Агафия, который не указывает на истинные причины этого восстания, мисимицы, узнав о том, что византийский чиновник Сотерих хотел передать аланам одну из главных мисимиических крепостей Бухлоо, послали к нему двух вельмож по имени Хадо и Тиане, через которых предложили Сотериху покинуть крепость, обещав при этом обеспечить его всем необходимым. Агафий подчеркивает, что Сотерих высокомерно отнесся к подчиненным колхам. Он приказал избить мисимицев. После этого эпизода Сотерих и его отряд вели себя, словно не находились во вражеской стране(180). Мисимицы неожиданно напали на лагерь Сотериха и уничтожили всех. Агафий склонен считать, что византийцы дружественно настроены были к мисимицам, но последние отнеслись к ним как к врагам(181). Чтобы

предупредить ответный шаг византийцев, мисимийцы попросили помощи у персидского полководца Нахорагана, который отправил к ним подмогу. Византийцы, прибыв в Апселию, не захотели сражаться с персами. Как только наступила зима, персы покинули Мисимию и вернулись в Кутаис и Иберию, воспользо-

180 Георгика, т. 3, с. 88.

181 Там же, с. 90.

188

вавшись этим обстоятельством, византийцы двинулись на Мисимию и потребовали у мисимийцев возмещения нанесенного им ущерба. Они послали к мисимийцам знатных апсилов, однако первые не пожелали вести переговоры и убили апсилов. Тогда византийцы решили силой покорить мисимийцев. Последние, не получив помощи от персов, самостоятельно оказали сопротивление византийцам. Главное сражение произошло у крепости Тсахар, которая называлась железной из-за мощных укреплений. Византийская регулярная армия одержала победу над восставшими мисимийцами. По словам Агафия, византийцы никого не щадили, убивали женщин и детей, некоторых детей со скал сбрасывали, других подбрасывали и подставляли копья(182). Восставшие понесли большие потери. Во время переговоров с византийцами мисимийцы заявили, что у них погибло не менее пяти тысяч мужчин, а женщин и детей еще больше(183). Трудно сказать, насколько точны эти цифры, но известно, что мисимийцы погибали не только непосредственно в бою, но и в результате поджога их жилищ и крепостей.

Византийский предводитель Иоанн, ограбив мисимиан, захватил заложников, вернул деньги, отобранные у Сотериха, из царской казны забрал двадцать восемь тысяч восемьсот золотых монет.

Анализируя эти события, З. В. Анчабадзе совершенно справедливо пишет: «Сколь бы ни преувеличивали мисимиане свои потери, не остается сомнения в том, что они для такой небольшой народности, как мисимийская, были весьма велики. Из этого факта видно, какой вред наносили иноземные захватчики, в данном случае византийские, местному населению, в частности, его этническому развитию. Совершенно очевидно, что византийцы не остановились бы и перед полным уничтожением целых народностей, если от этого зависело бы укрепление их господства на Кавказе, для достижения его Византия не жалела ни средств, ни людей»(184).

Многие исследователи полагают, что «в целях дальнейшего укрепления своих стратегических и политических позиций на Кавказе, в частности в Западной Грузии, византийское правительство... в VI в. начало возводить на территории современной Южной Абхазии

182 Там же, с. 171.

183 Там же, с. 174.

184 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 52—53.

189

грандиозное оборонительное сооружение, известное под названием Келасурской или

Великой Абхазской стены»(185). По мнению З. В. Анчабадзе, Юстиниан, построив Келасурскую стену, укрепил теснины, чтобы прикрыть доступ в Лазику. Однако за стеной оставались владения Византии — Абазгия и Санигия. Здесь же следует привести сообщение Прокопия Кесарийского о том, что «Юстиниан окружил город Севастополис такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным»(186). Надо полагать, если строительство этой стены началось до завершения ирано-византийской войны, тогда город Севастополис должен был стать неприступным именно с южной стороны, поскольку к этому времени позиции Византии в Лазике не были прочными.

И по мнению академика С. Н. Джанашиа, упомянутые Прокопием «клисурсы» у входа в Лазику являются Келасурской стеной(187). Однако нам кажется, что это предположение не совсем обосновано. Прокопий хорошо знал как лазов, так и Лазику, а также апсилов и абазгов и их страну. Притом Абазгия и Апсilia до завершения войны в Лазике и после нее оставались в зависимости от Византии. Поэтому последняя вряд ли построила бы пограничную стену, разделявшую на две части ее владения. Нам кажется более правильным народное предание, записанное П. Уваровой, по которому Великая Абхазская стена, возведенная Юстинианом, защищала Абхазию от набегов соседних племен(188). Упомянутъде здесь соседние горные племена не обязательно означают северо-кавказские племена; в то время все кавказские племена назывались горскими.

Независимо от того, против кого стена была построена, ее целью было укрепление в Абхазии византийских позиций. После подавления восстания в Мисиминии в 555 году византийцы упрочили свои позиции в Абхазии. Поэтому З. В. Анчабадзе пишет: «О том, что уже в 555 г. византийцы чувствовали себя в Абазгии более или менее спокойно, свидетельствует, в частности, тот факт, что туда был сослан отстраненный от командования в Лазике военачальник Бесс, про которого Агафий сообщает, что «имущество его было конфисковано;

185 Там же, с. 53.

186 Прокопий. О постройках, с. 249.

187 Джанашиа С. Н. Феодальная революция в Грузии, с. 76.

188 Уварова П. Христианские памятники Кавказа. — В кн: МАК, IV, 1894, с. 33.

он был выслан в страну абазгов и там должен был оставаться, выжиная дальнейших о нем распоряжений». Совершенно очевидно, что византийское правительство такого крупного военного чиновника, каким был попавший в опалу Бесс, могло сослать лишь в край, в котором оно считало свои позиции прочными»(189).

Надо полагать, позиции Византии в Абхазии оставались сильными в течение всего VI в. Только в VII в. мы узнаем, что соотношение сил Абазгии и Византии резко меняется: позиции Византии в Абазгии заметно слабеют.

4.4. Абхазия во второй половине VI—VII вв.

После подавления восстаний у крепостей Трахея, Тсибил и Тсахар Византия заново

подчинила абазгов, апсилов и мисимиан. Во второй половине VI века Византия окончательно победила персов, вследствие чего она и Лазику подчинила своей власти. Последнему обстоятельству придавалось особое значение, что было отражено в договоре между Ираном и Византией. По данным некоторых источников (Менандр, Агафий), во второй половине VI в. апсилы и мисимийцы упоминаются как отдельные народы. О положении абхазских племен в конце VI в. и первой половине VII в. сведений в источниках нет.

Из источников VII в. наиболее важны сведения Феодосия Гангрского. В них речь идет о Максиме Исповеднике, его друге Анастасии и ученике последнего, также по имени Анастасий, находившихся в Лазике. Феодосий Гангрский, который тогда занимал должность пресвитера, сохранил письмо, написанное ему иноком Анастасием. Феодосий перечисляет все крепости, где томился Анастасий, с указанием их расположения. Так, например, Анастасий был заключен в крепость Скотори, которая находилась близ Абазгии, т. е. на территории Апсиллии. Скорее всего она располагалась в ущелье реки Кодор. Не подлежит сомнению, что окрестности Кодора в шестидесятых годах VII в. входили в состав Лазского княжества. Как видно из этого сообщения, Анастасий томился лишь в лазских крепостях. К этому времени византийское влияние на Абазгию слабеет, Ла-

189 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 55.

191

зика же постепенно лишается политической свободы, ее зависимость от Византии усиливается. В более раннее время византийское правительство опасных лиц отправляло в Абазгию. Сейчас положение изменилось.

Другая крепость, упомянутая в письме Анастасия, — Пуста — находилась на территории Апсиллии или Мисиминии. Это отмечали С. Г. Каухчишвили и З. В. Анчабадзе(190). На наш взгляд, имеется возможность конкретизировать местонахождение названного города. Название Пуста сохранилось в наши дни в абхазской форме Апушта (Апышэта) в местности, расположенной к востоку от Азантского озера. В настоящее время там прослеживаются развалины древних сооружений, откуда происходят многочисленные археологические материалы, относящиеся к цебельдинской культуре(191).

Когда в источниках речь идет о «пустовцах», имеются в виду жители города Пусты. В связи с этим интересно сообщение автора второй половины VIII в. Епифания Константинопольского о том, что Андрей Первозванный вел в Пусте проповедническую деятельность и, справившись здесь со своими делами, уехал в Абазгию(192). Сведения Феодосия Гангрского сохранились в трех редакциях (греческой, латинской и грузинской), однако в отдельных деталях они расходятся. Так, например, в греческих и латинских текстах говорится о том, что крепость Скотор находилась близ Абазгии, а в грузинском варианте — в Абхазии (Абазгии). Грузинский текст в другом месте упоминает крепость Таквери в Абазгии(193), а в греческой редакции она находилась близ Абазгии(194). Латинский вариант помещает Таквери близ Иберии.

Следующая крепость — это Буколус, название которой созвучно с названием мисимийской крепости Бухлоо. По греческому и грузинскому вариантам Буколус

находился на границе Алании, по-латинскому — близ Алании, в стране мисимиан. Нам кажется, что латинский текст более правильно локализует крепость. Не менее важным является сообщение о крепости Тусуме. Она находилась на границе Апсилии, вблизи

190 Георгина, т. 4, ч. 1, с. 43—44; Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 70.

191 Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Указ. соч., с. 175—190.

192 Георгика, т. 4, с. 58.

193 Там же, с. 43—44.

194 Там же, с. 43.

192

абазгов и аланов, выше Моквы. Сейчас выше Моквы находится село Тхина, название которогоозвучно с названием крепости Тусуме, и где в настоящее время находятся развалины древних крепостей. Все эти сведения говорят о том, что часть Апсилии к шестидесятым годам VII в. прочно вошла в состав Абазгии.

Севастополь в VII веке, надо полагать, становится городом Абазгии. В это время процесс консолидации абхазских племен становится уже явственным. Это мнение подтверждается и сведениями анонимного армянского географа VII в., где говорится: «Между болгарами и Понтийским морем живут народы гарши, куты, сваны (по мнению З. В. Анчабадзе, саниги) до города Питиунта. На морском берегу — страна авазгов, где апшилы и абазги до приморского своего города Себастополиса и далее до реки Дракона... отделяющей от страны Егер»(195). По этому сообщению, абазги и апшилы живут в Абазгии, т. е. они уже объединены, их страну от лазов отделяет р. Дракон. Комментируя эти сведения, З. В. Анчабадзе пишет: «Но то обстоятельство, что армянский географ абазгов и апшилов именует в отдельности, говорит, несомненно о том, что они еще не слились полностью в одну народность, и Апсилия пользовалась еще какими-то сюзеренными правами, что подтверждается и последующими источниками. Так, у византийского писателя Феофана Хронографа Апсилия, в связи с событиями начала VIII в. фигурирует как внутренне самостоятельное владение во главе с Марине, которого Феофан называет «первейшим человеком среди апшилов»(196). Это получило отражение и в Картлис цховреба, в котором называется «город Абхазии и Апсилии Цхуми».

Таким образом, в шестидесятых годах VII века термин «Абазгия» распространялся и на часть Апсилии. Так было до тридцатых годов VIII века. Об этом говорит обращение правителя Абхазии Леона I к правителью Картли Арчилу: «Дал мне кесарь эту страну в наследственное владение..., и отныне она является моей вотчиной от Келасури до Малой реки Хазарии, куда достигают вершины Кавказские»(197). Следовательно, р. Келасури остается быть южной границей Абхазии до

195 Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922, с. 21.

196 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 66.

197 Уартлис цховреба, т. 1, с. 242.

193

женитьбы Леона I на племяннице Арчила. То, что территория от р. Келасури до Малой реки Хазарии являлась владением Византии, подтверждается и наличием Келасурской оборонительной стены. Правда, существует мнение о том, будто эта стена охраняла владения от северокавказских варваров, однако в действительности она фасом была обращена на юго-восток и, следовательно, защищала страну от нападения врагов с юго-востока(198).

Приведенная цитата определяет и северную границу Абхазии. В другом месте Джуваншер относительно северных границ Абхазии говорит: «От реки Эгри до Малой реки Хазарии есть граница Греции со временем Александра»(199). Таким образом, одно свидетельство Джуваншера касается конца V века, а другое — первой половины VIII в. Территорию от реки Эгри до Малой реки Хазарии Джуваншер считает владением Греции. Действительно, именно из этого владения император выделяет долю Вахтангу Горгасалу, а оставшаяся часть в VIII в. была передана в наследство Леону I. Так что, протяжение северных границ Абхазии до Малой реки Хазарии, на наш взгляд, соответствует действительности. Однако, З. В. Анчабадзе высказывает сомнение в отношении этой границы, которое объясняется тем, что «во всех источниках последующего времени этой границей считается город Никопсия, расположенный на левом мысе небольшой бухты, в которую впадает р. Нечепсухо... Церковная легенда считала этот пункт местом погребения «апостола» Симона Кананита, рассматривая его как пограничный между Абхазией и адыгскими владениями»(200). Затем З. В. Анчабадзе ссылается на Епифания Кипрского, который пишет: «Могила Симона Кананита находится в городе Никопсия (который расположен) на границе между Абхазией и Зихией (?)»(201). Леонтий Мровели, в связи с кончиной Симона Кананита, утверждал, что Никопсия находилась на границе Греции(202). С этим мы не можем согласиться, т. к. расположение Никопсии на границе между Абхазией и Зихией является доказательством обратного, что город не

198 См. г. V, § 5 настоящей работы.

199 *Картлис չխօրեბա*. т. 1, с. 177.

200 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 67.

201 Кекелидзе К. Этюды из истории древнегрузинской литературы, т. 4. — Тбилиси: Мецниереба, 1957, с. 258.

202 *Картлис չխօրեბա*, т. 1, с. 38.

находился на границе Греции. Некоторые авторы и Питиунт считали крайним пределом Римской империи, однако к тому времени от Рима зависели и зихи (их царь был утвержден римским императором).

Как видно, два современника — Леонтий Мровели и Джуваншер — о северных границах Византии и Абхазии дают противоречивые сведения. По нашему мнению, сообщение первого носит вымышленный характер, а второго — более правдоподобное.

Что же касается простирания территории Абхазии до р. Нечепсухо, то З. В. Анчабадзе это объясняет тем, «что данная территория (от Бзыби до Нечепсухо) была заселена ближайше родственными абазгам населением — санигами и зехами. Общие интересы борьбы против иноземных захватчиков, в частности, против хазаров) также

стимулировали, надо полагать, это объединение. Поскольку Абазгия являлась вассалом Византии, то помочь со стороны последней в этом акте вряд ли приходится отрицать, особенно если учесть активизацию византийской экспансии на Кавказе в последние годы правления Льва Исавра»(203).

К середине VII века соотношение политических сил между Абазгией и Лазикой резко меняется, что связано с ослаблением Византии. По сведениям Феодосия Гангрского, в указанное время правитель Лазики был изгнан из своей страны и бродил по стране христолюбящих абазгов. Правители этой страны советовали ему, чтобы он с сочувствием относился к Анастасию и не преследовал бы его(204). Это сообщение является прямым указанием на то, что Лазика больше зависела от Византии, чем Абазгия. Преследуемый Анастасий постоянно находился только в лазских крепостях.

Правитель Лазики нашел убежище в Абазгии и, как справедливо полагает З. В.

Анчабадзе, с помощью абазгских правителей восстановил свою власть(205).

Из сообщения Феодосия Гангрского видно, что правители Абазгии не хотели преследовать Анастасия, несмотря на то, что его преследовало правительство Византии. Усиление Абазгии проходит на фоне ослабления Византии. Лишившиеся поддержки Византии лазские правители постепенно утрачивают власть. Подчинение соседних племен лазам, что пытаются объяснить

203 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 68.

204 Георгиа, т. 4, ч. 1, с. 45.

205 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 71.

т. н. усилением Лазики было делом рук византийцев: у византийцев и лазов была сильнейшая вражда со сванами, а восстание апсилов, абазгов и мисимиан было подавлено не лазами, а византийцами. Самостоятельно лазы не могли справиться ни с одним из названных племен. Таким образом, налицо ослабление царской власти в Лазике в связи с усилением местных феодалов. Именно об этом свидетельствует факт изгнания лазского правителя из его владений. В это самое время в Абазгии происходит укрепление царской власти и политической моши страны.

В VII в. политическая граница между Абхазией и Лазикой передвигается на юг. Об этом свидетельствуют вышеприведенные сведения Феодосия Гангрского. Это мнение подкрепляется и сообщением анонимного армянского географа конца VII века.

З. В. Анчабадзе, цитируя сочинение Джуваншера, подчеркивает, что в нем имеется противоречие, когда речь идет о южных границах Абхазии. В одном случае Джуваншер указывает на реку Эгриси, в другом — на Келасури. «Такое разноречие, — пишет З. В. Анчабадзе, — можно объяснить тем, что областью между реками Келасури и Эгри-цкали, в ее приморской части, после изгнания арабских захватчиков непосредственно овладели византийцы. Эта область представляла собой основную укрепленную часть района Великой Абхазской стены, которую византийцы, несомненно, должны были занять своими гарнизонами, отторгнув фактически от западногрузинских владений Арчилу»(206).

Нам кажется, что отмеченное противоречие объясняется тем, что эти два свидетельства относятся к разным временам: река Эгри упоминается в отношении конца V века, а Келасури — начала VIII века(207). Как явствует из письменных

источников, территория от реки Эгри до Келасури была отторгнута византийским императором от Абхазии и передана Вахтангу Горгасалу.

В письменных источниках нет сведений об упразднении царской власти в Абазгии. В VII—VIII вв. Абазгия постепенно усиливается и ее власть распространяется на большую территорию.

Таким образом, в состав Абхазского царства вошли племена, жившие на территории от р. Кубани до р. Ке-

206 Там же, с. 68.

207 См. г. II, § 2 настоящей работы.

ласури, т. е. все те племена, которые перечисляет анонимный армянский географ VII века.

Усиление Абазгии сыграло положительную роль в восстановлении власти правителей Лазики. Когда лазским правителям приходилось покидать свое владение, они обращались за помощью к Абазгии. Тот факт, что лазский правитель при повторном изгнании вернул себе власть с помощью правителей Абазгии, говорит о могуществе последней.

З. В. Анчабадзе пишет, что упразднение царской власти в Лазике произошло после 623 года, когда император Ираклий был недоволен Лазикой за ее отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе(208).

Следует отметить, что наряду с лазами абазги тоже отказались участвовать в персидском походе. Об этом Георгий Кедрен (XI в.) сообщает: «Лазы и абазги испугались, отделились от союзников римлян и вернулись на родину»(209). Так что Ираклий имел основание быть недовольным и абазгами. Абазгия постепенно выходила из подчинения Византии и поэтому последняя решила натравить аланов против абазгов. Это дело было поручено искусному дипломату Льву Исавру (будущему императору, родоначальнику Исаврийской династии). По сообщению Феофана, «Юстиниан послал (Льва Исавра) в Аланию; он дал ему огромную сумму денег и повелел натравить аланов на абазгов»(210). Лев Исавр в Фазисе припрятал деньги и через Апсилию поехал к аланам. Последние «приняли его с большой почестью, послушались его, вторглись в Абазгию и опустошили эту страну»(211). Абазги решили наказать Льва Исавра, однако эта попытка не увенчалась успехом. Византийский император написал письмо абазгам, дескать он простит им все их ошибки, если они невредимым отправят Льва Исавра на родину, в противном случае он готов их наказать. Абазги попытались выполнить требование императора, но Лев Исавр не доверился им, и через Апсилию вернулся на родину. В целом обстоятельства сложились так, что Абазгия осталась зависимой от Византии страной. В научной литературе встречается утверждение, что правители Абазгии всемерно

208 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 71.

209 Георгида, т. 5, с. 24.

210 Георгида, т. 4, ч. 1, с. 106.

211 Там же, с. 109—110.

стремились укреплять военно-политический союз с Византией. П. Ингороква относительно этого рассуждает следующим образом: «Для Леона I, как реального политика, разумеется, должно было быть ясно, что он не сумел бы удержать за собой ни абхазские края, ни продолжить борьбу за освобождение Западной Грузии от мировой арабской империи и против Омейядского халифата, если бы он не стал опираться на другую большую международную силу той эпохи, т. е. на Византийскую империю»(212). Однако отметим, что в источниках нет сведений о поддержке абазгов византийцами во время их борьбы против Мервана ибн Мухаммеда. Таким образом, проследив события со второй половины VI века до начала борьбы абазгов против арабов, мы убеждаемся в постепенном усилении Абазгии и номинальном характере ее зависимости от Византии. По сообщению арабского историка IX века, союзниками Византии в их борьбе с арабами были аланы, абазги и хазары, т. е. автор упоминает абазгов в числе независимых от Византии народов — союзников империи — аланов и хазар. Лазы в этом источнике не упоминаются.

4.5. Борьба абхазов против арабов. Келасурская, или Великая Абхазская стена

В VII веке у абхазов появляется новый грозный враг — арабы. Первое сражение абхазов с арабами произошло далеко за пределами Абхазии. Арабский историк IX в. Баладзори сообщает, что арабский военачальник Хабиб ибн Маслам (он наложил дань на Картли в 654 году) получил указание от халифа завоевать византийскую фему Армениак, однако при этом ему пришлось столкнуться с союзниками Византии — аланами, абазгами и хазарами. Когда положение в Армениаке осложнилось, ее патрикий решил пригласить дополнительные войска из Алании, Абхазии и Хазарии. Дальнейшее развитие событий историк описывает следующим образом: «Получив донесение Хабиба, Осман (приказал) своему наместнику в Куфе выслать Хабибу подкрепление под командованием Сальмана аль-Хайля,

212 Ингороква П. Георгий Мерчуле — грузинский писатель X века. — Тбилиси, 1954, с. 197.

(который) отправился к Хабибу во главе шести тысяч куфийцев. Тем временем успели появиться византийцы со своими (союзниками) и расположиться на Евфрате еще до прибытия подкрепления к Хабибу. Тем не менее, мусульмане напали на них ночью, разгромили их и убили предводителя»(213).

Столкновения абхазов с арабами на этом не кончились. В конце VII века лазский патрикий Сергий, сын Барнука, призвал арабов на помощь в борьбе с византийцами. Арабы не упустили удобный случай и немедленно прибыли в Лазику. Абхазы оказались перед фактом. Вместе с Западной Грузией часть южной Абхазии была захвачена арабами. По Феофану Хронографу, уже в начале VIII века арабы владели Абазгиею, Лазикой и Иберией(214). О завоевании арабами Южной Абхазии З. В. Анчабадзе пишет: «Как видно из сообщения того же Феофана, арабские захватчики в целом ряде пунктов Абхазии разместили свои гарнизоны. В частности, он указывает,

что сильный византийский гарнизон находился в «Железной крепости», которая была расположена в горах по кодорскому ущелью. Здесь, очевидно, имеется в виду главное укрепление мисимиан Тсахар, которое, как видно из приведенного выше свидетельства Агафия, еще в VI в. «называли железным за неприступность».

Учитывая большое стратегическое значение положения Тсахара, арабы обязательно должны были овладеть им»(215).

Арабы пришли в Абхазию со своими законами, чуждыми азбугам. Поэтому антиарабские выступления начинаются здесь с первых же дней их появления.

Арабское господство вызывало недовольство всех слоев населения. Дело в том, что среди арабов в VII—VIII вв. преобладала государственная феодальная собственность на землю и воду. Такую же форму они стремились ввести в завоеванных странах, в частности, в Закавказье. По арабским законам, частные владельцы могли получить землю лишь на началах условного феодального держания (икта), которое давалось лишь во временное или пожизненное пользование служилым людям, мусульманам по вероисповеданию(216).

213 Баладзори. Книга завоевания стран, изд. П. П. Жузе. — Баку, 1927, с. 8.

214 Джанашиа С. Н. Труды, т. 2, с. 368.

215 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 89—90.

216 Там же.

В борьбе против арабов абхазы и грузины становились естественными союзниками Византии, поскольку арабы создавали угрозу и ей. Особенно в начале VIII века, когда арабы в какой-то степени окружили Византийскую империю, последняя должна была поддерживать абхазов и грузин в борьбе против общего врага. Византийцы в первую очередь стремились освободить от арабов Лазику, т. к. тогда арабы, оторванные от тыла, не смогли бы удержаться и в Абхазии. Именно с этой целью византийские отряды появились в Лазике. Феофан Хронограф сообщает, что «спустя немного времени, когда римляне и армяне вступили в Лазику и осадили Археополь, они узнали о приходе сарацинов и вернулись обратно»(217). Как видно, византийские и армянские отряды не устояли против грозной силы арабов. Только незначительный отряд в двести человек из византийцев и армян пробрался в абхазские горы, скрываясь от преследования арабов.

В борьбе абхазов против арабов важную роль сыграл Лев Исавр. Узнав о том, что византийский отряд находится в Мисиминии, он решил со своим отрядом присоединиться к ним, а затем завладеть главной крепостью мисимиев Тсахар («Железной крепостью»), которая была захвачена арабами. Комендантом крепости был армянин, по имени Фарсман. Лев Исавр послал к нему армян из своего отряда, которые предложили Фарсману сдать без боя крепость, но тот не согласился. Тогда Исавру удалось силой захватить крепость.

Надо полагать, что в борьбе лазов против арабов активно участвовали мисимицы и апсылы, которые не менее, чем Лев Исавр, были заинтересованы в освобождении своей страны от арабов. Правда, в источнике ничего не сказано о мисимицах, но упоминается апсилийский отряд из трехсот воинов во главе с Марином. Поскольку крепость находилась на территории мисимиев, надо полагать, последние не могли

остаться безразличными к этим событиям. После того, как апсилы перешли на сторону Льва Исаура и прислали ему военный отряд, комендант крепости Фарсман решил просить мира у Льва Исаура. Однако тот отказался от предложения Фарсмана. В результате крепость была разрушена до основания, а арабский отряд уничтожен(218).

217 Георгиа, т. 4, ч. 1, с. 110.

218 Там же, с. 113.

200

Арабы еще несколько лет продержались в Абхазии. Им удалось на какое-то время Абхазию превратить в плацдарм против Хазарии. По сообщению армянского историка Моисея Каганкаваци, в конце 20-х годов VIII века арабский полководец Джарах ибн Абдуллах через Абхазию два раза вторглся в Хазарию(219).

Кульминационным моментом борьбы абхазов против арабов стали 30-е годы VIII века. К этому времени арабский полководец Мерван ибн Мухаммед решилочно завладеть Кавказом. Он, преследуя картлийских правителей, двинулся в сторону Абхазии, разрушая все на своем пути. Как сообщает грузинский историк Джуаншер, картлийские правители Мир и Арчил с тысячным отрядом прибыли в Абхазию и укрепились в Анакопии, где стоял двухтысячный абхазский отряд. Правитель Абхазии Леон I находился в это время в Собгиси. Мерван, преодолев, Келасурскую оборонительную стену и разрушив город Цхуми, осадил крепость Анакопию. Однако здесь у стен Анакопии он потерпел поражение и покинул пределы Абхазии и Западной Грузии.

Победа над Мерваном ибн Мухаммедом у Анакопии стала поворотным пунктом в борьбе абхазов против арабов. Начинается период длительного спокойствия в стране. Джуаншер в связи с походом Мервана в Абхазию упоминает Келасурскуюпрограничную стену. Об этом крупном оборонительном сооружении исследователи высказывают различные мнения.

Выяснение назначения и времени функционирования Келасурской или Великой Абхазской стены важно для правильного освещения определенного этапа истории Абхазии. Поэтому мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе.

В существующей обширной литературе о Келасурской стене памятник датируется по-разному. Большинство исследователей считало его древним сооружением.

Отдельные ученые, наши современники, в 70-х годах высказали мнение о том, что Великая Абхазская стена была построена лишь в середине XVII века правителем Мегрелии Леваном II Дадианом. Первым к этой мысли пришел Т. Берадзе. «Как известно, под названием «Великая Абхазская стена», — пишет ученый, — исследователи искусственно объединяют разные сооружения как

219 Каганкаваци М. История агван. — СПб., 1861, с. 261.

201

по времени, так и по назначению, а та система, протянутая от Келасури до Галидзги, является построенной Леваном II Дадиани»(220). Затем добавляет: «Абхазские

феодалы, разрушив ее, расширили свое владение до р. Ингури»(221). Г. Берадзе считает, что в Келасурской стене имеются древние фрагменты, не имеющие отношения к той части стены, которая протянулась от Келасури до Галидзги. Вдоль побережья Черного моря пролегал путь с Северного Кавказа во внутренние районы Закавказья. По утверждению Т. Берадзе, функции Гагрской и Анакопийской крепостей и береговых укреплений вплоть до Келасури заключались исключительно в охране этого пути и отражении врагов, надвигавшихся с Северного Кавказа. На самом деле назначение Гагрской, Анакопийской и других крепостей заключалось в защите страны вообще от внешних врагов и не в последнюю очередь от византийцев и арабов.

Аналогичную роль играла крепость Петра, построенная византийцами вблизи Батуми, но после того как ее захватили персы, она стала служить последним. Поэтому функции отдельных крепостей нельзя отождествлять с функциями оборонительных сооружений типа Келасурской стены.

Мнение о том, что Келасурская стена была построена в XVII веке, было высказано и Ю. Н. Вороновым. Отметим, что он довольно подробно обследовал Келасурскую стену. Но сделанные им выводы, на наш взгляд, не аргументированы должным образом. Ю. Н. Воронов пишет: «Таким образом, источники XVII—XVIII вв. в сочетании с результатами конкретного археологического анализа достаточно определенно указывают на то, что Келасурская стена была построена Леваном II Дадиани»(222). Однако итальянский миссионер Аркандрело Ламберти, находившийся в Мегрелии в 1635—1653 гг. (по Воронову это период, когда стена строилась), сообщает, что мегрелы построили деревянные укрепления как со стороны моря, так и со стороны гор(223). «Ta-

220 Берадзе Г. Вахути Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. — В кн.: Вопросы исторической географии Грузии, IV, — Тбилиси, 1971, с. 73.

221 Там же.

222 Воронов Ю. Н. Келасурская стена. — В кн.: СА, 2, 1973, с. 121.

223 Аркандрело Ламберти, Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. — В кн.: СМОМПК, 1913, с. 165—166.

кую же защиту, — читаем далее у Ламберти, — они устроили также со стороны гор: так как в одном месте, которое называется Олуше (Olusce), горы открыты и враг легко может зайти и опустошить землю, то там, с весьма большими расходами вывели стену, длиною в шестьдесят тысяч шагов, и на известном расстоянии в ней находятся башни, занимаемые значительной стражей стрелков»(224). Судя по составленной Ламберти карте, Олуше находилось к юго-востоку от верхнего течения Галидзги и примыкало к территории нынешнего Самурзакана. Вряд ли можно предполагать, что отсюда осуществлялось нападение абхазов на мегрелов. Отметим, что Ю. Н. Воронов не считает составной частью Великой Абхазской или Келасурской стены укрепления, расположенные южнее г. Ткварчели.

Следовательно, стена, построенная Леваном II Дадиани, не имеет никакого отношения к датировке Келасурской стены.

Французский путешественник XVII века Шарден, находившийся в Мегрелии в 1672—

1673 гг., писал: «Она (*Мегрелия. — М. Г.*) была некогда защищена с северной стороны стеною в шестьдесят миль длины, которая давно уже разрушилась»(225).

В этом сообщении важно то, что во время пребывания Шардена в Мегрелии стена «уже давно» не функционировала, и этот автор не мог сообщить о ней никаких подробностей. Заявление Шардена о том, что стена была построена против абхазов, можно объяснить только тем, что в те времена абхазский и мегрельский правители были врагами. На самом деле, вряд ли абхазы вторгались в Мегрелию где-то за рекой Галидзгой, совершив долгий поход по неудобным горным тропам вдоль Великой Абхазской стены, в то время, когда без особого труда могли обогнуть Келасурскую стену с моря.

Французский ученый Дюбуа де Монпере, совершивший экспедицию на Кавказ в 30-х годах XIX века, высказал мнение о том, что эта стена была построена греками. «Воинственный дух племен, несомненно, заставил греков замкнуть свою территорию до самого подножья гор необъятной стеной, — пишет он, — которая вызывает еще изумление у всех, кто видел ее в наши дни. Это

224 *Там же*.

225 *Шарден. Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. — Тбилиси, 1902, с. 21.*

203

было в духе того времени и представляло только повторение сооружений, сделанных для заграждения Херсонеса Гераклийского, республики Боспора, Херсонеса Фракийского и многих территорий других колоний»(226). Дюбуа определил строителей этой стены, не обратив внимание на ее направление. Он имел в виду только то, что недалеко от Келасурской стены находился город Диоскурия. Ученый считает, что «история Диоскурии и Лазики во времена владычества римлян не дает возможности заподозрить, чтобы великая стена была построена ими, поэтому, оставаясь при своем мнении, относит ее происхождение за несколько веков до нашей эры, к той эпохе, когда цветущая и могущественная Диоскурия была метрополией республики, замкнутой этой стеной»(227).

Относительно даты строительства стены Дюбуа де Монпере писал: «Наконец, первые сведения о великой стене доходят до нас от Птоломея, жившего в 211 г., после нашей эры; называя хартеров *teixos*, «мощной стеной»; он сообщает, что она находится вблизи Коракса, как это видим в действительности. В шестом веке Стефан Византийский также упоминает о ней, называя ее Келасурской»(228).

Заметим, что сведения греко-латинских источников о Келасурской стене не совсем ясны, поэтому отождествление Келасурской стены с Кораксийской не совсем убедительно.

П. С. Уварова (XIX в.), которая также ссылается на Птоломея и Стефана Византийского, писала, что Келасурская стена предназначалась для обстреливания местности, расположенной за ней. Однако, Уварова не уточняет, с какой стороны находилась обстреливаемая местность(229).

Более конкретны высказывания о стене В. И. Сизова (XIX в.). В своих материалах о походе арабов под предводительством Мурвана Кру (Мервана ибн Мухаммеда) В. И. Сизов, сославшийся на грузинский письменный источник в переводе М. Броссе,

пишет: «Приведенный отрывок вводит нас в ту эпоху, когда побережьем

226 *Дюбуа де Монпере, Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, с. 146.*

227 *Там же, с. 148.*

228 *Там же.*

229 *Уварова П. С. Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшети, Посховский участок. Путевые заметки, ч. II. — М., 1891, с. 33.*

204

этого края владели византийцы. Очень важно упоминание здесь о стене, пограничной между владениями Греции и Грузии; стена эта, без сомнения, сохранилась до сих пор у р. Келасури»(230). Для нас очень важно именно то обстоятельство, что по Сизову Келасурская стена во время похода Мурвана Кру находилась на пограничной полосе между владениями Греции и Грузии. Следует согласиться и с его характеристикой стены: «Самый массивный характер ее постройки, правильность и солидность башни у моря свидетельствует... никак не о строительной технике мингрельцев. При этом же, судя по башне близ моря, стена эта обращена фасом своим к Мингрелии или Грузии, что именно указывает на пограничный оборонительный характер этой стены для византийских владений»(231). Тот факт, что Келасурская стена у моря фасом была направлена на восток, оставался незамеченным многими археологами(232).

В. И. Стражев предполагал, что Келасурская оборонительная стена у моря была фасом обращена на запад. Он основывался на рельфе местности, где расположена эта часть стены, а не на характере самой стены(233).

Весьма интересно сообщение М. М. Иващенко о Келасусской стене. Исследователь считает, что стена смыкалась с Сухумской крепостью и утверждает, что следы ее прослеживаются на дне бухты(234).

М. М. Иващенко, как и Дюбуа, сторонник древнегреческого происхождения стены. Он справедливо полагает, что стену, подобную Келасурской. «могло построить только государство, обладающее большой армией, твердой ногой стоявшее на занятой территории и достаточно сильное, чтобы предпринять подобное сооружение»(235). Исследователь отрицает строительство Келасурской стены римлянами, т. к. «все восточное побережье Черного моря от Трапезунта до Керченского пролива признавало власть Рима и. следовательно, отделять владе-

230 *Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. — В кн.: МАК, т. 2, 1889, с. 47.*

231 *Там же, с. 48.*

232 *Стражев В. И., Башкиров А. С., Соловьев Л. Н., Шервашидзе Л. А.*

233 *Стражев В. И. Руинная Абхазия. — В кн.: ИАНО, вып. 1. — Сухум, 1925, с. 158.*

234 *Иващенко М. М. Великая Абхазская стена, с. 63.*

235 *Там же, с. 75.*

205

ния одного вассала от другого стеной римлянам не было смысла»(236). Доводы М. М.

Иващенко считает достаточно убедительными. Он признает утверждение В. И. Сизова о том, что Келасурская стена построена византийцами, однако мнение последнего о том, что стена должна была отделять византийские владения от Мегрелии, не разделяет. По этому поводу Иващенко пишет: «Если византийские владения были к северо-западу, а мингрельские к юго-востоку, то стена окажется построенной в противоположном направлении, так как в таком виде она защищает не византийские, а мингрельские владения»(237). Непонятно, почему М. М. Иващенко казалось, что если Келасурская стена построена в VIII в., то она не могла защищать византийские владения, но если она была построена в VI веке, при Юстиниане, во время войны византийцев с персами, тогда

она могла бы защищать их? Иващенко пишет: «Ошибка Сизова в том, что, взяв за основу повествование грузинской летописи, он остановил все свое внимание на VIII веке по Р. Х., на эпохе арабского нашествия на Закавказье. К другому выводу можно прийти, если остановиться не на VIII, а на VI веке, эпохе войны Юстиниана с персами. Здесь придется говорить не о Мегрелии, а о Лазике. Византийцы этой эпохи имели

основания и возможность построить Келасурскую стену»(238).

Исторические источники говорят о том, что в VI веке Византия владела как Абхазией, так и Лазикой. Поэтому она не могла построить такую стену, которая отделяла бы владения одного вассала от владений другого. Что касается VII в., то тогда владения Византии

в Лазике не были прочными, притом граница между Абхазией и Лазикой проходила именно по р. Келасури.

В это время опасность со стороны арабов нарастала и строительство такой мощной стены имело смысл. Независимо от того, строилась ли стена в VIII или в VI веке, она защищала византийские владения.

М. М. Иващенко особо подчеркивал, что граница Лазики проходила между Апсилией и Абазгией, «поскольку в конце V в. Лазика принадлежала Грузии»(239).

Поэтому, считает он, византийцам было очень важно

236 Там же, с. 77.

237 Там же.

238 Там же, с. 78.

239 Там же, с. 85.

укрепить устье Келасури, которое находилось под их влиянием(240). Исходя из этого, следует считать, что стена своим фасом была обращена на восток и юг, т. е. защищала византийские владения, расположенные к северу и северо-западу от стены. Тогда становится непонятным мнение М. М. Иващенко о том, якобы эта стена защищала территорию Апсилии от набегов горцев(241). Получается, что Келасурская стена одновременно защищала территории, расположенные по обе ее стороны — Лазику, Апсилию и Абазгию.

Нельзя не согласиться с утверждением М. М. Иващенко о том, что к началу VIII века Келасурская стена уже была укреплена(242).

С. В. Чернявский отождествлял Келасурскую стену с Трахеей Прокопия Кесарийского(243).

К. Кудрявцев считал, что стена построена «для защиты от набегов горцев, т. е. строители ее делали приморские части Кодорского района и всю почти Самурзакан одной большой крепостью»(244). Время строительства стены он относит к VI веку(245).

Проблемы Келасурской стены касался и А. С. Башкиров, но, как видно, он ознакомился только с ее приморской частью, да и то поверхностно. Ученый разделяет мнение В. И. Стражева(246). Не соответствует действительности утверждение А. С. Башкирова о том, что

Келасурская стена фасом была обращена на северо-запад.

Спустя несколько десятилетий к изучению Келасурской стены обратились Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе, которые пришли к выводу, что стена от Ахуна до Арасадзиха была лицом обращена в сторону гор (247).

Следовало бы здесь же заметить, что вся стена от Келасури до Ткварчели должна была быть обращена в одну сторону и защищать одну определенную террито-

240 Там же, с. 86.

241 Там же.

242 Там же.

243 Чернявский С. В. *Записка о памятниках Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно, — В кн.: V археологический съезд в Тифлисе, 1. — М., 1881, с. 18.*

244 Кудрявцев К. *Сборник материалов по истории Абхазии, с. 22.*

245 Там же, с. 29.

246 Башкиров А. С. *Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года, — В кн.: ИАНО, IV, с. 22.*

247 Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. *Вдоль Великой Абхазской стены. — Газ. «Советская Абхазия», 16 августа 1964 г.*

207

рию. По Л. Н. Соловьеву и Л. А. Шервашидзе, обследованные ими башни были защищены стеной, так как они были пристроены к стене с юга. Мы напротив считаем, что башни защищали стену, но не наоборот. В том районе, где названные авторы вели обследование, все башни находятся с южной стороны(248).

Некоторые из перечисленных гипотез нашли место и в популярной литературе(249).

З. В. Анчабадзе строительство Келасурской стены связывает с укреплением стратегических и политических позиций Византии на Кавказе. По его мнению, византийское правительство «в VI в. начало возводить на территории современной Южной Абхазии грандиозное оборонительное сооружение, известное под названием Абхазской стены»(250).

Келасурскую стену упоминали и другие авторы, но они конкретно ничего не говорили как о времени возведения этого сооружения, так и о его направлении.

Как видно из обзора литературы, исследователи считают Келасурскую стену древним сооружением. Только Г. Берадзе и Ю. Н. Воронов утверждают, что стена была построена в XVII веке правителем Мегрелии Леваном II Дадиани.

Для датировки этого сооружения важен вопрос о его назначении.

Обычно, крепостные стены окружались рвом и водой, к стенам пристраивались боевые башни, выступающие с их фаса. Назначением рвов и башен являлась защита стен. Бойницы в башнях делались с трех сторон, чтобы поражать врага как с фронта, так и с флангов. Этими особенностями характеризуется ряд крепостей поздней античности и раннего средневековья(251).

У Ламберти имеется схема фрагмента одной оборо-

248 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 103—107.

249 Пачулиа В. П. В краю золотого руна. — М., 1968, с. 36—40.

250 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 53.

251 Латышев В. В. Указ, соч., т. 1. Греческие писатели, вып. 1, с. 221; Всеобщая история архитектуры, т. 2. — В кн.: Архитектура англического мира. — М., 1976, с. 500—507; Иванов Т. К. Римская и Ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае. — В кн.: СА, 4, 1959, с. 188; История Византии, т. III. — М., 1967, с. 183, 192; Вруц А. А. В Ани. — Ереван, 1964; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — В кн.: МИА, 63. — М.—Л., 1959, с. 78; Трапиши М. М. Труды, т. 4, с. 91; Шарден, Указ. соч., с. 64; Закарая П. Древние крепости Грузии. — Тбилиси, 1969, с. 41-46, 54—57, 65—66, 94—101, 146—157.

208

нительной стены в районе Олуше с выступающими на юг боевыми башнями. Как видно из приведенных примеров (число их легко умножить), башни пристроены к крепостным стенам, выступают вперед, их главное назначение — это защита крепостных стен. Келасурская стена не является исключением в этом отношении. С какой стороны выступали башни Келасурской стены?

По описанию Ю. Н. Воронова, Келасурская стена делится на несколько участков. На Приморском, Багмарамском и Чегемском участках башни выступают на восток, а на Мачаро-Черниговском, Мачаро-Пацхирском, Кодорском, Адзинаа-Рыхуцинском, Даубском, Адзиквском, Абрскильском, Ульяском и Моквском — на юг(252). Ю. Н. Воронов пишет: «Во всех трех случаях, когда башни связаны со стеной, они всегда пристроены к ней со стороны моря»(253). Иными словами, фас или фронт стены был направлен на восток, юго-восток и юг, эти стороны стены и обстреливались.

Независимо от этого, Ю. Н. Воронов утверждает, что фронт стены был направлен на запад, северо-запад, север и северо-восток(254).

Ю. Н. Воронов подробно описывает стратегическое расположение боевых башен: «В ряде случаев отмечается размещение башен у подножья стратегически выгодных возвышенностей (44, 45, 59, 79, 114, 116, 117, 118, 125, 130, 222, 223 и др.)(255). Можно было защищаться только от нападения с юга. Бойницами были снабжены только башни(256). Ясно, что выстрел из башни мог поразить только того, кто находился напротив башни, но не находящегося за стеной. Таким образом, по всем данным видно, что эта стена защищала от нападения с юга и юго-востока. Это невозможно отрицать. Возникает вопрос: стал бы правитель Мегрелии Леон II Дадиани строить стену, которая фасом была направлена в сторону его владений? Думается, нет. Ю. Н. Воронов ссылается на книгу Ламберти, где написано, что стена воздвигнута «для сдержания абхазов». Однако по сообщению Ламберти, Леон II Дадиани

252 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 103, 105, 107.

253 Там же, с. 109.

254 Там же, с. 115.

255 Там же, с. 116.

256 Там же, с. 114.

209

построил стену в районе Олуше, а не на пространстве от моря до Ткварчели, притом деревянную.

Что говорят письменные источники о Келасурской стене и о Келасури?

Грузинский историк Джуваншер сообщает, что Мурван Кру, узнав о том, что правители Картли (Восточной Грузии) с родственниками ушли в Эгриси и Абхазию, пошел по их следам, разрушил все города, крепости в Эгриси, разрушил Келасурскую пограничную стену(257). Далее автор добавляет: «... как только перешел Кру Клисуру, которая в то время была границей между Грецией и Грузией, разрушил город Апсилли Цхуми и подошел к крепости Анакопии»(258).

Из этого сообщения видно, что Келасурская оборонительная стена существовала еще в начале VIII века. Однако Ю. Н. Воронов считает, что упомянутая Джуваншером стена находилась на юге Колхиды, а Клисура грузинских летописей не соответствует Великой Абхазской или Келасурской стене. Он пишет: «В самом деле, из чего исходят исследователи, когда предлагают эту дату (V—VI вв. — М. Г.)? Прежде всего, конечно, из безусловно любопытного звука современного названия р. Келасури с греческим словом «Клейсур», встречающимся у Прокопия Кесарийского в следующем контексте: «В Лазике он (Юстиниан. — Ю. В.) выстроил укрепление Лосорион и укрепил стенами все ущелья в этой стране — их обычно называют клейсурями, чтобы таким образом перед врагами были закрыты все пути в Лазику»(259).

Почему Ю. Н. Воронов думает, что исследователи опираются именно на то сообщение Прокопия Кесарийского, где говорится об укреплении Лазики? Ведь Юстиниан Себастополис окружил такими стенами и укреплениями, что город стал неприступным(260). В это время опасность грозила именно с юго-востока, и Келасурская стена могла стать надежной защитой города Себастополиса.

Всякое утверждение о том, что основное внимание Византии в то время (VI в.) сосредоточивалось на южных районах Лазики, не соответствует действительности, о чем свидетельствует приведенная Ю. Н. Вороно-

257 *Картлис цховр;ба*, т. 1, с. 234—235.

258 Там же, с. 235.

259 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 118.

260 Прокопий Кесарийский, *О постройках*, с. 249.

210

вым цитата из сочинения Прокопия Кесарийского, где сказано: «чтобы таким образом перед врагами были закрыты все пути в Лазику», а также не имеет никакого отношения к решению поставленной задачи.

Если исследователь хочет утверждать, что Клисура грузинских источников и Прокопия Кесарийского тождественны, тогда это следует обосновать. Однако в статье

Ю. Н. Воронова нет даже попытки сделать это.
Что говорится в грузинской летописи о Келасурской стене?
Грузинский историк Джуаншер, описывая события 736—738 гг., связанные с походом арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда или же Мервана Кру, говорит о Келасурской стене как о пограничной полосе между Грецией (Византией) и Грузией. Он пишет, что Мурван Кру, после разрушения Клисуры, которая в то время была границей между Грецией и Грузией, уничтожил город Апсиллии Цхум и подошел к Анакопии(261). Как видно из приведенного выше сообщения Джуаншера, Клисура как пограничная полоса была укреплена еще в начале VIII века нашей эры. Из этого источника также явствует, что Мурван Кру никуда не сворачивал, а шел на запад, преследуя картлийских правителей. Все пункты, перечисленные летописью, находятся в направлении Анакопии. Из текста источника следует, что Келасурская стена находилась недалеко от города Цхум (Сухум). Однако Ю. Н. Воронов утверждает, что названная стена находилась на юге, у границ Византии. Он пишет: «Скорее всего под Клисурой летописи следует предполагать систему укреплений, возникшую еще при Юстиниане»(262). Летопись не дает основания для такого предположения. Наоборот, по ней Клисура находится между Цихе-Годжи (недалеко от Цхакая) и Цхуми (Сухум). Этот источник подчеркивает прямолинейность и быстроту движения Мурвана Кру в сторону Анакопии.

Утверждая, что стена, упомянутая Джуаншером, находится на юге Колхиды, Ю. Н. Воронов, видимо, имеет в виду то место грузинской летописи, где говорится, что Клисура является границей Греции (Византии) и Грузии. По его мнению, Византия и Грузия могли иметь общую границу только на юге Колхиды.

261 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 235.

262 Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 119.

Могла ли быть река Келасури границей между Византией и Грузии? Келасури как пограничную полосу между Грецией и Грузией грузинские летописи упоминают неоднократно в связи с разными вопросами. Здесь назовем только одно место, где от имени императора Византии сказано: территория «от реки Эгри до Малой реки Хазарии (р. Кубань) со времен Александра является римским владением. Теперь верни его и когда женишься на моей дочери, отдам часть из него». Когда Вахтанг Горгасал женился на дочери императора, последний дал ей в приданое территорию между реками Эгри и Келасури, а остальную часть Абхазии оставил себе(263). Джуаншер также указывает, что территория от Эгри до Клисуры принадлежала дяде Дачи (сын Вахтанга Горгасала), т. е. грекам, как часть всей Абхазии(264). Он же эту территорию считал материнской для Мирдата (тоже сын Вахтанга от гречанки)(265).

Таким образом, Клисура находилась не на юге Колхиды, как это полагают некоторые авторы, а на севере, между реками Эгри и Кубани. Нельзя забывать, что Клисура с VI по VIII в. была границей между Византией и Грузией. Это значит, что Абазгия с первых веков нашей эры непрерывно находилась в зависимости сначала от Рима, а затем от Византии, которую в грузинских летописях обозначают как Греция. Таким образом, граница Греции здесь фигурирует и как граница Абазгии.

В более раннее время эта граница проходила южнее — вдоль реки Эгри, о чем также свидетельствуют грузинские летописи. По данным Леонтия Мровели, в IV—V вв. политические границы Картлийского царства доходили до р. Эгри(266). Джуаншер более подробно объясняет, что во время правления царя Картли Вахтанга Горгасала греки, т. е. византийцы, выйдя из Абхазии, поскольку они занимали территорию за рекой Эгри, захватили местности от реки Эгри до крепости Цихегожди(267). Как видно из этих источников, река Эгри еще при Вахтанге была границей между Грузией и Грецией,

263 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 177.

264 Там же, с. 203.

265 Там же, с. 205.

266 Там же, с. 70.

267 Там же, с. 146.

212

однако затем эта граница перемещается на север до р. Келасури. Это мнение поддерживается и сообщением Прокопия Кесарийского, который специально подчеркивает, что раньше римляне владели всеми крепостями на восточном побережье Черного моря, а в его время, т. е. в VI веке у римлян (византийцев) остались только Себастополис и Питиунт(268).

Таким образом, упомянутая в грузинской летописи оборонительная Келасурская стена находилась в Абхазии, и во время похода Мурвана Кру (30-е годы VIII в.) она функционировала. Она была построена для защиты от нападения с юга и юго-востока. Остатки оборонительного сооружения, сохранившиеся до наших дней под названием Великой Абхазской стены, — это Келасурская стена грузинских источников.

4.6. Образование Абхазского царства

Образование Абхазского царства исследователи связывают с присоединением к Абхазии Эгри и отказом Леона II от византийского протектората. При этом некоторые исследователи не определяют времени присоединения Эгри к Абхазии, отмечая, что в 80-х годах

VIII века оно было завершено.

Приведем наиболее интересные версии, опубликованные по этому вопросу.

Историк Вахушти Багратиони в одной из своих работ первым царем Абхазии считает не Леона I, а Леона II, который, как он полагает, завладев Абхазией и Эгри, немедленно объявил себя царем; причем воцарение Леона II он связывает со смертью грузинских царевичей Иоанна и Джуаншера (первый умер в 786 г., второй — в 787 г.)(269). В другой работе Вахушти говорит о подчинении Эгри абхазскому царю Леону II еще при жизни Иоанна, который состоял в родстве с абхазским царем («Он с помощью хазар утвердил эриставство свое, и подчинилась Эгри целиком из-за родства к их царю, и уделялись почести»)(270). Далее Вахушти говорит, что после смерти Иоанна и Джуаншера Леон II с помощью хазар завладел Эгри(271). Таким

268 Прокопий из Кесарии, Война с готами, с. 383.

269 Картлис цховреба, т. IV, с. 127.

270 Там же, с. 795.

271 Там же.

213

зом, окончательное присоединение Эгриси к Абхазии и образование Абхазского царства он определяет между 786 и 787 годами, то есть свои выводы основывает на сообщении «Матиане Картлиса»(272).

Видный грузинский ученый Е. Такайшвили первым царем Абхазии также считал не Леона I, а Леона II, и образование Абхазского царства относил к 786 году(273).

И. А. Джавахишвили, ссылаясь на «Матиане Картлиса», упоминает Леона (по-видимому, Леона II), получившего титул царя и ставшего, по его мнению, первым царем абхазов(274). Он подчеркивает, что Леон II был первым абхазским царем, завладевшим и Эгриси(275), но ничего не говорит о времени свершения этого акта. Сопоставляя два грузинских письменных источника — «Мученичество Або Тбилели» и «Матиане Картлиса», — К. Кекелидзе присоединение Эгриси к Абхазии и их отпадение от Византии считает разновременными актами. Причем Абхазию 80-х годов VIII века он считает зависимой от Византии страной: «В 786—790 годах, как видим, она (Абхазия. — М. Г.) еще является владением слуги Христова, Ионского царя»(276).

Следовательно, К. Кекелидзе связывает отпадение Абхазии от Византии и образование Абхазского царства только с конца VIII века.

В отличие от К. Кекелидзе, Д. И. Гулиа присоединение Эгриси к Абхазии, отпадение от Византии и образование Абхазского царства, а также провозглашение Леона II царем абхазов считает одновременным актом, относящимся к 786 году. Он пишет: «Племянник по брату этого Леона, Леон II при помощи хазар отложился от греков, занял страну Эгриси (Мингрелию) до Лихских (Сурамских) гор и объявил себя царем абхазов в 786 году»(277).

С. Н. Джанашиа в статье «О времени и условиях возникновения Абхазского царства» рассматривает воп-

272 Картлис цховреба, т. 1, с. 251.

273 Такайшвили Е. Что содержала т. н. история Абхазии царя Баграта, которой пользовался иерусалимский патриарх Досифей в его истории иерусалимских патриархов. — В кн.: Древняя Грузия. Сборник исторического и этнографического общества Грузии, т. 2, раз. 3. — Тбилиси, 1913, с. 54.

274 Джавахишвили И. А. История грузинского народа, кн. 2. — Тбилиси, 1948, с. 90.

275 Там же, с. 91.

276 Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература, ч. 1. — Тбилиси, 1935, с. 35.

277 Гулиа Д. И. История Абхазии, т. 1. — Сухум, 1925, с. 201.

214

рос о том, «когда и каким образом бывшее Абхазское зриставство освободилось полностью от византийской зависимости, а владетель Абхазии принял титул «царя абхазов». Автор времени присоединения Эгриси к Абхазии не касается. Однако, ссылаясь на Иоанна Сабаниძэ, он упоминает Абхазию 80-х годов VIII века, южные границы которой простирались до реки Чорохи(278). С. Н. Джанаша считает, что в указанное время Эгриси была присоединена к Абхазии, однако дату присоединения он не определяет.

Следует отметить, что объявление Леона II царем абхазов и его отказ от византийского подчинения С. Н. Джанаша считает началом образования Абхазского царства. Причем Леона II он считает объединителем Абхазии и Эгриси.

«Историчность... Леона, — пишет он, — для нас находится под некоторым сомнением, которое поддерживается и тем фактом, что «Диван царей» знает лишь одного Леона, соответствующего Леону II «Матиане Картлиса»(279).

Вопрос о времени и условиях образования Абхазского царства рассматривается в работе З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии (VI — XVII вв.)».

Присоединение Эгриси к Абхазии и их отпадение от Византии он считает разновременными актами: «Вначале имело место объединение Западной Грузии под главенством абхазской династии, и лишь впоследствии, — отмечает он, — произошло превращение этой новой политической единицы в самостоятельное царство»(280).

Присоединение Эгриси к Абхазии З. В. Анчабадзе датирует периодом правления византийского императора Льва Хазара (775—780 гг.), которому Леон Абхазский приходился двоюродным братом(281). Он считает, что этот период был наиболее подходящим для присоединения Эгриси к Абхазии.

Присоединение Эгриси к Абхазии З. В. Анчабадзе связывает с усилением Византии: «Присоединение Эгриси к Абхазии скорее всего могло произойти около 778 г., когда византийские войска одержали большую победу над арабами при Германики и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разрешить Леону Абхазскому

278 Джанаша С. Н. Труды, т. 2, с. 339.

279 Там же, с. 330.

280 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 96.

281 Там же, с. 101.

расширить подвластную ему территорию за счет Эгриси»(282).

Что касается отпадения Абхазии от Византии, то З. В. Анчабадзе соглашается с академиком С. Н. Джанаша, который это событие относит к 90-м годам VIII века(283).

Далее о степени зависимости Леона II от Византии в 80-х годах VIII века З. В. Анчабадзе пишет: «Несомненно, однако, что степень зависимости абхазского владетеля от Византии была в 80-х гг. VIII века слабее, чем во времена Леона I»(284). Интересующий нас вопрос рассматривал также П. Ингороква в своей работе «Георгий Мерчule — грузинский писатель X века». Он считал, что присоединение Эгриси к Абхазии могло произойти не ранее 771 года. Однако неясно, из чего он исходил, делая такой вывод.

Н. А. Бердзенишвили во главе Абхазии и Эгриси видит Леона II(285), а во времена

Леона I Эгриси считает независимой от Абхазии(286). По его мнению, Леон I считался вассалом картлийского царя Арчила(287). Это мнение разделяет и З. В. Анчабадзе: «... в специальном письме к Леону, — полагает последний, — император утвердил его наследственные права на Абхазию, предлагал подчиниться во всем Арчилу, как своему сюзерену»(288). Затем З. В. Анчабадзе пишет, что «Леон I признавал себя вассалом Арчила и в удобной дипломатической форме обязывался не посягать на его владения, закрепляя за собой собственные»(289).

О вассальной зависимости Леона I от Арчила говорится во многих исследованиях (Очерки истории Абхазии и др.). Например, М. Д. Лордкипанидзе пишет, что «Леон, эристав Абхазии, был вассалом эрисмтавара Картли: их союз, в первую очередь, был направлен против внешней опасности»(290). Однако это мнение не обосновано.

282 Там же, с. 102.

283 Там же, с. 105.

284 Там же, с. 104.

285 История Грузии, т. 1, с. 128.

286 Там же, с. 127.

287 Там же, с. 127—128.

288 Там же, с. 73.

289 Там же, с. 74.

290 Лордкипанидзе М. Д. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 127.

216

Факт зависимости Леона I от Арчила не подтверждается источниками. Как известно, после Леона I правителем Абхазии становится Леон II. «Матиане Картлиса» сообщает, что Леон II отпал от греков, завладел Абхазией и Эгриси и назвал себя царем абхазов(291) и ни единого слова о том, что Леон II был вассалом картлийского правителя. Зависимость Леона I от Арчила, на наш взгляд, могла существовать только при этих правителях и продлиться около десяти лет, поскольку Арчил был казнен в 754 году. Вообще в источниках нет прямых указаний на зависимость Леона I от Арчила. Они говорят о том, что и Леон I и Леон II были правителями, зависимыми от Византии. Византийская власть в Абхазии, как известно, существовала непрерывно до Леона II, который с помощью хазар официально заявил о своей независимости. Процесс присоединения Эгриси к Абхазии М. Д. Лордкипанидзе делит на два этапа. По ее мнению, в 80-х годах VIII века Леон II объединяет Абхазию и Эгриси, а к концу века эту объединенную страну освобождает от византийского господства(292). При этом она ссылается на С. Н. Джанашиа, П. Ингороква и Н. А. Бердзенишвили.

По мнению Ш. Бадридзе, отказ Леона II от византийского подчинения, а также объединение Абхазии и Эгриси произошло в 70-х годах VIII в.(293). В то же время он считает, что владетель Абхазии 80-х годов еще не назывался царем (мепе). Только позже он получил этот титул. Этот автор не признает установленную С. Н. Джанашиа дату отпадения Абхазии от Византийской империи в 797 г. или более позднее время(294).

Г. А. Амичба считает, что отказ Леона II от византийского подчинения и присоединения Эгриси к Абхазии являются одновременным актом, совершившимся в начале 70-х годов VIII в., точнее, между 773 и 774 гг.(295).

291 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 251.

292 *Лордкипанидзе М. Д. Указ. соч.*, с. 180.

293 *Бадридзе Ш. О некоторых вопросах политической истории Абхазского царства. — В кн.: I научная сессия кафедры истории Грузии Тбилисского государственного университета. План и тезисы докладов. — Тбилиси, 1965, с. 12.*

294 *Там же*, с. 11—12.

295 *Амичба Г. А. Грузинские нарративные источники о средневековой Абхазии. — Тбилиси, 1968, с. 99 (рукопись).*

217

лась также и в моих работах, в которых это событие относится к 80-м годам VIII века(296).

Таким образом, по мнению ряда исследователей, создателем Абхазского царства был Леон II, а образовалось оно в 70—90-е годы VIII века. Однако дальнейшее изучение источников привело нас к другому выводу.

Грузинские письменные источники сообщают, что после изгнания арабов из Абхазии и Эгриди, правителем Эгриди становится царь Картли Мир, а правителем Абхазии остается Леон I. Сообщение грузинского историка Джуваншера говорит о том, что воцарение Мира и Арчилы в Картли и Эгриди, а Леона I — в Абхазии былосанкционировано правительством Византии. При этом император запрещал Леону I нарушать границы владений Мира и Арчилы в Эгриди и наносить им вред («А по добру воздавать почести царям и народу их Картли, и с этого времени не быть тебе государем во вред их эгридских рубежей, пока они будут там или уйдут оттуда»)(297). Интересно и другое сообщение Джуваншера, по которому Леон I, женившись на племяннице Арчилы, Гурандухт, обязался никогда не враждовать с ним. В основе такого обязательства лежат родственные отношения Леона I и Арчилы.

Как видно, два обстоятельства запрещали Леону I ущемлять интересы картлийских царей и нарушать границы их владений до конца их жизни. Как долго действовали эти обстоятельства? Царь Мир вскоре после изгнания арабов скончался от ранения, полученного во время сражения. В живых остался Арчил, который, как видно из сообщения Джуваншера, спустя 10—12 лет покидает Эгриди («И прошло лет двенадцать и начала строиться Картли, и Мцхета была развернута для бытия.

Прибыл Арчил из Эгриди и обосновался в бывшей крепости Хидриси»)(298). Этот факт совпадает с началом 50-х годов VIII в. Вскоре Арчил был казнен. В научной литературе это событие датируется 785—787 гг. По нашему мнению, казнь Арчила произошла около 754 года.

Об этом мы находим сведения у Леонтия Мровели,

296 *Гунба М. М. Возникновение Абхазского царства и Византия. — В кн.: Научная конференция аспирантов и молодых научных работников. — Тбилиси, 1961, с. 389; Его же. Западная Грузия и Византия. — Сухуми, 1962, с. 222.*

297 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 240.

298 *Там же*, с. 243.

который в своих описаниях походов арабских полководцев в Восточную Грузию, поход Асима датирует следующим образом: «Спустя пятьдесят лет повторно прибыл Чичнаум, сын Мохаммеда, разорил и истребил все в Картли и направился в Кахети, чтобы разорить и сделать ее безлюдной»(299). Как видно, упомянутый источник Чичнаума отождествляет с Асимом. Притом не известно, чем объясняется такая датировка («спустя пятьдесят лет»). Следует отметить, что и Джуваншер указывает на приход сарацинов в Картли именно через 50 лет после ухода Мервана ибн Мухаммеда («На пятидесятом году после ухода Глухого в Картли прибыли сарацины»)(300), что не связывается с деятельностью Арчила. Сопоставление этих двух сведений нам позволяет считать, что их авторы имеют в виду восьмидесятые годы VIII века. Однако совпадает ли действительно приход Асима-Чичнаума с той датой, на которую указывает Леонтий Мровели?

Хотя специально этим вопросом никто не занимался, однако о казни Арчила имеются различные высказывания у Вахушти, Д. Бакрадзе, С. Джанашиа, М. Сабинина, К. Кекелидзе, М. Лордкипанидзе.

Особое соображение на этот счет имеет М. Лордкипанидзе. Она пишет: «Например, по сообщению армянского летописца Левонди, Хузайма ибн Хазим, назначенный Гаруном ар-Рашидом в качестве правителя в Армении, в ответ на то восстание, которое имело место у нас, наряду с прочими репрессиями, подверг пыткам и казнил грузинского эриставара»(301). Отрицая мнение С. Джанашиа о том, что в источнике должен быть не «эристави» а «слуга эристави», М. Лордкипанидзе утверждает: «А мы думаем, что Левонди подразумевает мученичество Арчила, поскольку это мученичество во времени совпадает с деятельностью Мусы, с первыми годами правления Гаруна ар-Рашида. Как известно, — продолжает она, — мученичество Арчила имело место спустя 50 лет после похода Мурвана Кру»(302). По ее мнению, названный при правлении Гаруна ар-Рашида

299 Там же, с. 245.

300 Там же, с. 244

301 *Материалы по истории Грузии и Кавказа*, ч. 31. — Тбилиси, 1954, с. 15.

302 Там же, с. 15; *Поход Мервана ибн-Мухаммеда в Грузию* С. Н. Джанашиа датирует 736—738 гг. (С. Н. Джанашиа. *Труды*, т. 2, с. 376).

«эристав» был Арчил. Соответствует ли это мнение действительности?

Начнем с сообщения армянского историка Левонда: «Случилось это в княжение Мусы, в правление Хазма, во дни святого богоявления, в лето армянского счисления 233. По истечении года скончался Муса. Он (Хазм?) умертвил также князя иверского лютою смертью: подняли его за руки и за ноги и перерезали пополам. Так прекратили юный возраст его жизни, и погиб юноша, как ягненок на бойне. Совершив все злодеяния, издох он через год»(303).

Трудно сказать, кого имел в виду Левонд, ясно лишь, что упомянутый им был юношей. Сообщение Леонтия Мровели говорит об Арчиле, и этот источник не имеет ничего общего с сообщением Левонда. Как известно, во время похода Мервана Арчил

находился в Анакопии как зрелый полководец(304) и спустя 50 лет он не мог оставаться юношой. Следовательно, личность упомянутого Левондом «иверского князя», невозможно отождествлять с личностью Арчила.

Возникает вопрос, кто из исторических лиц мог быть юношой в 80-х годах VIII века? Из грузинского агиографического произведения «Мученичество Або Тбилиси» мы знаем, что в 80-х годах VIII в. «Або был юношой лет восемнадцати»(305), которого арабы именно в 80-х годах VIII века и казнили. Это дает нам основание считать, что упомянутое Левондом лицо — слуга князя, как это полагал акад. С. Н. Джанашия(306). Следовательно, мнение М. Д. Лордкипанидзе о том, что картлийский царь Арчил жил до 80-х годов VIII века, неверно.

Если признать правильным версию о том, что упомянутый в «Мученичестве Або» Степаноз был отцом Арчила, тогда деятельность Арчила и Мира, поневоле, надо перенести, по крайней мере, на двадцатые годы IX века, это противоречит действительности, поскольку воцарение Леона II связано со смертью Иоанна (внука

303 *История халифов Вардана Гевонда, писателя VIII в. Перевод с армянского К. Патканяна. — СПб., 1862, с. 114.*

304 *Картлис цховреба, т. 1, с. 240.*

305 *Кубанейшили С. Хрестоматия древней грузинской литературы. т 1. — Тбилиси, 1946, с. 60.*

306 Все вышеперчисленные исследователи (С. Кубанейшили, Д. Бакрадзе, К. Кекелидзе, С. Джанашия) утверждают, что казнь Арчила произошла в 80-е годы VIII века.

220

Степаноза); а воцарение Леона II всеми исследователями датируется 70—90 годами VIII века.

Как известно, мученичество Арчила начинается так: «Спустя пятьдесят лет...» и т. д. Автор этого сообщения описывает далее экономическое положение страны. Он говорит, что после ухода Мервана, в течение 50 лет, арабы получали дань от картлийцев. И, надо полагать, слова «50 лет со дня ухода Мервана» не имеют отношения к мученичеству Арчила. Леонтий Мровели и автор мученичества Арчила подчеркивают повторный приход Чичнаума-Асима. Как видно, он не первый раз появлялся в Картли. В таком случае можно считать, что первый поход Асима относится к 50-м годам VIII века, а именно к 754 году, к чему можно приурочить и казнь Арчила.

В сообщении Леонтия Мровели говорится о том, что после похода Мервана страна еще не смогла оправиться и противостоять врагам. Именно поэтому Арчил решил уладить дело путем мирных переговоров и «прибыл к Чичнауму, которого звали Асим». Леонтий Мровели, увлеченный описанием положения дел в стране, с чем было связано обращение Арчила к Асиму, казнь Арчила ошибочно датирует восьмидесятыми годами VIII века.

Надо полагать, что в первоисточнике, который не дошел до нас, была указана другая дата, а не «спустя 50 лет после ухода Мервана». На это должно указывать сообщение о походе Чичнаума, которое сохранилось в древнеармянском переводе «Картлис цховреба». Там говорится, что по истечении 12 лет после ухода амира Глухого пришел Чичнаум, сын Махды(307). Именно это сообщение больше соответствует

действительности. Оно поддерживается и сообщением Джуваншера о том, что спустя 12 лет Картли начала возрождаться, и Арчил переехал из Эгриси в Кахети.

«По истечении 12 лет, спустя после ухода амира Мервана» (приблизительно начало пятидесятых годов VIII века) по времени совпадает с деятельностью Чичнаума-Асима. Теперь важно установление личности Чичнаума-Асима и определение его деятельности именно в Закавказье.

Как выясняется из исторических источников, в Ар-

307 Абуладзе И. Древнеармянский перевод *Картлис цховреба*. — Тбилиси, 1953, с. 204.

221

мении назначенные правителями арабские чиновники стремились покорить и Восточную Грузию. Один из подобных эпизодов описывает арабский историк IX века Баладзори, а именно: «Когда халифом сделался Мансур... правителем Армении был назначен им Язид абн Усаид суламит. Он завоевал Баб-Аллан и разместил там гарнизоны из (солдат), записанных в Диване; он так разбил санаритов, что они вынуждены были платить (поземельную) подать»(308).

Академик И. А. Джавахишвили дает этому сообщению Баладзори следующее толкование: «По словам Баладзори, во время халифа Мансура (754—755) его амир покорил Арагвское ущелье, подчинил цанаров и наложил на них дань. Это должно было случиться между 754 и 764 годами»(309). Такого же мнения и М. Д.

Лордкипанидзе. «Видимо, цанары пользовались именно этим положением, — пишет она, — поскольку после наложения на них дани Хабибом, по словам арабского историка, около 754 г., полководцу Мансуру заново приходится подчинить и обложить цанаров»(310).

Как выясняется, арабский правитель Армении Язид был чиновником халифа Мансура; а деятельность Мансура определяется 754—775 годами. Именно Язид устраивал неоднократные походы в Санарии (Кахети). Из сообщения Леонтия Мровели видно, что Арчил, учитывая экономическое и политическое положение страны, решил мириться с арабами, чиновником которых в то время был Асим, разоривший Картли и Кахети.

Таким образом, в 754—775 гг., т. е. во время правления Мансура походы на Картли устраивал один человек, который в арабских источниках называется Язид абн Усаид суламит, а в грузинских источниках — Асим. Поскольку походы Язида ибн Усаида и Асима совпадают во времени, можно полагать, что это одно и то же лицо. Если наше предположение подтвердится, тогда не трудно будет определить дату казни Арчила. Как выше было сказано, приблизительно к 754 году Язид (Асим?) подчинил санаров. Он же разграбил Картли и Кахети. Арчил, стараясь приостановить даль-

308 Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод с арабского П. К. Жузе. — В кн.: Материалы по истории Азербайджана. — Баку, 1927, с. 20.

309 Джавахишвили И. А. История грузинского народа, кн. 2, с. 77.

310 Материалы по истории Грузии и Кавказа, ч. 31, с. 14.

222

нейшее ограбление Восточной Грузии, не медля обратился к Асиму именно с первых же дней его прихода, т. е. в 754 году.

Как сообщает Леонтий Мровели, первая встреча Арчила с Асимом проходила в непринужденной обстановке («Когда он (Асим) узнал о его (Арчиле) прибытии, встретил его с радостью и принял с большими почестями. Провели день этот вместе»)(311). Однако между Арчилом и Асимом встал неразрешенный вопрос: Асим потребовал от Арчила, чтобы тот принял мусульманскую веру, оставив христианство. «Через несколько дней (Асим) начал льстить и обещал (Арчилу) дары, и заставлял оставить веру во Христа и перейти в сарацинство»(312).

Поскольку Арчил не пожелал отказаться от христианства, Асим заключил его в тюрьму. Установить срок заточения Арчила трудно, но некоторые косвенные сообщения говорят о том, что он недолго томился в тюрьме.

Как было сказано выше, Асим посредством заточения хотел принудить Арчила отказаться от христианства, что действительно требовало много времени. Однако один из гардабанцев донес на Арчила, что последний «находился при своем отце, когда тот закапывал клад Картлийского царства и знал местонахождение клада царя Ираклия, ибо Ираклий показывал, где зарывал»(313). Донос гардабанца ускорил развитие событий. Вероятно, гардабанец донес на Арчила в первые же дни его заключения, т. е. в 754 или начале 755 года. Более того, если поход Асима был совершен до марта 754 года, видимо, и донесение относится к этому же году.

Асим вызвал Арчила и заявил, что он оставляет ему отцовский клад и Картлийское царство, если Арчил оставит христианство и станет сарацином, его единоверцем («Но больше возвеличишься передо мною, если послушаешь меня, пусть будет царство твое твоим же и сокровища предков твоих пожалую тебе же. Сперва покажи сокровища греческих царей, перейди в веру мою, сделайся сарацином и сделаю тебя спасаларом над страной Картли и царем и повелителем над народом Картли»)(314).

311 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 245.

312 Там же.

313 Там же.

314 Там же, с. 247.

Арчил категорически отказался от предложения Асима, после чего последний, разгневавшись, приказал отсечь голову Арчилу. Приговор был приведен в исполнение 20-го марта («И вывели наружу и отsekли голову в месяц михракан, который есть март, в двадцатый день этого месяца»)(315).

Есть и другие документы, которые подтверждают, что деятельность Арчила завершилась в пятидесятых годах VIII века. Так, например, автор «Матиане Картлиса» сообщает, что хазарский хакан, услышав о красоте младшей сестры Джуншера — Шушаны, решил жениться на ней и обещал Джуншеру помочь в борьбе против сарацинов(316). Шушана отказалась от предложения хакана, тогда хазарский царь через три года прислал своего спасалара (полководца) Блучана, который разрушил много крепостей, в том числе и город Тбилиси, пленил Шушану и Джуншера («Спустя три года после этого снарядил хакан спасалара своего Блучана, прошел он дорогу Лекетскую и вступил в Кахети; осадил крепость, в которой пребывали

Джуаншер и сестра его Шушан и дней через малость овладел (крепостью) и увел их в плен; сокрушил город Тбилиси, полонил Картли и всю эту страну»)(317). Автор этого исторического документа не датирует поход Блучана в Картли и Кахети, а указывает только на то, что после смерти Арчила страна была разделена между его сыновьями, причем Джуваншеру достались Картли и Кахети.

И. А. Джавахишвили этот поход Блучана датирует 764 годом(318). Того же мнения и С. Н. Джанашиа(319).

Следовательно, в 761 году в Картли и Кахети правил не Арчил, а его наследник Джуваншер, что свидетельствует о том, что деятельность Арчила завершилась в пятидесятых, но не в восьмидесятых годах VIII в. Таким образом, царь Арчил был казнен до конца пятидесятых годов VIII века, т. е. в 754 году.

Из вышеназванных двух условий, ограничивающих внешнеполитическую деятельность Леона I, предупреждение императора и им самим принесенная присяга о ненарушении политических границ владений Арчи-

315 Там же.

316 Там же, с. 249.

317 Там же.

318 Джавахишвили И. А. История грузинского народа, кн. 2, с. 77.

319 Джанашиа С. Н. Труды, т. 2, с. 377. Он ссылается на вышеназванную работу И. А. Джавахишвили.

224

да, в 754 г. должно было потерять силу и предоставить ему возможность для присоединения Эгриди.

Пришлось ли Леону I ждать истечения сроков условий, ограничивающих его во внешнеполитической деятельности, или он раньше этого срока присоединил Апселию и Эгриди к своим владениям?

На этот вопрос могут ответить события, имевшие место в первые годы после изгнания арабов из Абхазии и Эгриди.

В изгнании арабов из Абхазии и Эгриди, надо полагать, важную роль сыграл Леон I. Об этом свидетельствует сообщение Джуваншера о том, что Арчил предлагал свои услуги Леону I за предоставление ему и его брату Миру безопасного места во время нашествия арабов («Да будь ты благословен Господом, ибо добром обслужил наше пребывание в гостях у тебя и защитил нас в местах твоих с миром... А теперь испроси для себя все, что ты захочешь от меня, взамен твоей добной службы»)(320). Из этого сообщения яствует, что Арчил собирался уступить Леону I определенную территорию. Видимо, Арчил мог выполнить свое обещание, поскольку последующее время благоприятствовало укреплению дружбы между Леоном I и Арчилом, что подтверждается женитьбой Леона I на племяннице Арчила. Это мнение подкрепляется и тем, что Арчил хотел покинуть Апселию и обосноваться в Цихе-Годжи и Кутаисе («Отправлюсь и утвржусь в Цихе-Годжи и Кутаисе»)(321).

Особую важность имеет вопрос о присоединении Эгриди к Абхазии, о котором конкретные сведения в источниках отсутствуют. Имеется только сообщение анонимного автора «Матиане Картлиса» о том, что Леон II, который был внуком хазарского царя, с его помощью вышел из-под власти греков, завладел Абхазией и

Эгриси до Лихи(322). Что значит «завладел Абхазией и Эгриси»? Является ли овладение Леоном II Абхазией и Эгриси одновременным актом? Или это произошло в разное время?

Нам кажется, что овладение Леоном II Абхазией и Эгриси автор «Матиане Картлиса» не случайно считает одновременным актом. Надо полагать, что Леон II получает объединенное царство, вскоре после чего объявляется независимость этого царства от Византийской

320 *Картлис ҷховреба, т. 1, с. 242.*

321 *Там же.*

322 *Там же, с. 251.*

225

империи. Иначе неясной была бы помощь со стороны хазар, поскольку она автором «Матиане Картлиса» упоминается только один раз в связи с отпадением Абхазии от Византии и (как полагают исследователи), в отношении завладения Леоном II Абхазией и Эгриси.

Вероятно, Леон II не мог несколько раз приглашать хазар. Он воспользовался их помощью только раз для захвата власти в своей стране, тогда же он решил и отказаться от византийской зависимости. До сих пор существует мнение о том, что именно Леон II впервые объединил Абхазию и Эгриси, вопреки тому, что письменные источники не свидетельствуют об этом. Кроме того, образование Абхазского царства связывается с присоединением Эгриси к Абхазии и с объявлением Леона II царем абхазов. При этом первым царем Абхазии признается Леон II.

Можно ли, исходя из сообщения «Матиане Картлиса», делать категорическое заявление о том, что именно Леон II стал первым царем Абхазии? Или же образование Абхазского царства связать с присоединением Эгриси к Абхазии и с их отпадением от Византии?

Нам кажется, что нельзя.

Вот что сообщает источник: «Когда ослабли греки, отделился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был внуком хазарского царя, и силой их отделился от греков, завладел Абхазией и Эгриси до Лихи, принял имя царя абхазов»(323).

В этом источнике прежде говорится об отпадении Леона II от греков (византийцев), а затем о том, как он стал царем Абхазии и Эгриси. Такая последовательность событий вряд ли соответствует действительности. Сперва, надо полагать, произошло присоединение Эгриси к Абхазии, а затем, независимо от промежутка времени, произошло ее отпадение от Византии. Более того, в источнике принятие Леоном II имени царя абхазов связывается не с отпадением Абхазии от Византии, а с овладением им Абхазией и Эгриси, т. е. с захватом престола в своей стране. Следовательно, Леон II, став правителем объединенной Абхазии и Эгриси, объявляет себя царем абхазов, таким образом, царем абхазов мог объявить себя каждый правитель, вступая на престол

323 *Там же.*

за Леоном II. Источник позволяет усомниться в том, что именно Леон II стал первым царем абхазов. Это сомнение подкрепляется сообщением Джуаншера(324). Как известно из грузинских источников, после изгнания арабов из Абхазии и Эгриси император Византии (Лев Исавр) прислал две царские короны и грамоту Миру и Арчилу («Он (император) прислал два венца (короны) и две грамоты Миру и Арчилу»)(325). Эти короны принадлежали царям. Через некоторое время Мир скончался, после чего Арчил выдал замуж шестерых дочерей Мира. А седьмая, Гурандухт, была выдана позже за Леона I. Арчил одновременно передал Леону I ту царскую корону, которая была прислана императором для Мира («Тогда отдал Леону в жены племяннице (дочь брата) его Гурандухт и ту корону, которую царь греков прислал Миру»)(326). Как видно, Леон I имел право получить царскую корону.

Возникает и другой вопрос: почему Арчил вручил Леону I корону? Нам кажется, что эта корона была признаком перехода власти и имущества Мира к Леону I как одному из ближайших его родственников. Вручение царской короны не является признаком возвышения Леона I. Арчил не совершил ничего необычного для современников. Леон I и его потомки, как сообщает Джуаншер, должны были оставаться правителями Абхазии навеки («Но тебе я даровал эриставство Абхазети, тебе и потомству, и отпрыскам твоим во веки вечные»)(327).

Мир перед смертью завещал своему младшему брату Арчилу, чтобы тот выдал замуж всех дочерей Мира и наделил земельными угодиями всех зятей(328). Как известно из сообщения Джуаншера, это завещание Мира было уже выполнено в отношении шести зятей(329). После этого Леон I женился на младшей дочери Мира. Стало быть, и Леон I должен был получить определенную территорию. К тому же до того как Леон I женился на Гурандухт, Арчил обещал выделить ему определенную территорию(330). Таким образом, Леон I должен был получить какую-

324 Там же, с. 240- 242.

325 Там же, с. 239.

326 Там же, с. 242—243.

327 Там же, с. 240.

328 Там же, с. 241.

329 Там же, с. 241—242.

330 Там же, с. 242.

то территорию по двум причинам: во-первых, потому, что он предоставил картлийским правителям убежище, и, во-вторых, потому, что он стал зятем картлийского царя. В этом случае передача Леону I царской короны должна означать переход власти и владения Мира в Эгриси в руки Леона I.

Интересно сообщение Джуаншера и о том, что император Византии защищает царей Картли от эристава Абхазии. Предупреждение Леона I императором о ненарушении границ владений картлийских царей указывает на соотношение сил правителей двух стран того времени — Абхазии и Картли. Если бы царь Мир был более

могущественным, чем Леон I, то последний без предупреждения не нарушил бы границ владений Мира. Вероятно, Леон I имел реальные возможности для расширения своих владений за счет картлийских правителей.

Зависимость Леона I от Византии теряла свое значение. Византия не принимала участия в освобождении Абхазии от арабов, она только санкционировала свершившийся факт.

Владение Леона I и по территории, и по численности населения было, как нам кажется, гораздо больше, чем владение Арчилы(331). И когда Арчил с целью вознаграждения обратился к Леону I, последний ответил, что император дал ему в наследственное владение территорию от Келасури до Малой реки Хазарии. Историк Джуваншер не сомневался в том, что границы Абхазии простирались до Малой реки Хазарии. Он использовал неизвестный нам источник об этой границе(332). Если Леон I владел территорией от Келасури до Малой реки Хазарии, то Арчил в это время временно занимал только Западную Грузию, т. е. основные владения в Картли еще были заняты арабами.

Сведения о могуществе Леона I можно почерпнуть из грузинских источников. Авторы этих источников называют Леона I эриставом, а Мира и Арчила — царями. На наш взгляд, тот факт, что Арчил передал Леону I царскую корону, свидетельствует о том, что последний еще до получения от Арчила царской короны был самостоятельным правителем, только поэтому Арчил позволил себе вручить Леону I царскую корону.

331 Там же, с. 177.

332 Там же, с. 242.

Византийская империя вела ожесточенные бои против персов и арабов. Императоры искали союзников среди северокавказских и закавказских народов. Особое значение они придавали союзу с картлийским эрисставаром как пограничной с Ираном страной. Поэтому императоры старались способствовать усилению картлийских эрисставаров(333). После поражения Мервана в анакопийской битве византийский император решил возвеличить картлийских правителей, прислав им две царские короны. Как известно, царская власть в Картли после восстания 523 года была упразднена(334). Поэтому ближайшие предшественники Мира и Арчила Степаноз, сын Гуарама(335), Адарнасе, сын Бакура(336) и Степаноз, сын Адарнасе(337) — не назывались царями. Император Византии, в силу изложенных выше причин, восстанавливает царскую власть в Картли при Мире и Арчиле. Следовательно, Мир и Арчил — первые, кто получил от императора царские короны.

Что касается Леона I, то он, по-видимому, не нуждался в новой короне. В сообщении Джуваншера содержится сведение, которое должно свидетельствовать о том, что Леон I был царем. Он сообщает, что Леону I было запрещено быть государем в случае нарушения границ владений Мира и Арчила («Не быть (тебе) государем во вред их и границ их эгриссских»)(338). В данном случае термин „ “ означает правитель, государь. Если Леон I был чиновником (эристави), его не назвали бы властителем или государем.

В сочинении автора VIII века Иоанна Сабаниძе правитель Абхазии называется «мтавари», что противоречит нашему утверждению. По нашему мнению, здесь

проявляется субъективизм со стороны Иоанна Сабаниძе, представителя Картлийского княжества. В его сочинении об Абхазии сказано очень мало и поверхностно. Притом во времена Иоанна Сабаниძе правители Картли не носили титула царя (мепе), а назывались «мтавари». Видимо, поэтому Иоанн Сабаниძе не мог назвать царем и правителя Абхазии. Необходимо также отметить, что византийские источники назы-

333 *История Грузии*, т. 1, с. 114.

334 Там же, с. 106.

335 *Картлис ცხოვребა*, т. 1, с. 222.

336 Там же, с. 225.

337 Там же, с. 228.

338 Там же, с. 242.

229

вали правителей абхазов (и других зависимых народов) и в последующие времена не царями, а правителями, властителями. Так, например, в письмах Николая Мистика, адресованных абхазскому царю Георгию (922—957 гг.), титул царя Абхазии отражен термином «эксузиаст»(339). Следует подчеркнуть, что грузинский термин «эристави» не прямой перевод греческого слова, обозначающего титул Леона I. Фактически он был властителем, зависимым только от византийского императора. Даже если бы правительство Византии не признавало существования Абхазского царства, то это не означало отсутствия такового.

Таким образом, Арчил, передавая Леону I царскую корону, одновременно передал ему владение и власть Мира, поскольку ближайшей наследницей последнего была Гурандухт, вышедшая замуж за абхазского царя Леона I.

Фактически женитьба на Гурандухт была юридическим оформлением присоединения Эгриси к Абхазии. Следовательно, даже до ухода Арчила из Эгриси Леон I становится ее правителем(340). Если исходить из этого, можно полагать, что присоединение Эгриси к Абхазии произошло в 40-х годах VIII века.

Присоединение Эгриси к Абхазии все исследователи приписывают Леону II, ссылаясь на «Матиане Картлиса» и Вахушти Багратиони, который пишет, что еще до смерти Иоанна (сына Арчила) вся Эгриси подчинялась Леону и почитала его, ибо он был в родственных связях с эгриским царем(341). Вахушти тоже имеет в виду Леона II. Как видно, зависимость Эгриси от Абхазии при жизни Иоанна была связана с родственными отношениями, а они появились именно тогда, когда Леон I женился на дочери Мира (дяди Иоанна). По сообщению автора «Матиане Картлиса», когда Леон II стал правителем Абхазии, Иоанна не было в живых. Значит, присоединение Эгриси к Абхазии произошло до Леона II.

Итак, присоединение Эгриси к Абхазии произошло не после, а до смерти Арчила, т. е. в 40-х годах VIII в. Нет необходимости связывать образование Абхазского царства с его отпадением от Византии, поскольку оно не было занято византийцами. Леон I решал внутри-

339 *Георгика*, т. 4, вып. II, с. 212, 214—215.

340 *Картлис ცხოვребა*, т. 1, с. 232.

политические вопросы независимо от Византии.

Все приведенные выше аргументы свидетельствуют о том, что уже Леон I пользовался царскими правами, что образование Абхазского царства не было связано ни с присоединением Эгриси к Абхазии, ни с отказом Леона II от византийской зависимости. Образование Абхазского царства, надо полагать, было связано с развитием производительных сил и политическим усилением страны.

Сообщение «Матиане Картлиса» о том, что Леон II был племянником (сыном брата) Леона I, внуком (сыном дочери) хазарскою царя, соответствует действительности. Как известно из «Дивана царей» Абхазии, Леон I был младшим братом Константина II, которому принадлежала, как считает В. А. Леквинадзе, вислая печать, найденная в Пицунде с греческой надписью «Константинос Абазгиас». Следовательно, Леон II является сыном Константина II, который свои послания скреплял печатью. Этот Константин был зятем хакана Великой Хазарии и своим императором Византии Константина V. Возможно, он был царем, вряд ли хазарский хакан выдал бы свою дочь за правителя незначительного княжества.

После Константина II Абхазией правил его младший брат Леон I, который, по-видимому, имел царские регалии. Что касается Леона II, то он, по видимому, воспользовавшись смертью Леона I, с помощью хазар захватил власть в объединенной Абхазии и Эгриси. Однако, исходя из «Дивана царей» Абхазии, следует полагать, что Леон II вскоре был свергнут Феодосием, сыном Леона I и его сторонниками. «Диван царей» за Леоном I упоминает не Леона II, а сына Леона I — Феодосия, правление которого длилось, согласно автору «Дивана царей», 27 лет. Таким образом, Леон II получил царский престол не по наследству, а силой хазар. Объявив себя царем абхазов, Леон II должен был отстранить от власти потомков Леона I. В сообщении автора «Матиане Картлиса» сказано, что Леон II одновременно стал правителем как Абхазии, так и Эгриси. Это обстоятельство свидетельствует о том, что Абхазия и Эгриси до Леона II были объединены. Важное значение имеет и то, что отец Леона II Константин II скреплял свои акты вислой печатью. Если уже Константин II был самостоятельным правителем, тем более это нужно отнести к

Леону I, сыгравшему большую роль в изгнании арабов из Абхазии и Эгриси и тем самым оказавшему огромную помощь Византийской империи.

Следовательно, три акта — образование Абхазского царства, присоединение Эгриси к Абхазии и отказ Леона II от византийского протектората — были разновременными и независимыми друг от друга. Притом первые два акта — образование Абхазского царства и присоединение Эгриси к Абхазии — произошли до Леона II, а третий — отпадение Абхазского царства от Византийской империи — при Леоне II.

При определении характера Абхазского царства в VIII веке некоторые исследователи подчеркивают, что в этом царстве как территориально, так и количественно преобладал грузинский элемент. Для освещения этого вопроса необходимо

определить границы Абхазского царства. В определении восточных и западных границ этого царства разногласий нет. Восточной границей Абхазского царства был Сурамский хребет (Лихский — древнегрузинских источников). Западной границей Абхазского царства было Черное море. Труднее определить южные и северные границы Абхазского царства. О южных границах почти единогласие высказывают К. Кекелидзе и П. Ингороква. По мнению К. Кекелидзе, южная граница Абхазского царства доходила до Трапезунта. Этот автор исходит из сочинения грузинского писателя VIII века Иоанна Сабаниძэ. По этому вопросу К. Кекелидзе пишет: «В пределы Абхазии, т. е. Западной Грузии, ранее называвшейся Лазикой и Фасидой (от реки Фасиса — Риони), тогда действительно входил Трапезунт»(342). А в источнике сказано так: «Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому, что нашел он ту страну полной верующих во Христа и никого неверующих не было среди коренных в ее пределах. Ибо границей ее является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней находятся Трапезунт, поселение Апсарея и Напсайская гавань. И подвластны города те и места слуге христову, ионскому царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе»(343). По мнению К. Кекелидзе, в источнике перечисленные горо-

342 Кекелидзе К. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. — Тбилиси, 1956, с. 34.

343 Там же, с. 62.

232

да Трапезунт, Апсарей и Напсайская гавань находятся на территории Абхазии. В действительности же И. Сабаниძэ пишет о том, что границы Абхазии доходили до Халдии, где находятся перечисленные города.

П. Ингороква тоже придерживается этой точки зрения и допускает дополнительные ошибки(344).

Как сообщает Прокопий Кесарийский, южные границы Лазского царства проходили недалеко от крепости Петры. В VI веке южные границы Лазики не менялись. В VII веке положение Лазики ухудшается, поэтому она никак не могла расширить свои границы на юг. Затем эта область становится владением картлийских правителей, которые, в связи с господством арабов, не имели никаких возможностей расширить свои владения. После поражения арабов Арчил не долго находился в Лазике; он переехал в Картли, чтобы наладить тамошние дела. Затем Лазика присоединяется к Абхазии. Таким образом, южные границы Лазики остались неизменными.

Об аргументах, приведенных П. Ингороква, З. В. Анчабадзе справедливо отмечает, что «указания этих источников имеют лишь геоэтнографическое значение и отнюдь не свидетельствуют о вхождении Трапезунта в состав политической единицы — Абхазского царства»(345).

Что касается актов вселенского собора 787 г. в коих читаем: «Христофор, епископ Фазиса или Трапезунта», то о них З. В. Анчабадзе пишет, что «787 г., когда Абхазия (Западная Грузия) считалась еще официальным владением Византии, Трапезунтский епископ вполне мог считать себя и епископом Фазиским. Известно также, что и после образования независимого Абхазского царства церковь в течение нескольких

десятилетий продолжала оставаться в подчинении у константинопольского патриарха»(346).

Академик С. Н. Джанашиа категорически возражает против мнения К. Кекелидзе и П. Ингороква, которые в состав Абхазского царства включают Халдию. Он пишет: «Абхазия в политическом смысле не простиралась южнее реки Чорох, и едва ли она ее когда-нибудь домтигала»(347).

344 Ингороква П. Георгий Мерчule, грузинский писатель X в., с. 202.

345 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 113.

346 Там же.

347 Джанашиа С. Н. Труды, т. 2, с. 388.

233

Таким образом, в первые годы образования независимого Абхазского царства его границами являлись: Малая река Хазарии на севере, Главный Кавказский хребет на северо-востоке, Лихский хребет на юго-востоке, р. Чорох на юге и Черное море на западе. В дальнейшем эти границы часто менялись в связи с экспансионистской политикой абхазских царей.

4.7. Политическое объединение Абхазии и Грузии

Как сказано выше, к середине VIII века происходит присоединение Эгриси к Абхазии, после чего границы последней на юг простираются до р. Чорохи, а на востоке — до Сурамского хребта. К концу этого века племянник Леона I, Леон II, захватив власть в стране, отказался от византийского подчинения. По словам грузинского писателя второй половины VIII века Иоанна Сабаниძе, Абхазия была цветущей страной, где не было ни одного неверующего. В дальнейшем абхазские цари проводят захватническую политику, они распространяют свое влияние и на юг, и на восток. В процессе распада арабского халифата образовался Тбилисский эмират, который первоначально охватывал как Восточную, так и Юго-Западную Грузию. К концу VIII века от Эмирата отделяется Кахети и Тао-Кларджети. Таким образом, создаются новые феодальные княжества, которые затем оказывают сопротивление абхазскому царю.

Из всех княжеств самым слабым в политическом отношении оказалось Картли, которое стремились присоединить соседние политические единицы. В конечном итоге победа осталась на стороне Абхазского царства.

Объединение Абхазского царства и Картли в научной литературе называется процессом объединения грузинских земель и до недавнего времени освещалось однообразно. Исследователи считали, что решающую роль в этом деле сыграло Тао-Кларджетское княжество во главе с его правителем Давидом Курапалатом, который объявлен главным инициатором и организатором этого объединения. Эта мысль излагается в следующих трудах: История Грузии, под редакцией академика С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1946, с. 156—158 (на груз. яз.); История Грузии, под редакцией академика Н. А. Бердзенишвили, Тбилиси, 1960, с. 82—83 (на груз. яз.); БСЭ, т. 13, 1952, с. 41; Народное хозяйство Гру-

зинской ССР 1921 — 1967 гг. Тбилиси, 1967, с. 14—15 (на груз. яз.); Советская историческая энциклопедия, т. 4, с. 812; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 134—135, 166, 169; Ш. Л. Месхия. История Грузии (краткий обзор). Тбилиси, 1968, с. 9—10; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., в двух частях, ч. I, М., 1953, с. 557. Например, в «Очерках истории СССР» вопрос освещается так: «В борьбе князей за главенство во всей Грузии первоначально преобладание оставалось за абхазскими царями... Но при преемнике Леона, Деметре (967—975) Абхазское царство начало клониться к упадку и уступило место Тао-Кларджети. Влиятельная политическая группировка передовых картлийских азнауров во главе с Иоанне Марушиძе, найдя единственную поддержку со стороны тао-кларджетских Багратидов, успешно претворила в жизнь намеченный ею план объединения Грузии в одно царство»(348).

Подобные утверждения представляются необоснованными. Картли и Тао-Кларджети не имели возможности присоединить Абхазское царство без его согласия. О военном захвате Абхазии не могло быть и речи, хотя бы потому что на приглашение Баграта царем абхазов требовалось согласие большинства абхазских влиятельных феодалов. В Грузинской историографии процесс борьбы за обладание Картли именуется борьбой за объединение грузинских земель. При этом Абхазское царство объявляется грузинским. Для доказательства этого положения исследователи утверждают, что основное население Абхазского царства было грузинским (саниги, мисимиане, мегрелы, сваны, карты)(349). Мы выше говорили, что саниги и мисимиане не были сванами, а принадлежали предкам абхазов. Из картвельских племен в Абхазском царстве жили в основном мегрелы в Эгриси (Лазике) и сваны в Сванетии. В Эгриси также проживали и карты, покинувшие Картли в связи с ее захватом арабами.

Следует отметить, что Абхазское царство занимало территорию до реки Кубани на севере, большинство населения которой не было грузинским(360). Когда названные исследователи ссылаются на административное деление

348 Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., в двух частях, ч. 1. — М., 1953, с. 557.

349 Очерки истории Грузии, т. 2, с. 419.

350 Там же.

Абхазского царства, они в качестве источника приводят сведения Вахушти Багратиони, автора XVIII века. Исследователи полагают, что из восьми эриставств Абхазского царства население шести составляли картвельские племена. Вахушти Багратиони перечисляет восемь эриставств, из которых три (Абхазское, Цхумское и Бедийское) находились на территории собственно Абхазии; 5 эриставств (Гурийское, Рача-Лечхумское, Сванское и Кутаисское) находились в Западной Грузии(351). Все они занимали территорию от Ингури до Чорохи. Ведь Леон I сперва получает территорию от Келасури до Кубани, а затем присоединяет к своим владениям и Апсилию — исконно абхазскую территорию до р. Эгри (Ингури). Если сравним две эти

области как по территории, так и по населению, превосходство абхазских эриставств не вызовет сомнения. У более ранних авторов подобных сведений нет. Очевидно, Вахушти имеет в виду административное деление Абхазского царства XI—XII вв. Грузинский характер Абхазского царства основывают также на факте перенесения его столицы в Кутаиси(352). Об этом пишет Вахушти Багратиони. Однако по его сообщению, Леон основным столичным городом сделал Анакопию, а Кутаиси — вторым(353). Таким образом, и этот аргумент не в пользу утверждений о грузинском характере политики абхазских царей.

Авторы вышеназванных мнений считают более верным Абхазское царство переименовать в «Эгрис-Апхазети», а абхазских царей — в «эгрис-абхазских»(354). На наш взгляд, изложенная точка зрения не отвечает действительности. Обратимся к имеющимся источникам.

Абхазское царство возникло не как совершенно новая политическая единица, а как продолжение княжества абазгов, где картвельский элемент отсутствовал. Расширение границ этого царства в сторону Лазики (Эгриси) начинается, по крайней мере, с VII века. После поражения Мервана ибн Мухаммеда южные границы Абхазского царства ограничиваются р. Келасури. В результате женитьбы Леона I на племяннице Арчила Гурандухте южные границы Абхазского царства дошли до р. Чорохи. Неясно, почему абхазские цари должны были проводить не собственную политику, а т. н. обще-

351 *Картлис ҷховреба*, т. 4, с. 796.

352 *Очерки истории Грузии*, т. 2, с. 420.

352 *Картлис ҷховреба*, т. 4, с. 796.

354 *Очерки истории Грузии*, т. 2, с. 421.

грузинскую, которую сами грузинские цари не проводили? Какими материалами это подтверждается?

По истории Абхазского (Абазгского) царства VIII века имеются сведения грузинского историка Джуваншера и автора VIII века Иоанна Сабаниძэ. Оба источника ничего не говорят о грузинском характере политики абхазских царей. Если сравнить источники, современные Абхазскому царству со сведениями Вахушти, который жил спустя тысячу лет после описанных им событий, становится ясной тенденциозность последнего. Царство в греко-латинских источниках называется Абазгией, а в значительно более поздних грузинских — Апхазети.

Тот факт, что Кутаиси стал вторым столичным городом Абхазского царства, не говорит о грузинском характере царства. К тому же свидетельство о перенесении столицы Абхазского царства в Кутаиси находим опять-таки у автора XVIII века, но не VIII. Но если перенесение столицы и имело место, то никак не доказывает изменения характера национальной политики абхазских правителей. В качестве примера можно привести факт перенесения столицы России в Петербург.

В грузинской историографии регулярно встречается выражение «борьба за объединение Грузии». Исторические факты показывают, что правители каждого княжества стремились к расширению своих владений, и «общегрузинские» интересы могли проявиться только после того, как тот или иной грузинский правитель окончательно укреплял свои позиции в стране и получал возможность захватить

территорию соседнего княжества. Подтверждением того являются взаимоотношения Кахети, Картли и Тао-Кларджети.

Абхазские цари тоже стремились расширить свои владения, совершая с этой целью походы в Южную и Восточную Грузию. Эта борьба принимает интенсивный характер во второй половине IX—X вв. Автор «Матиане Картлиса» сообщает, что царь абхазов вел активную борьбу за Картли. Против него выступили Гурген, Адарнасе и армяне. Царь абхазов Константин захватил Картли. Позже армянский царь вытеснил его из Картли, но Константин затем вернул свои завоевания(355).

Через некоторое время царь абхазов Константин совершил новые походы в Эрети. Об этом «Матиане

355 Матиано Картлиса. — Тбилиси, 1976, с. 32.

237

Картлиса» сообщает: «После того, когда прошло несколько лет и отстроилась страна, хорепископ Квирике призвал царя абхазов Константина, прибыли в Эрети и осадили крепость Веджини. Царь абхазов подошел с верхней стороны, а Квирике — с нижней, и когда уже должны были взять (крепость), тогда явился патрик Адарнасе, в пятницу и заключили мир в Джвари, передал (Адарнасе) царю абхазов Ариши и Гавазни, а Квирике — Орчоби. После перемирия вернулись. Пришел Константин, царь абхазов, помолился в Алаверди святому Георгию и украсил золотом его икону. Отправил большую часть своего войска в путь; весьма почтил хорепископ Квирике (его) и отправился (царь абхазов) в свою страну»(356). Как видно, в начале X века влияние абхазских царей распространяется и на некоторые области Кахети. Это сообщение подтверждается также строительной надписью на одной из колонн Эредвской Церкви. Надпись проливает дополнительный свет на характер и дату эретского похода.

Историки, касавшиеся вопроса о походе царя абхазов Константина в Эрети, ссылались исключительно на «Матиане Картлиса». И. А. Джавахишвили, З. В. Анчабадзе, М. Д. Лордкипанидзе высказывают в основном одну и ту же мысль. И. А. Джавахишвили считал правильной последовательность изложения в «Матиане Картлиса»: вначале о взаимоотношениях между абхазским царем Константином и царем армян Сумбатом, затем о походе Абул-Касима (914 г.) и, наконец, о походах Константина в Картли и Эрети. На основании этого источника И. А. Джавахишвили утверждал, что Константин захватил Эрети после 914 года, т. е. после похода Абул-Касима(357). Нам кажется, что такая последовательность событий не соответствует действительности. Если согласиться с толкованием И. А. Джавахишвили, тогда походы Константина в Эрети следовало бы отнести к двадцатым годам X века, но после похода Абул-Касима «восстановление страны» потребовало бы, по крайней мере, не менее десяти лет. Однако установлено Е. Такайшвили и принято другими исследователями, что Константин умер в 912 году. Отсюда яствует, что он не мог совершить поход в Эрети после 914 года.

356 Там же, с. 33.

357 Джавахишвили И. А. История грузинского народа, кн. 2, с. 105.

3. В. Анчабадзе в своем исследовании о походе Константина в Эрети соглашается с мнением И. А. Джавахишвили Он отмечает также, что Константин не мог бы добиться успеха без согласия царя армян Сумбата, которого затем арабы ослабили(358). Как известно из различных источников, во время политических споров между Константином и Сумбатом правитель Тао-Кларджети Адарнасе поддерживал армянского царя, они вместе боролись против абхазов(359). Однако после того, как Сумбат примирился с Константином, Адарнасе начал враждовать с Сумбатом. Во время походов Абу-Саджа (906 г.) и Абул-Касима (914 г.) Адарнасе также поддерживал врагов Сумбата. Названные историки считают, что ослабление Армении, вызванное походом арабов, способствовало усилению Константина; что без этого царь абхазов не мог бы захватить Картли и Эрети. Поэтому для захвата царем абхазов Восточной Грузии благоприятные условия складывались только после 914 года.

Следует отметить и другую сторону во взаимоотношениях между Константином и Сумбатом. Пленение абхазского царя произошло не по инициативе Сумбата, а в связи с коварством Адарнасе, наравне с армянскими нахарарами, входившими в ту свиту, которая была направлена для ведения переговоров с Константином. Сумбат же освободил из плена Константина, восстановив с ним дружественные отношения. Кроме того, Сумбат возвратил Константину Картли и другие области, им захваченные. Таким образом, Сумбат с момента освобождения Константина не враждовал с ним и не мешал ему в захвате восточно-грузинских земель. Что касается Адарнасе, то он был не в силах помешать Константину в захвате Восточной Грузии. Следовательно, царь абхазов Константин имел возможность продолжать походы в Восточную Грузию до того, как Армения подверглась полному ослаблению со стороны арабов. Поэтому захват Константином Эрети не обязательно связывать с периодом после 914 года.

Существует также мнение, что захват Константином Эрети произошел по инициативе правителя Кахети Кви-

358 Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 127.

359 Каталикос. История Армении. — Тифлис, 1912, с. 140, Джавахишвили И. А. Указ. соч., с. 104; Анчабадзе З. В. Из истории..., с. 126.

рике(360). Оно основано на анализе «Матиане Картлиса». Однако эредвская надпись отрицает это.

На одной из южных колонн Эредвской церкви, расположенной в Южной Осетии, близ Цхинвали, имеется названная надпись, выполненная заглавными буквами в 9 строк. Она говорит о походах Константина в Эрети, указывая на дату. Текст дан в транскрипции мхедрули с раскрытием титл и с возможным восстановлением утраченных мест в чтении Р. Меписашвили(361), которая исследовала эредвский архитектурный памятник. Текст в переводе гласит: «Во имя бога, Отца и Сына и Святого Духа, с ходатайством св. Богородицы, помошью св. Георгия, в царствование Богом утвержденного царя Константина, который изволил (повелел) и прибыл в Эретию, обратил в бегство царя эретинцев и, возвратившись оттуда с миром, на

утрене молился в Алаверди, переночевал в Бредза. Опять поднялся и разрушил крепость Веджини. При владычестве в Картли Ивана Тбели, при архиепископе блаженного (желательного всеми), его крестом по замыслу никозского блаженного Степана, усилиями и помощью близких, я, Теодоре Таплайсдзе заложил фундамент. Лето было 6510».

Как видно, содержание этого текста повторяется в сообщении «Матиане Картлиса», где говорится о походе царя абхазов Константина в Эрети. В этот период (вторая половина IX и первая пол. X вв.) по источникам известен только один Константин — царь абхазов.

Эредвская надпись, в отличие от «Матиане Картлиса», сообщает некоторые подробности похода Константина в Эрети. «Матиане Картлиса» упоминает только один поход Константина в Восточную Грузию (исключая поход 888 г., когда Константин столкнулся с царем армян Сумбатом). Эредвская надпись упоминает и второй поход Константина, когда он разрушил крепость Веджини.

Некоторые расхождения между эредвской надписью и «Матиане Картлиса» можно объяснить неодновременностью составления этих документов. Так, например, по эредвской надписи при первом походе в Эрети Константин обратил в бегство царя эретинцев и с миром вер-

360 Меписашвили Р. Эредвский архитектурный памятник 906 года. — В кн.: Грузинское искусство. Труды института истории грузинского искусства, т. 4. — Тбилиси, 1955, с. 113.

361 Там же.

240

нулся в Алаверди. Только во время второго похода разрушил крепость Веджини. Оба эти события в «Матиане Картлиса» передаются как одновременный акт. По последнему источнику Константин совершает молитву в Алаверди после взятия крепости Веджини, а эредвская надпись эти события излагает в обратном порядке. В надписи сказано, что Константин по собственному желанию совершил поход в Эрети, а «Матиане Картлиса» сообщает, что он был призван кахетинским хорепископом Квирике для совместного похода в Эрети. Автор этого источника не говорит о разрушении крепости Веджини, а сообщает лишь об осаде ее союзными войсками. Необходимо подчеркнуть, что эредвская надпись современна указанным в ней событиям, а «Матиане Картлиса» неоднократно подвергалась переписке. Поэтому мы считаем, что эредвская надпись, которая датирует поход абхазского царя Константина 906 годом, заслуживает большего доверия, чем сообщение «Матиане Картлиса».

Не только эредвская, но и некоторые другие строительные надписи подтверждают включение частей Восточной Грузии в состав Абхазского царства именно при Константине. Одной из них является надпись Самцевирской церкви. Этот памятник находится в Хашурском районе, на берегу Куры, между железнодорожными станциями Агара и Карели. Текст надписи гласит: «В год 20-й царя Константина, я, Домнинос, настоятель Самцевирского креста и Георги Туалаисдзе провели сюда к крепости канал...». Г. Н. Чубинашвили, на основе палеографии и языка текста, которые ограничиваются X в., полагает, что упомянутый в тексте надписи на храме

Константин является царем абхазов, поскольку в это время был известен только один Константин, царь абхазов, который неоднократно захватывал отдельные области Восточной Грузии (Картли, Кахети, Эрети).

Борьба за Кахети продолжается при царе Георгии. Он для покорения Кахети отправил своего сына Леона. Источник сообщает: «И когда (прошла зима), он опять послал войско свое во главе со своим сыном Леоном. (Прибыл) и выжег Кахети, и в этом же походе сообщили ему известие о смерти великого и боголюбивого царя

362 Чубинашвили Г. Н. *Материалы для изучения Самцевирского собора.* — В кн.: *Ars Georgica*, т. 2. — Тбилиси, 1942, с. 22.

241

Георги»(363). При повторном походе он разорил Мухнари, Херки и Базалети(364). В 50—60-х годах X века влияние абхазского царя Леона распространилось не только на Картли, но и на Южную Грузию. Об этом свидетельствует строительная надпись Кумурдской церкви, которая находится к юго-востоку от Ахалкалаки. В надписи говорится: «С божьей помощью епископ Иоанн заложил основу этой церкви, я грешный своими руками, в царствование Леона, возвеличь его, в хроникон 184, в мае месяце, в субботу, в новолунье. Во время эриставства Звия над дверью положили балку. Христос, помоги твоему рабу. Аминь»(365). Хроникон 184 соответствует 964 году.

По данным источников, строительство церкви было начато в 964 году. Леон — сын царя абхазов Георгия. Возникает вопрос, почему имя Леона отражено в этом тексте? Упомянутый в кумурдской надписи Леон — старший брат последних царей Абхазии Деметре и Феодосия. Этот Леон, как сказано выше, распространил свое влияние и на Восточную Грузию. Автор «Матиане Картлиса» говорит об этом дважды. Но он не упоминает о южных владениях Леона. Этот вопрос освещается только кумурдской надписью. Относительно надписи Т. Жордания еще в 1893 году высказал ошибочное мнение о том, что появление имени Леона якобы связано с жертвоприношением, вызванным его родственными отношениями с Давидом и Гургеном. В.

Цискаришвили это мнение считает необоснованным, хотя бы потому, что в тексте не названо имя того феодала, на земле которого был построен храм. Следовательно, появление имени абхазского царя в надписи Кумурдской церкви не связано с жертвоприношением. Здесь мы имеем дело с более важным обстоятельством — эта церковь находилась на территории Абхазского царства. Такое мнение было высказано А. Бакрадзе. Упоминание Леона в надписи Кумурдской церкви связано с ее строительством на территории, подвластной Леону. «Матиане Картлиса» подчеркивает, что Леон был «боголюбивым и полон всех благ»(366).

363 *Картлис ცხოვребა*, т. 1, с. 36.

364 Там же.

365 Шошиашвили Н. Ф. *Лапидарные надписи*, т. 1. — Тбилиси. 1980, с. 264.

366 *Картлис ცხოვребა*, т. 1, с. 36.

242

Таким образом, в X в. абхазские цари распространяли свое влияние как на Восточную, так и на Южную Грузию. Можно ли это обстоятельство объяснить борьбой за объединение грузинских земель?

Как известно, захватническую политику в отношении Картли вели не только абхазские, но и армянские цари. Об этом свидетельствуют взаимоотношения между Сумбатом и Константином. Не известно, чем кончилась бы борьба между абхазскими и армянскими царями за Картли, если бы арабы (Абу-Садж, 906 г. и Абул-Касим, 914 г.), которые ослабили Армению. Иначе говоря, борьба армянских царей за Картли кончилась неудачно. Если борьбу абхазских царей за Картли считать борьбой за объединение грузинских земель или же за проведение общегрузинской политики, тогда надо полагать, что и армянские цари тоже проводили такую же политику. Более того, в истории хорошо известно отношение Ирана к Грузии — захват Восточной Грузии и стремление к присоединению и Западной Грузии. А в более позднее время и царская Россия покорила Кавказ и объединила все грузинские земли, создав две губернии (Тбилисскую и Кутаисскую). Однако нельзя правителям этих стран приписывать проведение общегрузинской политики.

Следовательно, захват абхазскими царями отдельных областей Грузии нельзя квалифицировать как проведение общегрузинской политики. Объединение Абхазии и Грузии не является результатом борьбы абхазских царей за него. Об этом свидетельствует тот факт, что сын абхазского царя Георгия II Константин был назначен царем Картли. Он был свергнут только потому, что выступил против своего отца.

Таким образом, начиная с VIII века, влияние Абхазского царства распространяется на обширные области Восточной и Южной Грузии. Абхазские цари не прекращают борьбу за захват всего Закавказья, которую продолжают до воцарения Баграта III. Распространение влияния абхазских царей на Картли до воцарения Баграта III фактически было не «объединением», а захватом. Поэтому Картли иногда с помощью кахетинцев освобождалась от абхазской зависимости. Только после воцарения Баграта III Картли становится равноправной частью объединенного царства. Если предыдущие абхазские цари Георгий, Константин, Леон III, Деметре, Феодосий не считались закон-

243

ными царями Картли, то Баграт III является законным царем как Абхазии, так и Картли.

В научной литературе часто подчеркивается, что в борьбе за объединение Грузии долгое время первенствовало Абхазское царство, но со второй половины X века в нем начинаются внутренние неурядицы и оно уступает первенство Тао-Кларджетскому княжеству(367). Обратимся к источникам.

По сведениям источника, после смерти Леона царем Абхазии стал его брат Деметре. Третий брат Феодосий находился в Византии, но его уговорили, чтобы он выступил против своего брата Деметре. После ряда столкновений Деметре схватил Феодосия и ослепил. Однако после смерти Деметре на царский престол возвели слепого Феодосия. Воспользовавшись моментом, кахетинцы решили захватить Картли, но этому помешал Давид Курапалат. Через несколько лет возникает вопрос о воцарении в Абхазии Баграта, племянника абхазского царя Феодосия.

Как было сказано выше, ни при Георгии, ни при Леоне мощь Абхазского царства не падала. То же можно сказать и о царствовании Деметре. Так, например, когда кахетинский хорепископ Квирике привел Феодосия и сдал Деметре, обещал: «Я буду мстить за тебя (за Феодосия)». Однако, когда Деметре нарушил уговор и ослепил Феодосия, Квирике ничего не смог сделать. Более того, «увидев его, находящиеся в его царстве начали искать брата его, которого звали Чала-царь, но не смогли добиться этого, так как Деметре был мужественный и доблестный»(368). Как видно, автор «Матиане Картлиса» дает лестную оценку могуществу Деметре. По «Матиане Картлиса», после Деметре Феодосий становится царем Абхазии и Картли. При нем не произошло сколько-нибудь заметных изменений. Желание кахетинцев овладеть Картли осталось не осуществленным. Этому противодействовали правители Тао-Кларджети. Исследователи рассматривают это обстоятельство как наилучшую возможность для объединения Грузии. Так, например, И. А. Джавахишвили писал: «Иоанн Марушидзе придерживался твердого и определенного стремления к объединению Грузии и для осуществле-

367 Лордкипанидзе М. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 226; Очерки истории Грузии, т. 2, с. 529.

368 Матиане Картлиса, с. 37.

244

ния этого выбрал наилучший путь. Лучше Давида Великого Курапалата никто не мог осуществить это: он был известен везде, как в самой Грузии, так и вне ее — Армении, Греции, среди арабов — своим могуществом и высокими моральными качествами; вместе с тем он обладал твердым и сильным характером и никому не позволил бы подчинить себя. Поскольку у него не было сына, он усыновил и воспитал Баграта, сына Гургена, своего близкого родственника. Следовательно, он (Баграт) был наследником не только владений царя картвелов, но и Тао, если же Баграта действительно посадили бы на престол абхазских царей, то тогда он стал бы государем почти всей объединенной Грузии, кроме Кахети и одной части Эрети. Именно поэтому Иоанн Марушидзе домогался воцарения Баграта»(369).

Иоанн Марушидзе, как чиновник абхазского царя, стремился укрепить свое царство. Слепой Феодосий не мог управлять страной, его надо было заменить полноценным правителем. Это видели и другие вельможи. Все они искали подходящую кандидатуру, т. е. такого человека, который имел бы юридическое право занять престол абхазских царей и был бы способным управлять царством. Баграта III пригласили в Абхазию не потому, что он мог стать государем Грузии, или он был воспитан Давидом Курапалатом. Главной причиной воцарения Баграта в Абхазии было то, что он являлся ближайшим наследником абхазской царской династии. Не следует представлять дело так, будто вельможи Абхазского царства, в том числе и Иоанн Марушидзе, единогласно преследовали общие интересы грузинского народа. Множество фактов говорят о том, что на первый план выдвигались личные интересы. Абхазское царство занимало огромную территорию, где жило и неабхазское население. Даже не все представители грузинской знати выступали за общие интересы. Например, картлийские азнауры не хотели сильной централизованной власти и решили отторгнуть Картли от Абхазии. Об этом автор «Матиане Картлиса»

сообщает: «По истечении некоторого времени картлийские азнауры, по присущему им обычаю, вновь занялись интригами: договорились с Накурдевелами и Саботарелами, привели войско из Кахети и сдали Уплисцихе, и захватили в плен Гургена, (сына его) Баграта и царицу Гурандухт,

369 *Джавахишвили И. А. Указ. соч., с. 121.*

245

увезли в Кахети»(370). Как видно, сами картлийские азнауры выступали против объединения. Такое их поведение являлось присущим им обычаем. Давид Курапалат выступил против кахетинцев потому, что не хотел их усиления. Он не хотел усиления и Абхазского царства, хотя на этот престол рекомендовали усыновленного им Баграта. Давид был горд, обладал твердым и сильным характером и, выражаясь словами И. А. Джавахишвили, «никому не позволил бы подчинить себя».

Борьба картлийских азнауров против централизованной царской власти не прекратилась и после воцарения Баграта III в Картли и в Абхазии. Само воцарение Баграта проходило в острой династической и политической борьбе. И после воцарения Баграта картлийские азнауры организовывают против него вооруженное выступление. Надо полагать, что против Баграта выступала основная масса азнауров Картли.

Источники очень мало говорят об этих событиях. Сказано лишь, что воцарение Баграта в Абхазии не было желательным для картлийских азнауров, для Давида Курапалата и для многих абхазских дворян. В чем же дело? Совпадали ли интересы картлийских и абхазских дворян, когда они выступали против Баграта?

Воцарение Баграта III имело неодинаковое значение для абхазских и картлийских азнауров. Оно ограничивало картлийских азнауров. Что же касается абхазских дворян, они и так подчинялись сильному царю. Значит, их беспокоило другое. Видимо, абхазским дворянам не нравилась смена абхазской царской династии грузинской. Эта смена в их представлении выглядела не только как династическая, но и как политическая и культурная. Борьба против смены династии продолжалась в Абхазии и после воцарения Баграта III. Источник отмечает, что он прибыл в Абхазию, чтобы наладить там дела: «Выявил всех непокорных и на их месте возвеличил своих преданных и доверенных»(371).

Таким образом, присоединение Картли к Абхазии путем воцарения в Абхазии Баграта III оказалось проблемой. Цель воцарения Баграта и его последствия оказались весьма значительными для дальнейшей судьбы Картли и всей Грузии. Нам не известно, к чему стремился Иоанн Марушиძэ, когда требовал воцарения

370 *Матиане Картлиса, с. 38.*

371 *Картлис ცხოვребა, т. 1, с. 278.*

246

Баграта: стремился ли он к объединению всей Грузии или он не хотел, чтобы Картли досталась кахетинцам или кларджетцам. Одно бесспорно — как эристав абхазского царя он старался укрепить Абхазское царство. Проблема объединения Абхазии и

Картли получила достаточно полное освещение в работе Г. А. Меликишвили «Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии». Раньше, как выше отмечалось, этот вопрос освещался неправильно. Еще в 1968 году мы указали на это(372).

В 70-х годах X века наместником абхазского царя в Картли был Иоанн Марушиძэ. Однако в 975 году Давид Курапалат правителем Картли утверждает Баграта III. Об этих событиях Г. А. Меликишвили вполне справедливо пишет: «Акт 975 года, видимо, состоялся с согласия центральной власти Абхазии и, возможно, уступку Картли Давиду Курапалату следует рассматривать как вознаграждение за помощь, которую оказал последний Феодосию при его воцарении в Абхазии. Вместе с тем переход правления Картли из рук Иоанна Марушиძэ в руки Баграта никак не следует рассматривать, как отторжение Картли от Абхазии. Картли получил во владение Баграт (скорее всего получила его мать Гурандухт — сестра царствующего в то время в Абхазии Феодосия) как представитель абхазского царского рода; ведь и раньше не раз правителями Картли абхазские цари назначали своих близких родственников—сыновей и т. п. В дальнейших событиях правителем Картли фигурирует именно Гурандухт»(373).

Если первоначально, воцарив Баграта в Картли, Давид Курапалат старался объединить Тао-Кларджети и Картли, то позже, когда возник вопрос о воцарении Баграта в Абхазии, он категорически воспротивился этому. Лишь после настойчивых требований Давид Курапалат пошел на уступки, притом при получении заложников. Воцарение Баграта в Абхазии в 978 году рассматривается исследователями как дальнейшее претворение в жизнь планов Давида Курапалата по объединению Грузии. На ошибочность этого положения указывает Г. А. Меликишвили. Он говорит: «Абхазское царство в эту эпоху (*канун воцарения Баграта в Абхазии*)

372 Гунба М. М. Кумурдская надпись и некоторые вопросы истории Абхазии. — В кн.: Алашара, 10. — Сухуми, 1968, с. 95.

373 Меликишвили Г. А. Политическое объединение..., с. 134.

зии. — М. Г.), несмотря на внутренние неурядицы, было столь сильным, вполне независимым, в отличие от Тао-Кларджети, политическим образованием, что правители последнего вряд ли могли тешить себя иллюзиями о присоединении его к своим владениям. Наоборот, с воцарением Баграта в Абхазии рушились надежды и на присоединение Картли к Тао-Кларджетскому царству, и она ускользнула из рук Давида Курапалата. Именно этим следует объяснить колебание Давида в деле воцарения Баграта в Абхазии — он после больших колебаний и предварительно получив заложников, дал на это согласие. Видимо, ему было ясно, что это делалось не в его интересах — правящая прослойка Абхазии получала возможность мирным путем добиться того, чего ей не удалось добиться силой: присоединить к Абхазии не только Картли, но и одну часть владений Багратионов в Южной Грузии (в Тао), которая полагается Баграту по наследству, по отцовской линии»(374).

Так был решен вопрос воцарения в Абхазии Баграта, племянника абхазского царя. В 978 году «привели его в Абхазию, короновали царем и подчинились все его воле, так как был он уже совершеннолетним. В течение двух лет заведовал, управлял и

направлял все дела, подобно деду своему, великому царю Гиорги, а, может, и лучше»(375). Во избежание всяких неожиданностей Баграт отправляет своего дядю Феодосия (брата матери) к Давиду Курапалату.

Через некоторое время Баграт решил наладить расстроенные дела в Картли. Однако картлийские азнауры не хотели впускать Баграта в Картли, поскольку при правлении Гурандухт каждый из них управлял по-своему. Они во главе с Кавтаром Тбели оказали вооруженное сопротивление Баграту. Тогда Баграт призвал свое войско и в сражении с картлийскими азнаурами одержал победу. Затем он прибыл в Уплисцихе и принял крепость от своей матери.

В источнике говорится, что Баграт «взял с собою мать и отправился в Абхазию. И как опытный кормчий, привел в порядок все дела Абхазии: выявил всех непокорных и на их месте возвеличил своих преданных и доверенных»(376). Приведенные сведения говорят о том,

374 *Там же*, с. 135.

375 *Картлис цховреба*, т. 1, с. 275.

376 *Там же*, с. 276.

248

что и в Абхазии были противники воцарения Баграта, однако он своевременно принял необходимые меры.

Таким образом произошло объединение Абхазии и Картли. Однако вне пределов этого царства оставались Кахети и Тао-Кларджети. Объединенное царство в грузинских письменных документах называлось Апхазети (Абхазия), а в греко-римских — Абазгией. Баграта III называли царем абхазов(377). Это обстоятельство указывает на важнейшую роль Абхазского царства в объединении Абхазии и Картли. Баграт, воцарившись в Абхазии, издал специальный документ, где перечисляются его предки по абхазской царской династии. В этом документе список абхазских царей начинается с Аноса и продолжается до Баграта III. В нем не упоминается отец Баграта — царь царей Гурген.

Заключение

Как явствует из изложенного, абхазские племена уже в первых веках нашей эры занимали восточное побережье Черного моря от Ингура до Малой реки Хазарии. На этой территории были расположены несколько политических единиц: Апсilia, Абазгия, Санигия и Зихия, которые зависели от Римской империи. В письменных источниках они упоминаются до VI века. С VII века начинается их консолидация, которая завершается в VIII веке.

В научной литературе эти племена некоторыми исследователями характеризуются как варвары, оторванные от мировых культурных центров, не имеющие более или менее значительных городов. Однако такая характеристика не соответствует действительности. Археологические раскопки же, в широких масштабах проводимые в Пицунде (с 1952 года), в меньшей степени в Севастополисе и др. пунктах, говорят об

обратном. В частности, раскопки Пицундской археологической экспедиции дали богатейший материал о наличии здесь города и связях местного населения с греческим миром. О таких же связях говорят материалы раскопок в Гюэносе, Севастополисе. Отдельные предметы греческого производства V в. до н. э. найдены в самых отдален-

377 Меликишвили Г. А. Политическое объединение..., с. 276.

249

ных от побережья местах Абхазии (Шубара, Цебельда и др.). Культурные и экономические связи Абхазии с внешним миром в позднеантичное время еще более усиливаются, о чем говорят краснолаковые и стеклянные изделия, импортные амфоры и другие материалы, которые в большом количестве встречаются в прибрежных городах и в предгорных районах Абхазии: в Цебельде, Шаумяновке, Атаре, Сухуми, Пицунде и т. д.

В Абхазии особенно процветало керамическое производство. С продукцией местного керамического производства могла соперничать только привозная краснолаковая посуда. Своим высоким качеством выделяется керамика цебельдинского типа. В научной литературе встречаются утверждения, что в позднеантичное время лазы стояли на более высоком уровне, чем абхазы. Однако археологический материал говорит об обратном. К этому времени в Абхазии создается особая археологическая культура, включающая как продукцию керамического производства, так и другие предметы ремесленного производства: украшения, хозяйственные орудия и боевое оружие. В позднеантичное время в Лазике керамическое производство падает и почти отсутствует стеклянная посуда.

В конце V века или начале VI Византия передает Апсилию (от Келасури до Эгри) Вахтангу Горгасалу, и с этого времени до 40-х годов VIII века южной границей Абхазии становится р. Келасури.

Из вышеперечисленных царств выдвигается Абазгия, которая к первой половине VII века объединяет Санигию, Абазгию и часть Апсилии. Она становится более мощной, чем Лазика. Правители последней в трудные времена находили убежище у правителей Абхазии (Абазгии) и с их помощью восстанавливали свою власть. Победа над арабами изменила политическую ситуацию: правителями Лазики становятся правители Картли. После смерти Мира Арчил выдал младшую племянницу Гурандухт за правителя Абхазии Леона I и выделил ему определенную территорию (Лазику). Это произошло вскоре после победы над арабами под Анакопией. Следовательно, присоединение Лазики к Абхазии происходит именно при Леоне I. Поэтому утверждение о том, что объединителем Абхазии и Эгрии является Леон II, не отвечает исторической правде. Если Леон II был бы объединителем Абхазии и Эгрии и

250

притом был бы проводником «общегрузинской» политики, тогда он назвал бы себя царем не абхазов, а эгрицев. Однако объединенная страна уже имела свое название

— Абхазское царство, и Леон II не мог заменить его.

Утверждение некоторых исследователей о том, что Абхазское царство якобы является грузинским, не соответствует действительности.

Вопрос о перенесении столицы Абхазии в Кутаиси туманно освещается в сведениях Вахушти. Там сказано, что первый царь абхазов (имеется в виду Леон II) построил Кутаиси и поставил престол. Означает ли это, что столица Абхазии была перенесена в Кутаиси? Вполне возможно, что Кутаиси был превращен во вторую резиденцию, что могло быть связано с экспанссионистской политикой абхазских царей, которые планировали расширение своих владений на восток и на юг. Это подтверждается событиями IX века: кумурдская надпись говорит о расширении влияния абхазских царей на юге Грузии. Имеются сведения о том, что Картли и Кахети часто находились под влиянием Абхазии: в Картли сидел эристав царя Абхазии.

В присоединении Картли к Абхазии большую роль сыграл абхазский эристав в Картли Иоанн Марушиძэ. Усиление Абхазского царства непрерывно продолжалось и в начале четвертой четверти X века. На абхазский престол был приглашен племянник абхазского царя Баграт III, за три года до этого утвержденный царем Картли. Роль Абхазского царства в этом объединении ясно видна из того, что объединенное царство по-прежнему называется Абхазским: в грузинских источниках — Апхазети, а в греко-латинских — Абазгия. С этого времени все жители этого царства назывались абхазами-абазгами.

Любопытно, что в списке абхазских царей, составленном по инициативе Баграта III, названы только представители абхазской царской династии. Там отсутствует даже родной отец Баграта III Гурген, который в источниках известен как царь царей. В Абхазском царстве христианство распространяется очень рано. Уже в IV веке в Питиунте (Пицунде) находится церковная кафедра, представитель которой присутствовал на Никейском всемирном соборе. С этого времени на протяжении ряда веков Питиунт остается духовным центром населения Абхазии.

251

Итак, на протяжении всего первого тысячелетия нашей эры наблюдается постепенное усиление Абазгского царства, упомянутого Аррианом. Притом развитие его идет по восходящей линии: сперва вокруг Абазгии объединяются родственные абхазские племена, затем присоединяется Эгриси (Лазика), а позже — Восточная Грузия и создается мощное царство.

Список сокращений

АБНО — Абхазское научное общество.

АН ГССР — Академия наук Грузинской ССР.

АН СССР — Академия наук СССР.

АО — Археологические открытия.

БСЭ — Большая советская энциклопедия.

ВДИ — Вестник древней истории.

ВООН — Вестник отделения общественных наук.

ИАНО — Известия Абхазского научного общества.

ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа.

МАК — Материалы по археологии Кавказа.

МВО — Московский военный округ.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

СА — Советская археология.

САНГ — Сообщения АН Грузии.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

СЭ — Советская этнография.

ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литература и истории.

ТГУ — Тбилисский государственный университет.

ТОПКГЭ — Труды отдела первобытной культуры Госэрмитажа.

ЗОЛКА — Записки общества любителей кавказской археологии.

ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения императорского русского Археологического общества.

253

Михаил Михаил-иша Гунба

АПСНЫ ҲЕРААНЗАТӘИ 1 АЗҚЫШЫҚҰСАЗЫ

(асоциалтә-экономикатәи аполитикатәи еизықазаашъа)

Урысшәала

Михаил Михайлович Гунба

АБХАЗИЯ В 1 ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

(социально-экономические и политические отношения)

ИБ 1410

Редактор Л. Е. Аргун

Оформление Л. И. Евменов

Художественный редактор П. Г. Цквитария

Технический редактор Л. И. Евменов

Корректоры: А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа

Сдано в производ. 2.08.1989 г. Подп. к печ. 11.12.1989 г. ЭИ00741. Формат 84 x 108 1/32.

Тип. бумага № 2. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Усл. крт.-отт. 13,59. Уч.-изд. л. 15,38. Тираж 3 000. Заказ 3773. Цена 2 руб. 40 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина

Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров Абхазской АССР, г. Сухуми, ул. Эшба, 168.

(*Сканирование, вычитка – Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>*)